

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ

БЕЛАРУСКІ КАМІТЭТ СЛАВІСТАЎ

КАМІСІЯ ПА СЛАВЯНСКІМ СЛОВАЎТВАРЭННІ

ГЛАБАЛІЗАЦЫЯ
І СЛАВЯНСКАЕ СЛОВАЎТВАРЭННЕ

XVI Міжнародны з'езд славістаў (Сербія, Бялград, 19–27.08.2018)

Тэматычны блок

GLOBALIZATION
AND SLAVIC WORD FORMATION

XVI International Congress of Slavists (Serbia, Beograd, 19–27. 08. 2018)

Thematis session

Мінск
“Права і эканоміка”
2019

УДК 811.161.1; 811.162.3

ББК 81 + 81.0

Г52

Навуковы рэдактар:

А.А. Лукашанец, доктар філалагічных навук, прафесар,
акадэмік НАН Беларусі

Рэцэнзенты:

доктар філалагічных навук, прафесар А.В. Нікіцевіч,
доктар філалагічных навук, прафесар З.А. Харытончык

Г52 **Глабалізацыя і славянскае словаўтварэнне** : XVI Міжнародны з’езд славістаў (Сербія, Бялград, 19–27.08.2018) : Тэматычны блок / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі; Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа; Беларускі камітэт славістаў; Камісія па славянскім словаўтварэнні пры Міжнародным камітэце славістаў. – Мінск : Права і эканоміка, 2019. – 178 с.

ISBN 978-985-552-878-5.

Манаграфія “Глабалізацыя і славянскае словаўтварэнне” ўключае матэрыялы аднайменнага тэматычнага блока, які адбыўся ў рамках XVI Міжнароднага з’езда славістаў (Бялград, 19–27.08.2018) і прысвечана даследаванню ўплыву сучасных працэсаў глабалізацыі і міжнароднай інтэграцыі на словаўтваральныя сістэмы славянскіх моў.

Globalization and Slavic word formation : XVI International Congress of Slavists (Serbia, Beograd, 19–27. 08. 2018) : Thematis session / National Academy of Sciences of Belarus. Yakub Kolas Institute of linguistics. Belarusian Committee of Slavists. International Committee of Slavists. Commission on Slavic word formation. – Minsk : Pravo i ecanomica, 2019. – 178 p.

ISBN 978-985-552-878-5

The monograph “Globalization and Slavic Word-formation” includes the materials of the same-named thematic block held within the framework of the XVI International Congress of Slavists (Belgrade, August 19–27, 2018) and dedicated to the study of the influence of modern processes of globalization and international integration on the word-formation systems of Slavic languages.

УДК 811.161.1; 811.162.3

ББК 81 + 81.0

ISBN 978-985-552-878-5

© Камісія па славянскім словаўтварэнні пры
Міжнародным камітэце славістаў, 2019

© Афармленне. ВТАА «Права і эканоміка», 2019

УВОДЗІНЫ

Манаграфія “Глабалізацыя і славянскае словаўтварэнне” прысвечана даследаванню сучасных інавацыйных з’яў у словаўтваральных сістэмах славянскіх моў, звязаных з сусветнымі працэсамі інтэграцыі і глабалізацыі жыцця сучаснага грамадства, якія знаходзяць адлюстраванне ў славянскіх мовах перш за ўсё ў інтэнсіўным павелічэнні колькасці англамоўных запазычанняў, іх актыўным уключэнні ў словаўтваральны працэс і ўплыве на словаўтваральныя сістэмы кожнай славянскай мовы (павелічэнне аб’ёму матываванай лексікі з іншамоўнымі асновамі, актуалізацыя словаўтваральных сродкаў іншамоўнага паходжання, змена прадуктыўнасці словаўтваральных сродкаў і адносін сінаніміі, канкурэнцыі словаўтваральных тыпаў, фарміраванне новых спосабаў словаўтварэння, з’яўленне новых словаўтваральных сродкаў і г.д.). Таксама ў манаграфіі разглядаюцца асаблівасці актуалізацыі інавацыйных працэсаў у словаўтваральных сістэмах асобных славянскіх моў, якія абумоўлены інтра- і экстралінгвістычнымі фактарамі (спецыфікай фарміравання літаратурных норм, асаблівасцямі моўных сітуацый, характарам працэсаў міжславянскага збліжэння і адштурхоўвання і г.д.).

У манаграфіі разглядаюцца агульнатэарэтычныя аспекты працэсаў глабалізацыі, яе ўплыў на сістэмы славянскіх моў, у тым ліку словаўтварэнне, на асаблівасці функцыянавання нацыянальных славянскіх моў у сферах унутрынацыянальнай камунікацыі; адлюстраванне працэсаў глабалізацыі ў лексіцы і словаўтварэнні асобных славянскіх моў; уплыў глабалізацыі на стылістычную дыферэнцыяцыю моўных сродкаў; асаблівасці актуалізацыі ўнутраных словаўтваральных магчымасцей славянскіх моў; тэматычныя класы словаўтваральных інавацый у лексіконах сучасных славянскіх моў; узаемасувязь працэсаў глабалізацыі ў славянскім словаўтварэнні і тэндэнцыі да захавання нацыянальнай адметнасці лексічнага складу асобных славянскіх моў.

Манаграфія з’яўляецца вынікам абмеркавання названых праблем на пасяджэнні аднайменнага тэматычнага блока падчас правядзення XVI Міжнароднага з’езда славістаў, які адбыўся ў 2018 годзе ў Бялградзе (Сербія).

Аляксандр Лукашанец

РАЗДЕЛ 1

ПРАЯВЫ МОЎНАЙ ГЛАБАЛІЗАЦЫІ Ў СЛАВЯНСКІМ СЛОВАЎТВАРЭННІ: СУТНАСЦЬ, МАШТАБ І ЎПЛЫЎ НА СІСТЭМУ

Аляксандр Лукашанец

Нацыянальная акадэмія навук Беларусі (Мінск, Беларусь)

alukashanets@tut.by

У раздзеле вызначаюцца сутнасць і маштабы ўплыву працэсаў глабалізацыі і міжнароднай інтэграцыі на сістэмы сучасных славянскіх моў і іх функцыянаванне ў нацыянальных соцыумах; аналізуюцца асаблівасці ўздзеяння англійскай мовы на сістэмы славянскага словаўтварэння; абгрунтоўваецца перыферыйны характар глабалізацыйных працэсаў у славянскім словаўтварэнні і іх роля ў папаўненні слоўнікавага складу славянскіх моў; паказваецца ўніверсальны характар гэтых працэсаў для славянскіх моў, супярэчлівасць і неадназначнасць іх вынікаў і ацэнак.

Ключавыя словы: глабалізацыя, антыглабалізацыя, славянскія мовы, сістэма словаўтварэння, інтэрнацыяналізацыя, інавацыі.

The chapter establishes the nature and extent of the impact of globalization and international integration in the systems of modern Slavic languages and their functioning in the national societies; analyzes the impact of English on the system of Slavic word formation; substantiates the peripheral character of globalization processes in the Slavic word formation and their role in the vocabulary of the Slavic languages; it shows the universal nature of these processes for the Slavic languages, inconsistency and ambiguity of their results and evaluations.

Keywords: globalization, anti-globalization, Slavic languages, word formation, internationalization, innovations

1. Уводзіны

Праблема ўплыву сучасных працэсаў глабалізацыі і міжнароднай інтэграцыі на сістэмы нацыянальных моў і асаблівасці іх функцыянавання ў сферах унутрынацыянальнай камунікацыі з'яўляецца адной з актуальных у сучаснай лінгвістычнай славістыцы і абумоўлена маштабамі і сутнасцю глабалізацыі і інтэграцыйных працэсаў у сучасным свеце, а таксама імклівым пашырэннем новых эфектыўных спосабаў і каналаў камунікацыі і трансляцыі інфармацыі. Параўн.: Глабалізацыя – сусветны працэс палітычнага, эканамічнага, культурнага і духоўнага аб'яднання і ўзаемапранікнення – знаходзіць сваё праяўленне ва ўсіх сферах жыцця сучаснага грамадства (<https://www.calc.ru/Globalizatsiya-Protssess-I-Posledstviya.html>).

З прыведзенага азначэння вынікае, што сучасныя працэсы глабалізацыі і міжнароднай інтэграцыі пранізваюць усе сферы жыцця сучаснага грамадства і знаходзяць сваё непасрэднае адлюстраванне ў моўнай сферы, аказваюць уплыў як на сістэмы нацыянальных моў, так і на іх функцыянаванне перш за ўсё ў саміх нацыянальных соцыумах.

Уплыў працэсаў глабалізацыі на сістэмы нацыянальных моў, у тым ліку і славянскіх, з'яўляецца найбольш відавочным і, як можна меркаваць, перш за ўсё закранае лексіку і словаўтварэнне, паколькі менавіта лексічнае багацце слоўнікавага складу любой нацыянальнай мовы забяспечвае яе намінацыйную дастатковасць, а словаўтварэнне – папаўненне нацыянальных лексіконаў новымі актуальнымі намінацыйнымі адзінкамі, утворанымі ў тым ліку і ад сучасных запазычанняў. Таксама відавочна, што гэты аспект уплыву працэсаў глабалізацыі на сістэмы нацыянальных (у тым ліку і славянскіх) моў у першую чаргу звязаны з актыўным пранікненнем у нацыянальныя лексіконы іншамоўных запазычанняў (пераважна англа-амерыканізмаў) і іх уключэннем у словаўтваральны працэс.

Разам з тым нельга ігнараваць і такія, менш заўважны, але, тым не менш, значна больш “небяспечны” аспект уплыву працэсаў глабалізацыі на моўную сферу нацыянальных соцыумаў, як пранікненне англійскай мовы ў сферы ўнутрынацыянальнай камунікацыі, што актуалізуе праблему захавання нацыянальнымі мовамі сваёй функцыянальнай значнасці. Гэты аспект уплыву працэсаў глабалізацыі на моўную сферу асабліва актуальны для славянскіх краін, у якіх прысутнасць англійскай мовы ў радзе камунікатыўных сфер становіцца ўсё больш заўважнай. Акрамя таго, у некаторых славянскіх краінах (напрыклад, Расіі, Беларусі і інш.) у апошні час дастаткова інтэнсіўна ў сферу гукавой і візуальнай інфармацыі актыўна ўключаецца і кітайская мова.

Нарэшце, уплыў працэсаў сусветнай глабалізацыі на моўную сферу праяўляецца і ў інтэнсіўным фарміраванні глабальнай інфармацыйнай прасторы (кіберпрасторы), што актуалізуе праблему месца ў гэтай прасторы нацыянальных моў, у тым ліку славянскіх.

2. Працэсы глабалізацыі і нацыянальныя мовы

Важнасць разумення сутнасці і значнасці ўплыву працэсаў глабалізацыі і міжнароднай інтэграцыі на моўную сферу жыцця сучасных нацыянальных соцыумаў, а таксама магчымых наступстваў гэтага ўплыву для захавання нацыянальнай спецыфікі моў і іх функцыянавання абумоўлена, на наш погляд, неабходнасцю пошуку адказу на наступныя пытанні: а) ці з'яўляецца моўная глабалізацыя толькі феноменам канца ХХ – пачатку ХХІ ст. і ці магчыма знайсці гістарычныя паралелі гэтым працэсам сучаснасці; б) якія асноўныя напрамкі сучасных працэсаў моўнай глабалізацыі і іх значнасць; в) якія ўзроўні сістэм нацыянальных моў найбольш адкрытыя для працэсаў глабалізацыі; г) наколькі працэсы глабалізацыі ўплываюць на сістэмы нацыянальных моў і іх спецыфіку.

Глабалізацыя як феномен сучаснага моўнага развіцця (канец XX – пачатак XXI ст.): гістарычныя паралелі

Прызнаючы значнасць уплыву англійскай мовы на сістэмы сучасных нацыянальных моў, можна тым не менш сцвярджаць, што гэтыя працэсы не з’яўляюцца абсалютна ўнікальнымі і маюць пэўныя гістарычныя паралелі. Дастаткова ўспомніць ролю класічнай латыні ў сярэднявяковай Еўропе, яе месца ў розных камунікатыўных сферах тагачаснага еўрапейскага грамадства і ўплыў на фарміраванне сучасных еўрапейскіх моў, іх лексіконы, фарміраванне нацыянальных навуковых тэрмінасістэм і г.д.

Другім аналагам сучасных працэсаў моўнай глабалізацыі можа служыць моўная сітуацыя і палітыка моўнага будаўніцтва, а таксама моўныя працэсы ў былым СССР, накіраваныя на збліжэнне нацыянальных моў і фарміраванне адзінага лексічнага фонду нацыянальных моў народаў СССР (у рэчышчы афіцыйнай дзяржаўнай ідэалогіі фарміравання новай супольнасці людзей – савецкага народу). Па сутнасці, сучасны ўплыў англійскай мовы на нацыянальныя мовы і яе пашырэнне ў сферы ўнутрынацыянальных зносін суадносны з моўнымі працэсамі ў СССР другой паловы XX стагоддзя і адрозніваецца толькі маштабамі і характарам уплыву, прычынамі і мэтазгоднасцю (гл. Табліцу 1).

Табліца 1. Параўнальная характарыстыка працэсаў глабалізацыі

Параметры характарыстыкі	Сучасныя працэсы глабалізацыі	Моўныя працэсы ў СССР
Мова донар	англійская мова	руская мова
Характар моўных працэсаў	спантанная некантралюемая моўная дзейнасць	мэтанакіраваная дзяржаўная моўная палітыка
Напрамкі ўздзеяння	а) уздзеянне на сістэмы нацыянальных моў (лексіку і словаўтварэнне); б) пранікненне ў сферы ўнутрынацыянальнай камунікацыі	а) уздзеянне на сістэмы нацыянальных моў (лексіку і словаўтварэнне); б) пранікненне ў сферы ўнутрынацыянальнай камунікацыі
Намінатыўная мэтазгоднасць	развіццё намінатыўных магчымасцей нацыянальных моў	развіццё намінатыўных магчымасцей нацыянальных моў
Камунікатыўная значнасць	звужэнне функцыянальнай значнасці нацыянальных моў	звужэнне функцыянальнай значнасці нацыянальных моў
Маштаб	у сусветным маштабе	у маштабе адной шматнацыянальнай краіны
Вынікі	а) істотнае пашырэнне корпусу інтэрнацыянальнай лексікі ў лексіконах нацыянальных моў; б) нівеліраванне лексічнай самабытнасці нацыянальных моў; в) выцясненне нацыянальных моў на этнакультурную перыферыю	а) фарміраванне адзінага лексічнага фонду моў народаў СССР; б) нівеліраванне лексічнай самабытнасці нацыянальных моў; в) выцясненне нацыянальных моў на этнакультурную перыферыю

Такім чынам, сучасныя працэсы глабалізацыі непасрэдна ўплываюць на сферу моўнага жыцця нацыянальных супольнасцей і сістэмы нацыянальных моў, у тым ліку і славянскіх. Асноўнымі напрамкамі ўплыву працэсаў глабалізацыі на славянскія мовы трэба лічыць: а) уплыў на сферы ўнутрынацыянальнай камунікацыі, б) уплыў на сістэмы нацыянальных моў, в) уключэнне нацыянальных моў у сферу інтэрнэт-камунікацыі і фарміраванне нацыянальнамоўнага сегменту сучаснай кіберпрасторы.

Працэсы глабалізацыі і ўнутрынацыянальная камунікацыя

Сутнасць уплыву сучасных працэсаў міжнароднай глабалізацыі на нацыянальную камунікатыўную прастору заключаецца ў актыўным пранікненні сусветных моў у разнастайныя сферы ўнутрынацыянальных зносін. У XXI стагоддзі знешняя моўная экспансія праяўляецца ў актыўным уключэнні перш за ўсё англійскай мовы ў цэлы рад камунікатыўных сфер нацыянальнага жыцця (адукацыі, навукі, бізнесу, спорту і культуры, інтэрнэт-камунікацыі і інш.).

Трэба адзначыць, што названы аспект уплыву глабалізацыі на нацыянальную моўную сферу з'яўляецца неадназначным. З аднаго боку, актыўнае ўваходжанне англійскай і іншых сусветных моў у камунікатыўную прастору нацыянальных супольнасцей істотна пашырае моўную кампетэнцыю нацыянальных соцыумаў і дапамагае ім больш свабодна інтэгрыравацца ў міжнародную супольнасць. Безумоўна, такі уплыў мае пазітыўны характар. Аднак, з другога боку, актыўнае пракнікненне англійскай мовы ў шэраг сфер унутрынацыянальнай камунікацыі набывае і выразны негатыўны аспект, паколькі рэальна абмяжоўвае камунікатыўную запатрабаванасць саміх нацыянальных моў і ў перспектыве можа выцясніць іх на этнакультурную перыферыю. Таму менавіта гэты аспект уплыву працэсаў сусветнай глабалізацыі на нацыянальную моўную сферу павінен стаць аб'ектам самай пільнай увагі не толькі спецыялістаў-лінгвістаў, але і ўсёй нацыянальнай супольнасці.

Працэсы глабалізацыі і сістэмы нацыянальных (славянскіх) моў

Сутнасць уплыву працэсаў глабалізацыі на сістэмы нацыянальных моў можна вызначыць як актыўнае ўздзеянне англійскай мовы на лексіконы нацыянальных моў, якое заключаецца пераважна ў інтэнсіўным запазычванні сучаснымі славянскімі мовамі вялікай колькасці англа-амерыканізмаў (англамоўная інтэрвенцыя) і іх наступным уключэнні ў словаўтваральны працэс (унутрымоўнае расшырэнне).

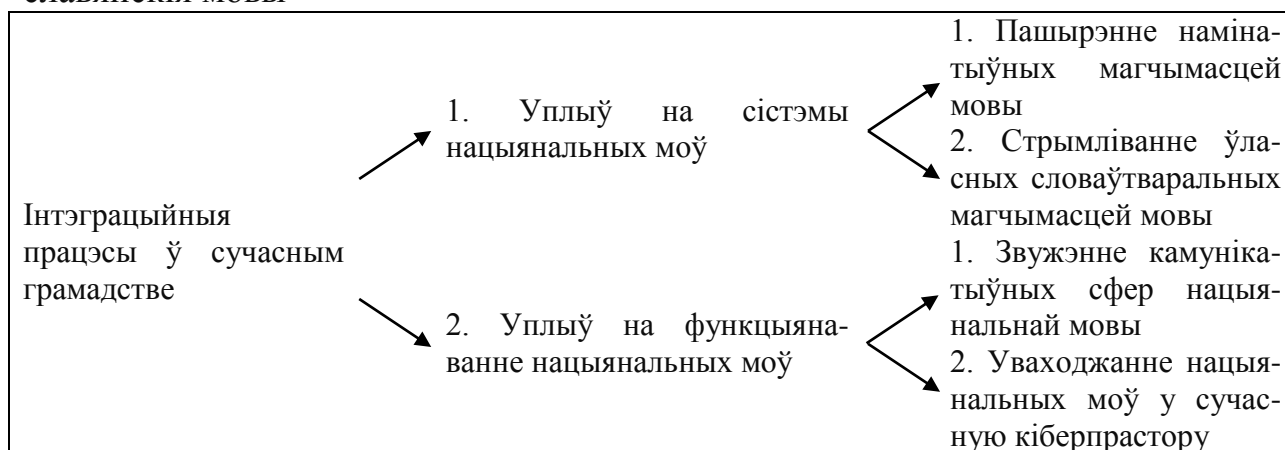
Рэальным вынікам гэтых працэсаў становіцца істотнае павелічэнне ў сучасных нацыянальных мовах (у тым ліку славянскіх) пласту агульнай актуальнай лексікі (агульнага інтэрнацыянальнага лексічнага фонду моў). Такім чынам, сучасны уплыў працэсаў глабалізацыі на сістэмы славянскіх моў прыводзіць да інтэрнацыяналізацыі іх лексіконаў.

Агульная ацэнка гэтых працэсаў таксама набывае неадназначную характарыстыку. З аднаго боку, можна гаварыць пра ўзбагачэнне слоўнікавага складу нацыянальных славянскіх моў і пашырэнне іх намінатыўных магчымасцей, што дазваляе ім максімальна поўна забяспечваць сучасныя камунікатыўныя патрэбы нацыянальных славянскіх соцыумаў. Аднак, з другога боку, названыя аспекты ўплыву працэсаў глабалізацыі на сістэмы славянскіх моў актуалізуюць праблему захавання нацыянальнай адметнасці моў і магчымасці ў поўнай меры рэалізаваць уласныя намінатыўныя рэсурсы, у першую чаргу словаўтваральныя.

Працэсы глабалізацыі і кіберпрастора

Сучасныя працэсы глабалізацыі і з'яўленне новых камунікатыўных сфер і каналаў трансляцыі ведаў і інфармацыі актуалізавалі ў XXI стагоддзі яшчэ адну надзвычай важную праблему развіцця і функцыянавання нацыянальных моў, у тым ліку і славянскіх. Гэтая праблема абумоўлена фарміраваннем і актыўным развіццём глабальнай інтэрнэт-прасторы і неабходнасцю ўваходжання ў яе нацыянальных моў свету, паколькі менавіта прысутнасць і пашырэнне нацыянальных моў у кіберпрасторы сёння становіцца важнейшым фактарам існавання і захавання натуральных моў як рэальнага сродку зносін і камунікацыі. Важнасць гэтай праблемы абумоўлена тым, што сфера інтэрнэт-камунікацыі мае глабальны характар і ў найбольшай ступені інтэрнацыяналізавана, што тлумачыць рэальнае дамінаванне ў ёй сусветных моў, у першую чаргу англійскай. Менавіта таму перад сучаснымі стандартнымі славянскімі мовамі зараз стаіць надзвычай важная і актуальная задача фарміравання паўнаважнай унутранай нацыянальнамоўнай інфармацыйнай інтэрнэт-прасторы, а таксама адпаведнага культурнамоўнага сегменту сусветнай кіберпрасторы. Апошняе, зразумела, патрабуе распрацоўкі адпаведнай дзяржаўнай стратэгіі моўнага рэгулявання, фарміравання і развіцця неабходных моўных рэсурсаў і спецыяльнага інструментарыю.

Табліца 2. Сутнасць і маштаб уплыву працэсаў глабалізацыі на славянскія мовы

3. Працэсы глабалізацыі і славянскае словаўтварэнне

Як паказваюць папярэднія разважанні, уплыў працэсаў глабалізацыі на словаўтварэнне славянскіх моў знаходзіцца ў сферы ўплыву перш за ўсё англійскай мовы на сістэмы нацыянальных моў і мае пераважна апасродкаваны (другасны) характар (праз лексічную сістэму): запазычанне (першая ступень) → уключэнне запазычанняў (англіцызмаў) у словаўтваральны працэс (другая ступень): англ. *modem* → бел. *мадэм* (запычанне) → *мадэмны* (уласнабеларуская вытворная лексічная адзінка); англ. *freestyle* → бел. *фрыстайл* → *фрыстайліст* → *фрыстайлістка*. Такім чынам, на словаўтваральным узроўні працэсы моўнай глабалізацыі толькі ўзмацняюць працэсы інтэрнацыяналізацыі лексіконаў славянскіх моў, паколькі актыўнае ўтварэнне новых матываваных адзінак на базе англамоўных запазычанняў істотна павялічвае колькасць лексічных адзінак з іншамоўнымі асновамі.

Сучасныя працэсы інтэрнацыяналізацыі ў славянскім словаўтварэнні дастаткова ўсебакова разглядаліся ў шэрагу даследаванняў, такіх, напрыклад, як шматтомны цыкл прац “Najnowsze dzije języków słowiańskich”, прысвечаных апісання сучасных працэсаў у славянскіх мовах (Opole 1996–2004), калектыўная манаграфія “Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo / Nominacja” (Ohnheiser 2003), манаграфія “Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich” (Koriakowsewa 2009), цыкл нарысаў па словаўтварэнні сучасных славянскіх моў у (Word-Formation 2016), шматлікія публікацыі ў выданнях Камісіі па славянскім словаўтварэнні пры Міжнародным камітэце славістаў і інш.

Асноўныя напрамкі працэсаў інтэрнацыяналізацыі ў славянскім словаўтварэнні вычарпальна сфармуляваны прафесарам Інгеборг Онхайзер у прадмове да раздзела “Тэндэнцыя інтэрнацыяналізацыі” ў кнізе “Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo / Nominacja” (Ohnheiser 2003, 47).

“Адной з вядучых тэндэнцый развіцця сучасных славянскіх моў (і не толькі славянскіх) з’яўляецца інтэрнацыяналізацыя, якая ў сваю чаргу, аказвае істотны ўплыў на рад іншых тэндэнцый, як, напрыклад, сістэмныя і тыпалагічныя, а таксама прагматычныя.

Заўважна ўзмоцненая з канца XX ст. тэндэнцыя інтэрнацыяналізацыі адлюстроўваецца, напрыклад,

- ва ўключэнні інтэрнацыяналізмаў у асноўны слоўнікавы запас і ў іх выкарыстанні ў якасці новых утваральных, якія фарміруюць цэлыя словаўтваральныя гнёзды;
- у актывізацыі інтэрнацыянальных афіксаў пры ўтварэнні вытворных не толькі з запазычанымі, але і са спрадвечнымі асновамі;
- функцыянальным пераўтварэнні запазычаных элементаў, якія набываюць статус прэфіксаў/прэфіксаідаў ці суфіксаў/суфіксаідаў;
- ва ўзрастанні ролі складання і ва ўзнікненні новых словаўтваральных узораў”.

Нарматыўныя слоўнікі новых слоў і значэнняў славянскіх моў, што з’явіліся ў апошнія дзесяцігоддзі яскрава пацвярджаюць правільнасць гэтых палажэнняў. Спецыяльныя лексікаграфічныя выданні (Скляревская 2007;

Туровська 2008; Уласевіч 2013) фіксуюць як шматлікія запазычанні з англійскай мовы, так і яшчэ большую колькасць новай матываванай лексікі, ўтворанай на базе гэтых запазычанняў. Фактычны моўны матэрыял дазваляе таксама канстатаваць і такі лінгвістычны феномен, як пераход непасрэдных запазычанняў у мове-рэцыпіенце ў разрад матываванай лексікі. Праілюструем гэта на прыкладах лексічных і словаўтваральных інавацый ва ўсходнеславянскіх мовах.

Непасрэдныя запазычанні-англіцызмы

Бел.: *аквабайк* (англ. *aquabike*), *андэграўнд* (англ. *underground*), *анлайн* (англ. *online*), *аўдыт* (англ. *audit*), *аўтсайдар* (англ. *outsider*), *афшор* (англ. *off shore*), *банер* (англ. *banner*), *блог* (англ. *blog*), *боўлінг* (англ. *bowling*), *дамен* (англ. *domain*), *дылер* (англ. *dealer*), *інжынірынг* (англ. *engineering*), *кёрлінг* (англ. *curling*), *мадэм* (англ. *modem*), *мадэратар* (англ. *moderator*), *мегабайт* (англ. *megabyte*), *панк* (англ. *punk*), *паркінг* (англ. *parking*), *пейнтбол* (англ. *paintball*), *правайдар* (англ. *provider*), *маркет* (англ. *market*), *фрыланс* (англ. *freelance*) і г.д. (Уласевіч 2013). Параўн., таксама рус.: *аквабайк*, *андэграўнд*, *онлайн*, *аудит*, *аўтсайдер*, *офшор*, *банер*, *блог*, *боулинг*, *домен*, *дилер*, *инжиниринг*, *керлинг*, *модем*, *модератор*, *мегабайт*, *панк*, *паркинг*, *пейнтбол*, *провайдер*, *маркет*, *фриланс* і г.д. (Скляревская 2007; Уласевіч 2013); укр.: *андэграўнд*, *онлайн*, *аудит*, *аўтсайдер*, *офшор*, *брокер*, *булінг*, *домен*, *дилер*, *інжынірынг*, *кёрлінг*, *модем*, *модератор*, *паркінг*, *пейнтбол*, *провайдер* і г.д. (Туровська 2008).

Матываваныя адзінкі, утвораныя на базе англіцызмаў

Афіксальныя дэрываты

Большасць сучасных англамоўных запазычанняў у славянскіх мовах уключаюцца ў сістэму словаўтварэння ў якасці базавых: бел.: *аквабайк* → *аквабайкер*; *андэграўнд* → *андэграўндны*; *анлайн* → *анлайнавы*; *аўдыт* → *аўдытар* → *аўдытарскі*; *аўтсайдар* → *аўтсайдарскі*; *афшор* → *афшорны*; *банер* → *банерны*; *блог* → *блогавы*; *блог* → *блогер*; *блог* → *блогінг*; *боўлінг* → *баўлінгіст*, *боўлінгавы*; *дамен* → *даменны*; *дылер* → *дылерскі*; *інжынірынг* → *інжынірынгавы*; *кёрлінг* → *кёрлінгіст*, *кёрлінгавы*; *мадэм* → *мадэмны*; *мадэратар* (*moderator*) → *мадэратарскі*; *мегабайт* (англ. *megabyte*) → *мегабайтавы* і *мегабайтны*; *панк* → *панкаваць*, *панкавы*, *панкаўскі*, *панк-фестываль*; *паркінг* → *паркінгавы*; *паркур* → *паркурушчык*; *пейнтбол* → *пейнтбольны*; *правайдар* → *правайдарскі*; *супермаркет* → *супермаркетны*; *фрыланс* → *фрылансер*; *фрыстайл* → *фрыстайліст*, *фрыстайлістка* і г.д. Параўн. рус.: *аквабайкер*, *андэграўндны*, *онлайн*овы, *аудитор*, *аўдытарскі*, *офшорны*, *банерны*, *блогавы*, *инжинирингов*ы, *кёрлінгіст*, *кёрлінгавы*, *модемны*, *модераторскі*, *мегабайтавы*, *мегабайтны*, *фрилансер*, *фристайлист*, *фристайлистка* і г.д.; укр.: *онлайн*овий, *аудитор*, *дилерскі*, *длінгавий*, *офшорний*, *блогер*, *іміджсэвий*, *іміджсэйкерскі*, *кёрлінгіст*, *копірайтер*, *пейнтбольний*, *хакерство*, *хакерскі* і г.д.

Неабходна адзначыць, што ў славянскіх мовах статус матываваных намінацый часта набываюць многія непасрэдныя запазычанні з англійскай

мовы: бел.: *брэйк* (англ. *break*) → *брэйкер* (англ. *breaker*), *брэнд* (англ. *brand*) → *брэндынг* (англ. *branding*), *бутлег* (англ. *bootleg*) → *бутлегер* (англ. *bootlegger*), *кайт* (англ. *kite*) → *кайттар* (англ. *kiter*), *кайтборд* (англ. *kiteboard*), *кайтсёрфер* (англ. *kitesurfer*), *кайтсёрфінг* (англ. *kitesurfing*), *кайтскінг* (англ. *kiteskiing*), *кайтынг* (англ. *kiting*); *капірайт* (англ. *copyright*) → *капірайтар* (англ. *copywriter*), *аўдыт* (англ. *audit*) → *аўдытар* (англ. *auditor*); *блог* (англ. *blog*) → *блогер* (англ. *Blogger*), *блог* (англ. *blog*) → *блогінг* (англ. *blogging*), *фрыланс* (англ. *freelance*) → *фрылансер* (англ. *freelancer*) і г.д.

Некаторыя англіцызмы ўключаюцца ў склад матываванай лексікі па суадноснасці з ужо вядомымі славянскім мовам лексічным адзінкам, напрыклад: бел. *паркінг* (англ. *parking*) ‘вызначанае месца стаянкі транспартных сродкаў’ ← *парк* ‘месца стаянкі і рамонту транспартных сродкаў’ (Капылоў 2016); *кантралінг* (англ. *controlling*) ‘сістэматычны кантроль за выкананнем пэўных задач з адначасовым унясеннем карэктыву як адна з найважнейшых задач менеджменту’ (Уласевіч 2013, 102) ← *кантроль*; *кансалтынг* (англ. *consulting*) ‘кансультаванне вытворцаў, прадаўцоў і пакупнікоў па эканамічных гаспадарчых і прававых пытаннях’ (БРТС, 2016) ← *кансультаваць* і інш.

Складаныя словы

Адным з відавочных вынікаў інтэрнацыяналізацыі лексікі славянскіх моў з’яўляецца істотнае павелічэнне колькасці складаных слоў з іншамоўнымі асновамі, што становіцца адной з прыкметных асаблівасцей сучасных працэсаў у славянскім словаўтварэнні. Пры гэтым неабходна адзначыць наступную асаблівасць. Многія сучасныя неалагізмы-складанні ў славянскіх мовах з’яўляюцца прамымі запазычаннямі, аднак з пункту гледжання сінхроннага словаўтварэння набываюць статус матываваных лексічных адзінак. Пра колькасць і характар наватвораў-складанняў у сучасных славянскіх мовах выразна сведчаць лексікаграфічныя крыніцы:

бел.: *бізнес* (англ. *business*) → *бізнес-адміністраванне*, *бізнес-адукацыя*, *бізнес-аналітык*, *бізнес-асацыяцыя*, *бізнес-асяроддзе*, *бізнесвумен*, *бізнесдзейнасць*, *бізнес-дысцыпліна*, *бізнес-дыялог*, *бізнес-ідэя*, *бізнес-інкубатар*, *бізнес-кансультант* і г.д. (усяго 36 адзінак); *боўлінг* (англ. *bowling*) → *боўлінг-клуб*, *боўлінг-цэнтр*; *брэйк* (англ. *break*) → *брэйк-біт* (англ. *breakbeat*), *брэйк-данс* (англ. *break-dancing*), *брэйк-дансер* (англ. *Breakdancer*); *вэб* (англ. *web* ← *World Wide Web*) → *вэб-арт* (англ. *web art*), *вэб-браўзер* (англ. *web browser*), *вэб-выданне*, *вэб-дызайн* (англ. *web design*), *вэб-дызайнер* (англ. *web designer*), *вэбінар* (англ. *webinar* ← *web (sem)inar*), *вэб-інтэрфейс*, *вэб-камера* (англ. *web cam*), *вэб-кантэнт*, *вэб-майстар* (англ. *webmaster*), *вэб-партал*, *вэб-праграмаванне*, *вэб-праграміст*, *вэб-райтар* (англ. *webwriter*), *вэб-распрацоўшчык*, *вэб-рыдар* (англ. *webreader*), *вэб-рэсурс*, *вэб-сайт* (англ. *website*), *вэб-сёрфер* (англ. *web surfer*), *вэб-сёрфінг* (англ. *web surfing*), *вэб-старонка* (англ. *webpage*), *вэб-фотагалерэя*, *вэб-хостынг*; *інтэрнэт* (англ. *Internet*) → *інтэрнэт-адрас*, *інтэрнэт-агенцтва*,

інтэрнэт-аператар, інтэрнэт-апытанне, інтэрнэт-аўдыторыя, інтэрнэт-аўкцыён, інтэрнэт-банкінг, інтэрнэт-бібліятэка, інтэрнэт-бізнес, інтэрнэт-версія, інтэрнэт-выданне, інтэрнэт-выстава, інтэрнэт-вянчанне, інтэрнэт-вяшчанне, інтэрнэт-газета, інтэрнэт-галасаванне, інтэрнэт-гандаль, інтэрнэт-гульня, інтэрнэт-дзённік, інтэрнэт-доступ, інтэрнэт-дыплом, інтэрнэт-залежнасць, інтэрнэт-злучэнне, інтэрнэт-знаёмства, інтэрнэт-індустрыя і г.д. (усяго 72 адзінкі).

Да новых узораў словаўтварэння ў славянскіх мовах, абумоўленых працэсамі глабалізацыі, можна аднесці так званае гібрыднае словаўтварэнне (утварэнне новых лексічных адзінак, якія з’яўляюцца спалучэннямі іншамоўных і ўласнамоўных элементаў), а таксама фарміраванне новых словаўтваральных тыпаў (з’яўленне новых словаўтваральных сродкаў – прэфіксаў і прэфіксідаў, суфіксаў і суфіксідаў). Напрыклад: бел. *працаголік, еўрарамонт*; рус. *трудоголик, еврозона, евроремонт*; польск. *pracoholik, zakupomania, wódkagate, eurociulacz, megawuprzedaż, narkowojna, cyberwojna* (Waszakowa 2009, 23) і г.д.

Гібрыднае словаўтварэнне, з’яўляючыся ў прынцыпе агульным для ўсіх славянскіх моў працэсам, па-рознаму адлюстроўваецца і інтэрпрэтуецца ў кірыла- і лацінаграфічных мовах. Параўн.: бел. *CD-дыск, VIP-персона, IT-спецыяліст* (→ *айцішнік*); чэшск. *CD [cédé]* (→ *cédéčko*), *CD ROM* (→ *cédéromka*) (Bozděchová 1997, 110 – 111); польск. *CD-R* (з англ. *Compact Disc Recomdable*) → *cedeerka* (Waszakowa 2003, 81) і г.д.

Названыя працэсы інтэрнацыяналізацыі ў лексіцы і словаўтварэнні славянскіх моў маюць у цэлым падобны характар і аднолькавыя вынікі, хаця некаторыя лексічныя адзінкі, з’яўленне якіх у лексіконах сучасных славянскіх моў абумоўлена ўплывам англійскай мовы, у розных славянскіх мовах могуць адрознівацца. Напрыклад: англ. *Computer* – бел. *камп’ютар*, рус. *компьютер, комп’ютер*, польск. *komputer*, але: серб. *рачунар*; англ. *Geek* – польск. *geek*, серб. *geek, гик* і *залуђеник*, але: бел. *камп’ютаршчык*, рус. *компьютерицик*, укр. *комп’ютерник*; англ. *Networker* – польск. *networker*, серб. *нетворкер*, але: бел. *сецявік*, рус. *сетевик*, укр. *мережевик* і інш.

4. Глабалізацыя і “антыглабалізацыя” ў славянскім словаўтварэнні

Названыя вышэй праявы глабалізацыі (англамоўнага ўплыву) у лексіцы і словаўтварэнні сучасных славянскіх моў у радзе выпадкаў параджаюць і “адваротны” працэс – актуалізацыю ўласных намінаўных рэсурсаў, якія дазваляюць у пэўнай меры стрымліваць інтэрнацыяналізацыю лексіконаў славянскіх моў і захоўваць іх нацыянальную адметнасць. Гэты працэс своеасаблівай “антыглабалізацыі”, які для раду сучасных славянскіх моў падмацоўваецца тэндэнцыяй да адштурхоўвання ад суседніх блізкароднасных моў (напрыклад, беларускай і ўкраінскай ад рускай), знаходзіць сваё ўвасабленне ў:

а) семантычным словаўтварэнні: англ. *Net* – бел. *сеціва*, рус. *сеть*, укр. *мережа*, польск. *sieć*, серб. *мрежа*; англ. *Networker* – бел. *сецявік*, рус. *сетевик*, укр. *мережесвик*, але: польск. *networker*, серб. *нетворкер*;

б) тэндэнцыі да павелічэння нацыянальна спецыфічных моўных сродкаў, у тым ліку і шляхам словаўтварэння, за кошт актывізацыі ўнутраных словаўтваральных рэсурсаў і фарміраванні паралельных радоў намінацыўных лексічных адзінак. Параўн.: бел. *брамнік* ‘варатар’ (рус. *вратарь*), *запечнік* і *пляцак* ‘рукзак’ (рус. *рюкзак*), *заўзятар* ‘спарт. балельшчык’ (рус. *болельщик*), *далькажык* і *гутарык* ‘мабільны тэлефон, мабільнік’ (рус. *мобильник*), *надалоннік* ‘кішэнны камп’ютар’, *кружэлка* ‘кампакт-дыск’, *бізнесовец* ‘бізнесмен’, *спартовец* ‘спартсмен’ і інш.

Названыя працэсы прыводзяць да павелічэння нацыянальна адметнай лексікі ў славянскіх мовах, пашырэння лексічнай варыятыўнасці і фарміравання новых паралельных радоў намінацыўных адзінак, у тым ліку вытворных: бел. *бізнесмен* – *бізнесовец*, *спартсмен* – *спартовец*, *мабільнік* – *далькажык*, *інтэрнэт* – *сеціва*, *інтэрнэтны* – *сеціўны*, *інтэрнэтчык* – *сецявік*; укр.: *мережа* ‘мережа мереж, глабальна камп’ютэрна мережа, што выкарыстоўвае стандартызавані пратоколі та аб’яднуе больш за 50 тыс. мереж’ → *міжмережзевый*, *інтэрмережа*, *мережзевый*, *мережний*, *мережник*, *мережесвик*, *мережесвик/мережанка*, *веб-мережа* і г.д. (Карпіловська 2016).

Адным з відавочных вынікаў працэсаў антыглабалізацыі ў славянскім словаўтварэнні, відаць, трэба лічыць узмацненне лексічнай сінаніміі і канкурэнцыі словаўтваральных тыпаў, а таксама нарматыўную пераацэнку матываваных лексічных адзінак (Лукашанец 2003b).

Такім чынам, сучасныя тэндэнцыі ў словаўтварэнні славянскіх моў, абумоўленыя працэсамі сусветнай глабалізацыі, могуць атрымліваць неадназначную ацэнку з пункту гледжання ўплыву на сістэмы мовы. З аднаго боку, да, безумоўна, пазітыўных вынікаў неабходна аднесці а) забеспячэнне патрэб сучаснай намінацыі; б) пашырэнне словаўтваральнай базы нацыянальнай мовы і істотнае павелічэнне матываваных адзінак у лексіконах; в) павелічэнне корпусу словаўтваральных сродкаў нацыянальнай мовы; г) актуалізацыю спрадвечных словаўтваральных сродкаў; д) фарміраванне новых спосабаў словаўтварэння і структурных тыпаў матываваных слоў і г.д. З другога боку, нельга не заўважаць і магчымыя негатыўныя праявы названых працэсаў у словаўтварэнні славянскіх моў: а) патэнцыяльнае стрымліванне ўласных намінацыўных магчымасцей нацыянальнай мовы; б) актывізацыя і пашырэнне інтэрнацыянальных (іншамоўных) словаўтваральных сродкаў нацыянальнай мовы, а таксама пашырэнне не зусім уласцівых сістэме нацыянальнага словаўтварэння намінацыўных адзінак тыпу бел. *VIP-персона*, *IT-спецыяліст* (→ *айцішнік*); в) актывізацыя словаўтваральных сродкаў іншамоўнага паходжання і выцясненне спрадвечных на перыферыю сістэмы і г.д.

Вывады

1. Сучасныя працэсы глабалізацыі як трэнд сучаснага жыцця сусветнай супольнасці аказваюць істотны ўплыў на нацыянальныя мовы і закранаюць не толькі сістэмы нацыянальных моў, але і ўплываюць на іх функцыянаванне ў нацыянальным соцыуме. Інавацыйныя працэсы ў словаўтварэнні сучасных славянскіх моў з'яўляюцца толькі адной з перыферычных праяў моўнай глабалізацыі. Яны забяспечваюць папаўненне лексіконаў сучасных славянскіх моў актуальнай інтэрнацыянальнай лексікай пераважна англамоўнага паходжання, знаходзяць адлюстраванне ў сістэмах славянскага словаўтварэння, але не змяняюць іх істотна.

2. Працэсы моўнай глабалізацыі ў славянскім словаўтварэнні характарызуюцца супярэчлівацю і неадназначнасцю ацэнак. З аднаго боку, актыўнае папаўненне лексіконаў славянскіх моў іншамоўнай лексікай і яе ўключэнне ў словаўтваральны працэс забяспечвае патрэбы сучаснай намінацыі і пашырае словаўтваральныя магчымасці мовы. З другога боку, абмяжоўвае рэалізацыю ўласнага намінатыўнага патэнцыялу, у тым ліку і словаўтваральнага.

3. Актыўнае папаўненне слоўнікавага складу сучасных славянскіх моў інтэрнацыянальнай лексікай параджае ў славянскім словаўтварэнні адваротную працэсам глабалізацыі тэндэнцыю – своеасаблівую “антыглабалізацыю”, якая садзейнічае падтрыманню і ўмацаванню славянскімі мовамі сваёй нацыянальнай адметнасці і словаўтваральнай спецыфікі. Інтэнсіўнае папаўненне сучасных лексіконаў славянскіх моў іншамоўнай лексікай англамоўнага паходжання і цэлымі гнёздамі вытворных слоў на базе іншамоўных запазычанняў стымулюе актывізацыю ўласнага намінатыўнага патэнцыялу і вядзе да паралельнага ўтварэння аналагічнага раду вытворных адзінак на базе нацыянальных моўных рэсурсаў. Вынікам гэтага становіцца істотнае пашырэнне лексічнай варыянтнасці і дублетнасці, словаўтваральнай сінаніміі, а таксама стылістычнае размежаванне запазычанай і спрадвечнай лексікі, у тым ліку вытворнай.

4. Асноўнымі крытэрыямі сучасных дынамічных працэсаў у словаўтварэнні славянскіх моў трэба лічыць (Лукашанец 2003а): а) адпаведнасць агульным тэндэнцыям моўнага развіцця, б) актуальнасць; в) намінатыўную мэтазгоднасць; г) уключанасць у сістэму. Яны могуць быць ахарактарызаваны як рух звонку ўнутр сістэмы (запазычанне), унутрымоўнае расшырэнне (утварэнне матываных адзінак на базе запазычанняў) і развіццё магчымасцей сістэмы (пашырэнне намінатыўных магчымасцей мовы і яе словаўтваральнага патэнцыялу).

Літаратура:

Капылоў 2016: Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / уклад.: І.Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І.Л. Капылова. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.

Карпіловська 2016: Карпіловська, Євгенія А. Словотворення в українськомовному “кресленні” Інтернету / Євгенія А. Карпіловська // *Wortbildung und Internet/ Branko Tošovič, Arno Wonisch (Hg.). – Graz: Institut für Slavistik der Karl-Franzens-Universität Graz – Kommission für Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee, 2016. P. 125–134.*

Лукашанец 2003а: Лукашанец, А. Працэсы інтэрнацыяналізацыі ў рускай, беларускай і ўкраінскай мовах / А. Лукашанец // *Komparacja współczesnych języków słowiańskich: Słowotwórstwo/ Nominacja // Uniwersitet Innsbruck: red. nauk. I. Ohnheizer. – Opole, 2003. – С. 59–77.*

Лукашанец 2003б: Лукашанец, А. Тэндэнцыя да нацыяналізацыі ў рускай, беларускай і ўкраінскай мовах / А. Лукашанец // *Komparacja współczesnych języków słowiańskich: Słowotwórstwo/ Nominacja // Uniwersitet Innsbruck: red. nauk. I. Ohnheizer. – Opole, 2003. – С. 138–151.*

Скляревская 2007: Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика: под ред. Г.Н. Скляревской. – М.: Эксмо, 2007. – 1136 с.

Туровська 2008: Нові слова та значення: словник / Ін-т укр. мови НАН України; укл.: Л.В. Туровська, Л.М. Василькова. – К.: Довіра, 2008. – 271 с.

Уласевіч 2013: Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і значэнняў / В.І. Уласевіч, Н.М. Даўгулевіч. – Мінск: Аверсэв, 2013. – 253 с.

Bozděchová 1997: Bozděchová, Ivana. Jazyk počítačů / Dane, F. Et al.: // *Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997. – S. 105–113.*

Koriakowcewa 2009: Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich: red. nauk. Elena Koriakowcewa. – Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2009. – 205 s.

NDJS 1996–2004: Najnowsze dzieje języków słowiańskich. – St. Gajda (red.): NDJS-Српски језик. Red. nauk. M. Radovanović. Opole 1996; Български език. Red. nauk. St. Dimitrova. Opole 1997; Русский язык. Red. nauk. E. Širjaev. Opole 1997; Беларуская мова. Red. nauk. A. Lukašanec et. al. Opole 1998; Český jazyk. Red. nauk. J. Kořenský. Opole 1998; Hrvatski jezik. Red. nauk. M. Lončarić. Opole 1998; Македонски јазик. Red. nauk. L. Minova-Ćurkova. Opole 1998; Serbščina. Red. nauk. H. Faska. Opole 1998; Slovenski jazyk. Red. nauk. J. Bosak. Opole 1998; Українська мова. Red. nauk. S. Jermolenko. Opole 1999; Język polski. Red. nauk. St. Gajda. Opole 2001.

Ohnheizer 2003: Komparacja współczesnych języków słowiańskich: Słowotwórstwo/ Nominacja // Uniwersitet Innsbruck: red. nauk. I. Ohnheizer. – Opole, 2003. – 541 s.

Waszakowa 2003: Waszakowa, Krystyna. Przejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach słowotwórczych języków słowiańskich / Krystyna Waszakowa // *Komparacja współczesnych języków słowiańskich: Słowotwórstwo / Nominacja // Uniwersitet Innsbruck: red. nauk. I. Ohnheizer. – Opole, 2003. – S. 78–102.*

Word-formation 2016: Word-formation. An International Handbook of the Language of Europe. Volume 4. – Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2016. – 702 p.

РАЗДЕЛ 2

ЯЗЫК СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ СМИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИННОВАЦИОННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Елена Ивановна Коряковцева/ Elena Koriakowcewa,
Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach (Siedlce, Polska)
elena.koriakowcewa@gmail.com

В данной работе рассматриваются инновационные процессы деривации с помощью евро-латинских суффиксов *-изация / -izacja / -izace* и аффиноидов *-завр/-zaur/-saurus*, *-(o)номика/-(o)nomika* в языке русских, польских и чешских СМИ в конце XX – начале XXI века. В диахроническом и сравнительном аспектах кратко описывается эволюция словообразовательных типов русских, польских и чешских существительных с новыми интернациональными формантами *-инг/-ing/-ink*, *-гейм/-gate* и *-(o)голик/-(o)holik*. Анализируются также неологизмы русских, польских и чешских интернаутв, «индуцированные» словотворчеством СМИ.

Ключевые слова: глобализация, СМИ, инновации, евролатинские суффиксы, новые интернациональные форманты

This study deals with the innovative processes of derivation with the help of Euro-Latin suffixes *-изация/-izacja/-izace* and the affixoids *-завр/-zaur/-saurus*, *-(o)номика/-(o)nomika* in Russian, Polish and Czech media word-creation at the at the end of XX and the beginning of XXI century. In the diachronical and comparing aspects was studied the evolution of word-formative types of Russian, Polish and Czech nouns with new international formants *-инг/-ing/-ink*, *-гейм/-gate* and *-(o)голик/-(o)holik*. The study focuses also on the Internet neologisms as derivatives of new media age, which in many ways affects the netizens in terms of communication.

Keywords: globalization, mass media, innovation, Euro-Latin suffixes, new international formants

1. Основной тенденцией развития современного мирового сообщества является глобализация, которую нередко характеризуют как процесс тотальной вестернизированной интеграции, точнее – «амероглобализации», поскольку в основе этого процесса лежит англо-американская модель общества, его экономики, политики и культуры. «Амероглобализация» осуществляется с помощью «всемирного» английского языка, т.н. *Globish* (> *global English*), что находит своё выражение в интенсивном

проникновении англицизмов в языки-реципиенты, носители которых находятся под политико-экономическим и социокультурным влиянием США и Великобритании.

Экспансионизму английского языка в мировом масштабе, т.е. «глобанглизации» (термин В.В. Кабакчи), активно содействуют не только политико-экономическая, но также информационная амероглобализация, осуществляемая с помощью интернет-ресурсов и СМИ. Информационная «амероглобализация» и ее языковая манифестация – «глобанглизация» – тесно взаимосвязаны с демократизацией общественной жизни и её «медиатизацией»¹. В условиях глобальной виртуализации общественной жизни, интернационализации информационной и коммуникационной сфер роль средств массовой информации многократно усиливается, а язык СМИ претендует на роль общего, усредненного языка, пожалуй, у всех славянских народов (см.: Нецименко 2010). В ходе информационной «амероглобализации» в практику славянских СМИ внедряются профессиональные стандарты западной журналистики, происходит активная деконструкция их функционального стиля, сопровождающаяся поиском эффективных выразительных средств, в том числе – словообразовательных.

Изучение словообразовательных инноваций, возникших в дискурсе СМИ, а также инновационных словообразовательных процессов, стимулируемых словотворчеством журналистов и реципиентов их текстов², приобретает особую актуальность ввиду того, что языковые средства воздействия, используемые СМИ, являются мощным фактором формирования общественного сознания (см. Васильев 2005). В данной работе в диахроническом аспекте анализируются русские, польские и чешские медийные неодериваты с «евролатинскими» терминологическими элементами *-изация/ -izacja/-izace*, *завр/-zaur/-saurus*, *-(o)номика/ -(o)nomika*, отличающимися высокой активностью в эпоху глобализации, а также неодериваты с новыми интернациональными формантами *-инг/-ing/-ink*, *-гейт/ -gate*, *-(o)голик/-(o)holik*, заимствованными из global English, в том числе – «индуцированные неодериваты», созданные реципиентами текстов СМИ в конце XX и в начале XXI века³.

¹ Под медиатизацией понимается «распространение влияния медиа на важнейшие области социальной жизни и обратный процесс вовлечения в информационную сферу различных сторон общественной деятельности, то есть создание зон пересечения медиа и социальных феноменов» (Клушина 2014: 68-69).

² Большая часть СМИ дублирует свои материалы в сети Интернет на своих сайтах. Многие из них являются интерактивными и дают возможность читателю оценивать происходящее, высказывая мнение в комментариях к материалам.

³ Временные рамки исследования охватывают следующие периоды: 1) 90-е годы XX века, 2) первое и второе десятилетия XXI века. Выделение этих периодов в перспективе «ближней диахронии» (термин Е.А. Земской) обусловлено изменением характера развития анализируемых словообразовательных типов, «сменой одного их состояния другим в результате появления новых производных слов и иных единиц данной системы, изменения связей и взаимоотношений между ними» (Немченко 1985: 19–20).

Исследование ориентировано на выявление структурно-семантических особенностей и прагматико-стилистических свойств медийных гибридных неогериватов, ставилась задача определить морфемный статус заимствованных формантов, с помощью которых эти неогериваты были созданы. Проводился количественный анализ с целью определения степени системной и эмпирической продуктивности словообразовательных типов, в состав которых вошли медийные гибридные неогериваты и окказионализмы, ими «индуцированные»¹.

1.1. Анализируя в начале XXI века состояние современных славянских литературных языков, слависты отмечали, что универсальной тенденцией их развития является интернационализация, имеющая весьма специфический характер (см., например, Ohnheiser 2003). Если в 60-ые годы XX века происходило постепенное вхождение интернациональных элементов греко-латинского происхождения в научный и публицистический стиль, то в 90-ые годы XX века интернационализация стала чрезвычайно активной, даже агрессивной, что проявилось в резком увеличении числа интернационализмов-англицизмов во всех языковых подсистемах (Bosák 2003, Waszakowa 2005). Так, например, в словарном составе русского языка в течение XX века по статистике, полученной Э.Ф. Володарской, доля англицизмов возросла с 2,57% в начале XX века до 25% под конец 90-е годов (Володарская 2002: 102– 104). Именно с этого времени англицизмы-интернационализмы – лексемы и морфемы – активно тиражируются лингвокреативными журналистами и, попадая в интернет-пространство, распространяются за пределами медийных текстов, адаптируются к речевой практике реципиентов медиа-дискурса, вовлекаются в словообразовательные процессы, нередко имеющие инновационный характер.

2. По мнению многих лингвистов, информационная глобализация ведет не только к заимствованию англо-американизмов в европейские языки, но и к интернационализации заимствованных лексических пластов (см. Tsuda 1986:8; Kastovsky 1995; Munske 1996; Schmitt 2000). Разновидностью интернационализации является «евролатинизация»², которая заключается как в

¹ Источниками исследования послужили: 1) словари неологизмов (список приводится в конце статьи); 2) специализированные веб-сайты и национальные корпуса (www.urbandictionary.com, www.slovonovo.ru, <http://neologismy.cz>, <http://ruscorpora.ru>, <http://nkjp.pl>, <http://lexiko.ujc.cas.cz/heslare/search.php>); 3) поисковые системы (www.yandex.ru; www.google.ru; www.google.cz, www.google.pl); 4) авторские издания (научные монографии, сборники, диссертации, научные статьи). Был осуществлен также запрос по полям, в основном, следующих источников: «Грани. РУ», «Завтра», «Известия», «ИноСМИ», "Коммерсантъ", «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Новые Известия», «Политобоз», „Rzeczpospolita”, «Waronline.org», vremya.ru, stringer.ru, livejournal.com, Forum.gazeta.pl, Parodist.net, www.anekdot.ru, zgrad.net, rp.pl, pardon.pl, salon24.pl, Lidovky.cz, Aktuálně.cz, Česká média.cz, Blesk.cz, www.idnes.cz, www.novina.cz, www.tyden.cz, www.top09.cz

² Термин «евролатынь» охватывает все слова и словообразовательные элементы латинского и древнегреческого происхождения, вошедшие в лексику европейских языков в качестве заимствований. Грецизмы включаются в евролатынь на том основании, что они были заимствованы преимущественно через посредство латыни... Евролатынь – это не

активном обращении к греческому и латинскому словарным фондам, так и в интенсивном использовании при словопроизводстве греко-латинских аффиксов, которые нередко заимствуются при посредничестве Globish. «Евролатинизация» характерна не только для западно-европейских, но и для славянских языков, в том числе – русского, польского и чешского, в которых с конца XX века во многом благодаря словотворчеству лингвокреативных журналистов растет количество неогермативов, образованных с помощью евролатинских аффиксов, прежде всего – суффиксальных формантов *-изация/ -izacja/ -izace*, *-(о)номика/ -(o)nomika*, *-завр/-zaur/-saurus*.

2.1. В развитии словообразовательных типов, по которым были созданы *nomina actionis* с изофонными «евролатинскими» аффиксальными формантами *-изация/ -izacja/ -izace*, наблюдается конвергентность. Это объясняется системной близостью русского, польского и чешского языков, действием универсальной тенденции к экономии речевых средств, а также сходством социокультурной ситуации.

В русском, польском и чешском языках появление форманта *-isatio* (*-изация/ -izacja/ -izace*), а затем активный рост его продуктивности в XIX–XX вв. были вызваны интенсивным развитием науки, нуждавшейся в абстрактных существительных – терминах процессов (Коряковцева 1998: 177; Długosz-Kurczabowa 2001:375, Martinová 1983: 78). Большинство русских, польских и чешских *nomina actionis* с финалями *-изация/ -izacja/ -izace* являются терминами, в терминологии же существует "логическая подчиненность понятий, передаваемых глагольными формами, понятию, соответствующему имени действия" (Канделаки 1977: 44). Эта подчиненность способствовала превращению «евролатинских» суффиксов *-изациj-/-izacj-/-izac-* в автономные полисемантические процессуальные терминологические элементы, спомощью которых могут быть образованы отыменные *nomina actionis*.

К 90-м годам XX века в русском, польском и чешском языках сформировались четыре группы процессуальных имен с финалями *-изация/ -izacja/ -izace*, различающихся характером словообразовательных связей (Коряковцева 1998: 73; Коряковцева 2010): 1) *nomina actionis* – заимствованные немотивированные термины с непроизводной основой, типа *дератизация*, польск. *deratyzacja*, чешск. *deratizace*; 2) *nomina actionis*, соотносительные только с однокоренными глаголами на *-ировать, -изировать, -изовать*, типа *гальванизация, инсценизация, секуляризация*; польск. *inscenizacja, galwanizacja*; чешск. *inscenizace, galvanizace* и др.; 3) *nomina actionis*, соотносительные помимо глаголов либо с существительными, либо с прилагательными, типа *интеллектуализация, математизация, морализация, профессионализация*; польск. *intelektualizacja, moralizacja, matematyzacja, profesjonalizacja*; чешск. *intelektualizace, matematizace, moralizace, profesionalizace* и др.); 4) *nomina actionis*, соотносящиеся только с существительными и прилагательными, типа

распространённый по всей Европе латинский язык, а лишь его фрагменты в виде заимствованных лексем, морфем и правил (см. Кобенко 2013).

гитлеризация, эстетизация; польск. *estetyzacja, hitleryzacja*; чешск. *estetizace, hitlerizace* и др.).

На рубеже XX– XXI веков неоспоримым *novum* в словообразовании русского, польского и чешского языков стало создание мутационно-модификационных, эмоционально-оценочных отыменных *nomina actionis* с помощью терминоэлементов *-изация/-izacja/-izace*, комбинаторные возможности которых значительно расширились во многом благодаря журналистскому словотворчеству (Коряковцева 2008; 2015). Словопроизводственную базу дериватов с формантами *-изация/-izacja/-izace* формируют существительные всех лексико-грамматических разрядов, качественные и относительные прилагательные, а с начала XXI века также аббревиатуры и заимствования-трансплантаты (русск. *ЕГЭ-изация, ГБ-изация, КГБ-изация, PR-изация, Internet-изация, SMS-изация*; польск. *sms-izacja, PR-izacja*; чешск. *internetizace, PR-izace*).

Отыменные неодериваты с формантами *-изация / -izacja/-izace*, созданные в начале XXI века, пополнили словообразовательные типы со следующими категориальными значениями: 1) «превратить в того, кто назван мотивирующим словом» (польск. *debilizacja, gburyzacja* ‘хамизация’; русск. *болванизация, быдлизация, дебилизация, кретинизация, наркоманизация, плебеизация, скотинизация...*; чешск. *blbizace* ‘кретинизация’); 2) «подвергнуть действию того, что названо мотивирующим словом» (польск. *alkoholizacja*, русск. *алкоголизация*, чешск. *alkoholizace*); 3) «довести до состояния, названного мотивирующим словом» (польск. *paranoizacja*, русск. *параноизация, шизофренизация*, чешск. *paranoizace*); 4) “наделять свойством, названным мотивирующим прилагательным” (польск. *infantylizacja*, русск. *инфантилизация, экстремизация*, чешск. *infantilizace*); 5) «действовать по способу (методу) лица, названного мотивирующим существительным” (польск. *lepperzacja* ← *Lepper*; русск. *ельцинизация* ← *Ельцин*; чешск. *zemanizace* ← *Zeman*).

Большинство русских, польских и чешских неодериватов с формантами *-изация / -izacja/-izace*, образованных в начале XXI века, называют социальные процессы, связанные с изменением общественного строя и глобализацией, а именно: внедрение американской культуры и образа жизни; превращение средств массовой информации в основное орудие управления обществом; растущую силу преступного мира и власть олигархов; духовное и материальное обнищание населения; распространение наркотиков; рост психических заболеваний, спровоцированных социокультурной ситуацией в постсоциалистических странах¹, ср.: *американизация* (95 000) – *amerykanizacja* (4 600) – *amerikanizace* (3820), *глобализация* (4 000 000) – *globalizacja* (178 000) – *globalizace* (156 000); *дебилизация* (136 000) – *debilizacja* (1460) – *debilizace* (*populacje, spolecnosti, naroda* – 848); *ельцинизация* (398) – *jelcynizacja* (1) – *jelcinizace* (1); *инфантилизация* (13 000)

¹ В скобках указано количество сайтов, на которых с помощью поисковой системы GOOGLE были обнаружены данные существительные. Дата вхождения – 08.03.2010.

– *infantylizacja* (społeczeństwa) – *infantilizace* (společnosti), *криминализация* (278 000) – *kryminalizacja* (31 700) – *kriminalizace* (43 100), *кретинизация* (2592) – *kretynizacja* (431), *маргинализация* (126 000) – *marginalizacja* (22 000) – *marginalizace* (15 300), *макдональдизация* (3424) – *makdonalizacja* (478) – *macdonaldizace* (404), *медиатизация* (политики – 4431) – *mediatyżacja* (polityki – 3880) – *mediatizace* (polityki – 60), *наркотизация* (157 000) – *narkotyżacja* (380) – *narkotizace* (734), *олигархизация* (власти, политики – 10 000) – *oligarchizacja* (polityki – 6010) – *oligarchizace* (181), *параноизация* (255) – *paranoizacja* (43) – *paranoizace* (1) *шизофренизация* (8130) – *schizofrenizacja* (116) – *schizofrenizace* (1), *хамизация* (31) – *chamizacja* (4).

В первом и во втором десятилетии XXI века медийные и «постмедийные» пейоративизмы – названия процессов, ведущих к нравственному и физическому вырождению, к социально-политическим катаклизмам, – образованы от основ личных и абстрактных существительных, а также от прилагательных, имеющих переносное пейоративное значение (напр., русск. *бандит*, *быдло*, *дебил*, *идиот*, *кретин*, *маргинал*, *матерный*, *паранойя*, *плебей*, *поганый*, *скотина*, *шизофрения*: польск. *cham*, *idiota*, *debil*, *kretyn*, *paranoja*, *schizofrenia*, чешск. *blbý*, *debil*, *paranoia*, *schizofrenie* и под.). Экспрессивная составляющая семантики производных новых *nomina actionis* с «евролатинскими» терминологическими элементами *-изация/-izacja/-izace* формируется за счет производящей именной основы: содержащаяся в ней отрицательная оценка объекта или признака переносится на процесс, с которым связан объект или признак.

2.2. В начале XXI века фонд «евролатинских» терминологических элементов пополнился новыми деривационными морфемами, созданными путем суффиксирования отдельных компонентов давно известных интернациональных терминов греко-латинского происхождения. Так, в поисках оригинальных экспрессивных словообразовательных средств лингвокреативные российские, польские и чешские журналисты создали терминоидный суффиксоид *-(о)номика/-(o)nomika*, выделив его из греческого по происхождению композита *экономика/ekonomika* (от др.-греч. οἶκος ‘дом’ и νόμος ‘правило, закон’, буквальное значение слова *экономика* — «правила ведения дома, хозяйства»). Стремясь создать негативный языковой образ экономической политики, проводимой первыми лицами государства, в поисках хлестких и метких оценок словотворцы – журналисты, а также интернавты, высказывающие свои мнения на форумах интернет-газет, – образуют окказиональные отонимические экспрессивные компрессивы с помощью нового структурного компонента *-(о)номика/-(o)nomika*, подвергнувшегося суффиксированию, которое, по словам Н.Д. Арутюновой, «стягивает элементы словосочетания в одно целое».

2.2.1. На русской языковой почве с помощью суффиксированного компонента *-(о)номика* были образованы экспрессивные *nomina abstracta* *грефономика* (← *Греф*, министр экономического развития и торговли Российской Федерации в 2000-2007 гг.), *ельциномика* (← *Ельцин*), *кудриномика* (← *Кудрин*,

министр финансов Российской Федерации в 2000-2011 гг.), *путиномика* (← *Путин*), *чубайсономика* (← *Чубайс*, российский политический и хозяйственный деятель, генеральный директор государственной корпорации «Российская корпорация нанотехнологий») и др. Ср.: «*Клинтономика* сменяет *рейганомику*, *путиномика* – *ельциномику*... *Путиномика* является недолговечным гибридом политических императивов и экономической рациональности» //echo.msk.ru/inopress/435377-echo.html; «*Кудриномика*» + жадность и тупость – как главные составляющие рецепта развала страны...» (27.10.2011)// www.moskprf.ru/; «...гайдаризация и *чубайсономика* вогнали страну в глубокую яму!»// argumenti.ru» Политика»n310 /128410

Инновации с формантом *-(о)номика* образны и выразительны, они могут иметь ярко выраженную игровую направленность, указывая при этом на пренебрежительно-ироническую оценку деятельности лица, названного производящей основой, ср.: *Батькономика* ‘экономическая политика, проводимая А.А. Лукашенко, президентом Беларуси, по прозвищу *Батька*’ (Ведомости. 26.05.2011); *Юльканомика* (от пренебреж. *Юлька* ← *Юлия*) ‘экономическая политика, проводимая Ю.В.Тимошенко, премьер-министром Украины в 2007-2010 гг.’ (Московский комсомолец, 19.02.2010).

2.2.2. Определение экономической ситуации в стране, основанное на проекции личности президента, премьер-министра, лидеров ведущих политических партий, легло в основу польских и чешских медиальных отонимических окказионализмов с изофонным структурным компонентом *-(о)номика*, которые имеют оттенок пренебрежительного осуждения: польск. *kaczkonomika* (← *Kaczka* ← *Kaczyński*), *lepperonomika* (← *Lepper*), *tuskonomika* (← *Tusk*); чешск. *klausonomika* (← *Klaus*), *putinomika* (← *Putin*), *zemanomika* (← *Zeman*). Ср.: польск. «Co by przyniosła *kaczkonomika* centralnie sterowana?»// soplinski. blog.onet.pl/ Swojski-kryzys-lepszy,2; «*Lepperonomika*» //Wiadomości-Newsweek.pl; «*Reaganomika* – *thatcherizm* – *tuskonomika*» // www.wprost.pl /ar/78008/ Republikanie-Tuska/?I=1178; чешск. «...*klausonomika* to je metody řízení ekonomiky propracované týmem V. Klause, ekonomická politika během jeho premiérství» (NEOMAT); «Prohlašuje-li současná vláda, že bez investic je hospodářský růst nemožný, neříká nic objektivního. V tomto ohledu se priority *putinomy* příliš neliší od programů předchozích ruských vlád...»// Ekonom, 2000 (NEOMAT); «*Zemanomie* a *zemanomika*» (21. 7. 2013) //www.novina.cz/ 7316873/ zemanomie-a-zemanomika.aspx

Суффиксоид *-(о)номика/-(о)nomika*, появившийся в результате трансформации формы исходного термина *экономика*, его переразложения с последующим суффигованием выделенного компонента, имеет значение ‘экономическая политика, проводимая лицом, названным мотивирующим онимом’, указывая также на пренебрежительно-ироническую оценку данного лица.

2.3. В начале XXI века в языке российских, польских и чешских СМИ метафорической пейоративизации подверглось значение евролатинского суффиксоидного терминологического элемента *-завр/-zaur/-saurus*, являющего составной

частью названий ископаемых рептилий (греч. σαῦρος ‘ящер’), ср. русск. *анкилозавр*, *бронтозавр*, *гадрозавр*, *динозавр*; польск. *dinozaur*, *plateozaur*, *tyranozaur*; чешск. *dinosaurus*, *pisanosaurus*, *tyrannosaurus* и др. Когнитивная манипуляция значением ‘ископаемый ящер’ дала возможность лингвокреативным журналистам и реципиентам их текстов по-новому структурировать концепт «отсталый, примитивно мыслящий человек» применительно к участникам политической жизни.

2.3.1. С помощью суффиксированного словообразовательного компонента *-завр*, употребляемого в измененном, метафорическом значении ‘отсталый, примитивно мыслящий человек’, журналисты и посетители интернет-форумов общероссийских газет образовали следующие мутационно-модификационные дериваты – пейоративные названия сторонников государственных и политических деятелей, а также политических партий: *гайдарозавр* (← *Гайдар* Е.Т.), *ельцинозавр* (← *Ельцин* Б.Н.), *зюганозавр* (← *Зюганов* Г.А.), *жиринозавр* (← *Жириновский* В.В., председатель Либерально-демократической партии России), *ЛДПРозавр* (← *ЛДПР* = *Либерально-демократическая партия России*), *кудринозавр* (← *Кудрин* А.Л., министр финансов в российском правительстве с 2000 г. по 2011 г.), *правделозавр* (← партия «*Правое дело*»), *путинозавр* (← *Путин* В.В.), *чубайсозавр* (← *Чубайс* А.Б.), *яблокозавр* (← *Яблоко*, Российская объединённая демократическая партия). Ср., например: «Куда ж деваться от *гайдаро-/чубайсозавров*?» <http://forum.littleone.ru>; «...нескольких особо проверенных *зюганозавров*» («Ленинградская правда», 11.11.2002 // www.lenpravda.ru/digest/federal/262143.html); «От этой массы “зюганойдов”, “*жиринозавров*” сегодня просто ломаются крома...» (10.01.2012) // ari.ru/ari/2012/01/10/ot-gostomysla-i-dosamogo-konca-slon-s-rovadkami-moski; „Пока в России у власти *кудринозавры* – девиз один: отнять, выкачать и в Лондон...» // sysadmins.ru/post9602994.html

2.3.2. В польских и чешских медиатекстах компоненты *-zaur*, *-saurus* в метафорическом значении ‘отсталый, примитивно мыслящий человек’ были использованы для создания единичных пейоративных *nomina pertinentia*, обозначающих сторонников государственных, политических и общественных деятелей названных мотивирующим словом: польск. *kaczkozaur* (← *Kaczka* ← *Kaczyński* – *Качиньски*, председатель партии «Право и справедливость»), *lepperozaur* (← *Lepper* – *Леннер*, председатель партии «Самооборона»), *rydzykozaur* (← *Rydzuk* – *Рыдзик*, ксёндз, директор радиостанции «Мария»), *tuskozaur* (← *Tusk* – *Туск*, премьер-министр Польши); чешск. *Bursíkosaur* (← *Bursík* Martin, чешский политик), *havlosaur* (← *Havel Václav*), *paroubkosaur* (← *Paroubek Jiří*, премьер-министр Чехии в 2005-2006 гг.), *svobodosaur* (← *Svoboda Cyril*, вице-премьер Чехии), *topolosaur* (← *Topol Jáchym*, чешский писатель), *zemanosaur* (← *Zeman Miloš*). Ср.: польск. «*Tuskozaur* prowadzi nas do Parku Jurajskiego» // www.polskaprasa2.pl/352605-Tusk-to-tuskozaur-prowadzi-nas-do-P...; «Ten sejmowy *kaczkozaur* jest taki rozdrażniony» // wiadomosci.onet.pl; чешск. «Ještě ke všemu celá kampaň proti dinosaurům byla vedena jedním obzvláště poděšeným druhem dinosaura – hrozivým *Bursíkosaurem*» (NEOMAT); «Přípona

-saurus by pasovala na víc pravdoláskařů (*havlosaurus*)» //www.denik.cz/diskuse/sobotnik-lidy-rakusanovel.html; «Což se před těmito volbami (*topolosaurus*) nebo po jejich skončení (*svobodosaurus*, *zemanosaurus* a *paroubkosaurus*) stafo» //www.moj.estranky.cz/clanky/jak-to-vidim-ja/

2.3.3. Сравнивая прагмастилистические свойства и степени комбинаторной свободы суффигованных словообразовательных компонентов *-завр*, *-заур*, *-saurus* в современных русском, польском и чешском языках, отметим, что только в русском языке суффиксоид *-завр* сразу же стал активно использоваться также для создания грубых ругательств, обозначающих недостатки умственного развития и внешности человека, его асоциальное поведение, отрицательные черты характера, ср.: *быдлозавр* 'примитивный человек, не имеющий моральных принципов', *глупозавр* 'глупый человек', *дерьмозавр* 'подлый, гнусный человек', *дурозавр* 'очень глупый человек', *жирнозавр* 'очень толстый человек', *колхозавр* 'умственно ограниченный человек из района, деревни, села', *лохозавр* 'глупый, наивно-доверчивый человек', *очкозавр* 'трус, человек, который не может оказать сопротивления преступникам, лёгкая добыча, объект планируемого преступления', *психозавр* 'психически ненормальный человек', *толстозавр* 'толстый человек', *тупозавр* 'тупой, примитивный человек', *хамозавр* 'примитивный хам', *шидозавр* 'психически ненормальный, деградировавший человек', *иллюхозавр* 'развратный мужчина' (см. <http://www.slovonovo.ru>).

2.4. Эмоционально-оценочные окказионализмы, образованные с помощью суффиксальных формантов *-изация/-izacija/ -izace*, *-завр*, *-заур*, *-saurus*, *-(о)номика/-(о)nomika*, типичных для научной терминологии, обладают способностью интенсивно воздействовать на восприятие реципиентов текста СМИ, вызывая у них негативную интеллектуальную и эмоциональную реакцию. Основной сферой функционирования этих пейоративных окказионализмов являются СМИ, интернет-форумы, блоги, социальные сети. Поскольку ныне именно масс-медиа диктуют языковые моды, являясь главными «поставщиками» неологизмов в общенародные языки, то можно утверждать, что одной из тенденций формирования эмоционально-оценочных номинативных единиц в русском, польском и чешском языках является деривация с помощью «евролатинских» терминологических элементов, обладающих значительным потенциалом для семантико-стилистической спецификации.

3. Англо-американским лингвокультурным влиянием, осуществляемым посредством СМИ постсоциалистических Польши, России и Чехии, обусловлены инновационные словообразовательные процессы образования с помощью новых интернациональных формантов *-инг/-ing/-ink*, *-гейт/-гейт*, *-(о)голик/-oholik* (> *oholic*) отыменных *nomina actionis* и пейоративных *nomina personalia*. Морфемизация *-инг/-ing/-ink*, *-гейт/-гейт*, *-(о)голик/-oholik*, суффигование этих структурных элементов, а также инновационные процессы формирования словообразовательных типов экспрессивных

процессуальных и личных имен с новыми интернациональными суффиксами *-инг/-ing/-ink*, *-gate/-гейт*, *-(о)голик/-oholik*, стимулируемые дискурсом постсоциалистических СМИ, в русском, польском и чешском языках происходят с различной скоростью.

3.1. Слова с финалью *-инг* известны русскому языку с конца XIX века. В основном это интернациональные термины, относящиеся к тематическим группам «спорт» (*айсинг*, *допинг*, *джоггинг*), «военно-морское дело» (*бафтинг*, *браунинг*), «техника» (*антифидинг*, *рисайклинг*), «экономика» (*демпинг*, *лизинг*, *маркетинг*), «животноводство» (*аутбридинг*, *ауткроссинг*), «медицина» (*скриннинг*, *аутоотренинг*, *скриннинг*) и т.д. (см. Боброва, 1980). Начало инновационного процесса словопроизводства имен действия с помощью адаптированного суффикса *-инг* можно отнести к 90-м годам XX века, когда в текстах СМИ появились окказиональные имена процессов типа *свалинг*, *стибринг*, образованные от исконных слов (см. Коряковцева 2009).

К началу XXI века в русском языке, по данным «Современного словаря иностранных слов» (Крысин, 2012) стабильно функционировало уже более 300 интернационализмов, оканчивающихся на *-инг*, большую часть которых составляли гибридные неогермановые. С первого десятилетия XXI вв. структурный элемент *-инг*, приобретший статус суффиксального форманта, активно используется в словотворчестве как журналистов, так и интернауты, большая часть которых владеет английским языком. В медиатекстах, а также в репликах участников интернет-форумов появились десятки иронических и каламбурных неологизмов – гибридных имен действия типа *вининг* ‘распитие вина’, *водопадинг* ‘преодоление водопадов’, *водкинг* ‘распитие водки’, *глинтвейнинг* ‘приготовление глинтвейна’, *гулянинг* ‘прогулка’, *каякинг* ‘перемещение на каяках’, *позоринг* ‘опозорививание’, *приколлинг* ‘рассказывание приколов, т.е. шуток’, *пьянинг* ‘пьянка’, *травкинг* ‘выкатывание машины на траву’, *троллинг* ‘оскорбление участников интернет-форумов *троллями* – злобными насмешниками’, *шокинг* ‘шокирование’ и др.

Активное заимствование слов с финалью *-инг*, вызванное англо-американоманией значительной части российских СМИ и растущим русско-английским билингвизмом, обусловило не только полное усвоение суффикса *-инг* (> *-ing*), но и превращению его в терминологический элемент с автономным процессуальным значением, который интернауты регулярно присоединяют к основам существительных, не имеющих процессуальной семы в лексических значениях, ср.: *баба* → *бабинг* ‘флирт’, *водка* → *водкинг* ‘распитие водки’, *Ленин* → *ленининг* ‘коллекционирование фотографий со статуями В.И. Ленина’, *магазин* → *магазининг* ‘посещение магазинов’ и др.

3.2. В польском и чешском языках формант *-ing/-ink* не обладает такой высокой продуктивностью, как в русском, хотя в медиатекстах достаточно регулярно появляются термины-англицизмы, в основном – трансплантаты (*drafting*, *lifting*, *peeling*, *rafting*).

Имена действия с финалью *-ing* известны польскому языку с начала XX века, однако словообразовательная активность этой финали достаточно долгое время была практически равна нулю. К 2004 году носителями польского языка было произведено лишь несколько слов на *-ing*, напр. *busing* ‘доставка детей в школу на небольшом автобусе (т.н. *busik*)’ (Waszakowa 2005:116). В последние пять лет под действием телерекламы среди части польской молодежи возникла мода на «ингование», вследствие чего на интернет-форумах появилось около 100 гибридных дериватов типа *adrenalining* > *adrenalina* ‘адреналин’, *agresing* > *agresywne zachowanie* ‘агрессивное поведение’, *chalturing* > *chaltura* ‘халтура, халтурная работа’, *dywaning* > *leżenie na dywanie* ‘лежание на ковре’, *ekstazing* ‘состояние экстаза’, *grilling* > *grill* ‘приготовление пищи на гриле’, *kanaping* > *odpoczynek na kanapie* ‘отдых на диване’, *kawing* > *kawa* ‘питье кофе’, *kocing* > *koc* ‘лежание на одеяле’, *lomżing* > *Łomża* ‘питье пива Ломжа’, *nuding* > *nuda* ‘нуда, скука’, *piwing* > *piwo* ‘питье пива’, *piszing* > *pisać* ‘писание’, *plazing* > *plaża* ‘лежание на пляже’, *pracing* > *praca*, *roboting* > ‘*ciężka fizyczna praca, inaczej robota*’, *spacering* > *spacer* ‘хождение на прогулки’, *suszing* > *suszi* ‘суши’, *wining* > *picie wina* ‘потребление вина’, *wódking* > *wódka* ‘питье водки’ и др.

В современном чешском языке слова на *-ing* широко распространены в компьютерном жаргоне, причем довольно часто возникает корреляция т.н. «*ing-forem*» и отглагольных имен действия на *-ání* (напр., *rendering* – *renderování*) (см. Písková, 2007). Существование таких корреляций обуславливает одностороннюю аффиксальную мотивированность инговых форм, что способствует формированию в языковом сознании носителей чешского языка эталона аффиксальной морфемы. Как и русифицированный формант *-инг* в русском языке, изофонный чешский структурный элемент *-ing/ -ink* может выступать в качестве суффикса, однако с его помощью были образованы лишь единичные новации – окказиональные отвлеченные имена со значением действия (реже – состояния) от исконно чешских основ, причем как от глагольных (*ležet* → *ležing/ ležink*, ср. рус. *лэ́жинг*), так и от именных, в семантике которых отсутствует процессуальный компонент (*gauč* ‘диван’ → *gaučing/gaučink* ‘лежание на диване, безделье’, *pivo* → *piving/ pivink* ‘питье пива’, ср. рус. *пивинг*, польск. *piwing*). Ср. также: *autobusing* ‘езда автобусом’//www.bordici.webgarden.cz

В отличие от русского и польского языков в чешском новый интернациональный формант *-ing/-ink* находится лишь на стадии образования редких окказиональных дериватов (новаций), поэтому ввиду малочисленности неодериватов, видимо, нельзя ещё говорить ни об инновациях, ни об инновационном процессе.

3.3. Активность и продуктивность формантов *-инг/ -ing/ -ink* объясняется следующими интралингвистическими факторами: 1) «англо-американоманией» молодых лингвокреативных носителей русского, польского и чешского языков, участвующих в дискурсе СМИ (внешний, социокультурный фактор роста словообразовательной продуктивности)

2) способностью гибридных дериватов с формантом *-инг* выполнять в медиатекстах и публичной речи каламбурные и полемико-иронические функции; 3) односложностью структуры и «неприхотливостью» контактной зоны. Главным же интралингвистическим фактором роста продуктивности новых суффиксов является способность гибридных дериватов, образуемых с их помощью, быть компрессатами предикативных конструкций, эксплицировать в своей внутренней структуре все возможные актанты и некоторые сирконстанты, в то время как в составе гибридных дериватов, в их внутреннем контексте, своеобразные суффиксальные терминоэлементы *-инг/ -инг/ -инк* передают значение действия/процесса, ср.:

1) производящее имя существительное является актантом – субъектом действия (русск. *троллинг* ‘оскорбление участников интернет-форумов *троллями*’, польск. и чешск. *trolling*);

2) производящее имя существительное является актантом – прямым объектом действия (русск. *вининг* ‘распитие *вина*’, польск. *wining*, также *kawing* ‘*picie kawy*’, *piwing*; чешск. *piving/pivink*);

3) производящее имя существительное является актантом – косвенным объектом (русск. *ленининг* ‘коллекционирование фотографий со статуями В. И. *Ленина*’, польск. *zebring* ‘*przechodzenie przez zebre*’);

4) производящее имя существительное является актантом-инструментативом (русск. *кайкинг* ‘перемещение на *каяке*’, польск. *toping* ‘*sprzątanie podłogi topem*’, *pociągging* ‘*jazda pociągiem*’, чешск. *autobusing* ‘*jízda autobusem*’);

5) производящее имя существительное является актантом – результативом (русск. *бабинг* ‘флирт с целью овладения *бабой*’, *мужикинг* ‘флирт с целью овладения *мужиком*’);

6) производящее имя существительное является сирконстантом-локативом (русск. *травкинг* ‘выкатывание машины на *траву*’, польск. *kanaping* ‘*wygodne siedzenie lub leżenie na kanapie*’, чешск. *gaučing/gaučink* ‘*ležení na gauči*’).

3.4. Англо-американский структурный элемент *-gate*, своеобразный маркер медиального скандала, можно отнести к числу интернациональных «мобильных, транслокальных, оперативных словообразовательных ресурсов» (ср. Blommaert, Dong, 2010), поскольку с конца XX века этот элемент функционирует в 16 европейских языках (см. Görlach, 1998). В славянских языках, заимствовавших американизмы *Contragate*, *Dianagate*, *Irangate*, *Watergate* и др., их структурные аналоги, образованные по моделям «*nomen propria* → название скандала с формантом *-gate/-gejt/-geÿm*», «*nomen loci* → название скандала с формантом *-gate/-gejt/-geÿm*», «*nomen obiecti* → название скандала с формантом *-gate/-gejt/-geÿm*», стали появляться только в начале XXI века, когда скандальная информация заняла особое место в текстах постсоциалистических СМИ (см. Коряковцева, 2010). Именно этот социокультурный фактор способствовал развитию в русском, польском и чешском языках инновационного процесса образования *nomina abstracta*,

названий общественно-значимых событий, с помощью новой интернациональной морфемы *-gate/ -гейт*.

3.4.1. В русском языке элемент *-gate* употребляется в транскрибированной форме, причем неологизмы, созданные с его помощью, являются в основном названиями политических скандалов, связанных: а) с известными персонами (*Бушгейт, Дианагейт, Ельцингейт*); б) с объектами (*ваучергейт, порногейт*); в) с местом: *Ватикангейт, Ирангейт, Кремльгейт, Москвагейт*).

В последние годы в медиатекстах появилось более 60 существительных на *-гейт*: *Абрамовичгейт, Азергейт, Алтайгейт, Американгейт, армянгейт, Афгангейт, Башкиргейт, белорусгейт, видеогейт, газгейт, Газпромгейт, Гиффенгейт, грузингейт, Иракгейт, Кавказгейт, Киргизгейт, Клинтонгейт, Киевгейт, Лужковгейт, Майдангейт, Морозгейт, Обамагейт, ООНгейт, Осетингейт, педофилгейт, пенсионергейт, Пентагонгейт, Румынгейт, Саркозигейт, Сеулгейт, Сибнефтьгейт, Таджикигейт, телефоногейт/ телефонгейт, Туркменгейт, угольгейт, украингейт, Уралгейт, чеченгейт, шпионгейт, Юкосгейт, Юлькагейт, Эстонгейт* и др. В связи с известными событиями на Украине в текстах российских СМИ появились гибридные неодериваты *Кличкогейт, Майдангейт, Порошенкогейт, Яценюкгейт*.

Активное словопроизводство с помощью суффиксоида *-гейт* в русском языке (последняя стадия морфемизации) объясняется как его полной фонетико-орфографической адаптацией, так и удобством использования при образовании наименований-компрессатов: в семантической структуре производных слов *-гейт* передает родовое понятие 'скандал', тогда как производящая основа выступает в качестве атрибутивно-видовой характеристики: 'скандал' – политический (*Ельцингейт, ющенкогейт*), сексуальный (*сексогейт, порногейт*), финансовый (*кризисгейт*), энергетический (*нефтегейт*).

3.4.2. К началу XXI века в польском и чешском языках с помощью суффиксоида *-gate* созданы достаточно многочисленные окказионализмы женского рода, объединенные родовым понятием *aféra/aféra*, ср.: польск. *Afganistangate, autogate, Begergate, bimbergate, cytrynagate, FOZZ-gate, Golgotagate, Kaczorgate, kasynogate, kazikgate, Leppergate, magdalenkagate, marlborogate, Michnikgate, Modlingate, ropagate, Rywingate, seksgate, sznapsgate, taśmagate, trabantgate, telegate, Tuskogate, Wawelgate*; чешск. (60 примеров в базе NEOMAT) *Angolagate, Azergate, bobrgate, Bruneigate, Bruselgate, Buloggate, Enrongate, Haidergate, jelcingate, Judrgate, Klausgate, krávagate, Kremlingate, Kučmagate, olejgate, pyjogate, ropagate, sexgate, srbagate, Traktorgate, Tymošenkogate, Uklízečkagate, Vychodiligate, zombigate* (см.: Waszakowa, 2005; Janovec, Rangelová, 2005). Ср.: польск. «*Leppergate była zgodna z prawem?*» //forum.gazeta.pl; чешск. «*Česká Judrgate patří nepochybně k událostem, které přispěly ke zlepšení politické kultury v zemi*» //neologismy.cz/ heslo/ judrgate/21477; «*Je rozehrána hra, kterou bych nazval Klausgate, hra o to, zda premiér lhal, či nelhal...*»; «*Traktorgate a coca-cola*»;

«Zavádět nyní pojem *Vychodilgate* by mohlo být poněkud předčasné» [NEOMAT].

В польском и чешском языках, в отличие от русского, сохраняется оригинальное написание структурного элемента *-gate*, по-видимому, отражающее своеобразный пиетет по отношению к главному "глобализатору" новейшего времени – США.

3.4.3. Существительные с формантом *-geïm/-gate*, безусловно, занимают маргинальное положение в микросистемах русских, польских и чешских *nomina abstracta*, однако в последнее время формант *-geïm/-gate* достаточно активно используется не только журналистами, но также интернавами, которые достаточно часто образуют по аналогии индуцированные неодериваты – названия скандалов, ср. реакцию польского интернава на статью в электронной версии журнала «Wprost», посвященную скандалу, получившему название *Modlingate* («Komisja śledcza ws. Modlina? To jest *Modlingate*» <http://wprost.com.pl/ar/382305/>): «A co z *stadiongate... MFWgate... PZPNgate... eurogate... sadygate... prokuraturagate... Smolenskgate... Nowakgate... Sikorskigate?*». Серия индуцированных неодериватов – названий общественно значимых скандалов –, созданных реципиентом журналистского текста, свидетельствует о достаточно высокой степени освоенности ксеноморфемы *-gate*.

Российские, польские и чешские журналисты, а также реципиенты их текстов используют структурный элемент *-geïm/-gate* для создания гибридов-компрессатов, как правило, на базе прецедентных онимов, помещая неодериваты преимущественно в заголовки статей, ср.: «Уотергейт vs *Немцовгеïм*»//[stringer.ru](http://stringer.ru/publication.mhtml) publication.mhtml; «*Rywingate*. Matka wszystkich afer przeorała polską politykę» //www.polskatimes.pl/artukul/487481; «*Azergate* předchází volbě prezidenta»// «Hospodářské noviny», 19.09.2003 [NEOMAT]. Образование названий скандалов с помощью структурного элемента *-gate* используется как способ создания гиперболы с тем, чтобы повысить информационную ценность сообщения. Этот словесный манипулятивный прием весьма эффективен, поскольку привлекает внимание к негативной информации, мгновенно находящей эмоциональный отклик у потребителей медиа-продукции. Очевидно, определяющую роль в освоении новой интерморфемы *-gate* носителями русского, польского и чешского языков сыграла лингвокультурная мода, порожденная потоком скандальной информации, «ритмоводителями» которого являются глобализированные СМИ.

3.5. Словообразовательный компонент *-oholic* вычленился из структуры существительного *alcoholic*, по аналогии с которым, по данным «Merriam–Webster Dictionary», в 1968 году был образован американизм *workaholic* (вариант – *workoholic*) (Wyrwas 2004). Новый структурный компонент *-oholic* достаточно быстро прошел путь суффиксирования, превратившись из элемента в составе многоморфной основы в самостоятельное словообразовательное средство – суффиксальный морф. Уже в 1969 году «The American Heritage® Dictionary of the English Language»

характеризует компонент *-oholic* как суффикс со значением «лицо, испытывающее патологическую зависимость от чего-либо» ('one that is addicted or compulsively in need of').

Введение в русский, польский и чешский языки англо-американской интерморфемы *-(o)holic*, адаптированной как *-(o)голик/-(o)holik*, связано с поисками возможности дать негативную, двусмысленную или шутливо-ироническую оценку лицу, испытывающему болезненную зависимость от кого- или чего-либо. В течение только двух последних лет российскими, польскими и чешскими журналистами, а также интернаутами с помощью заимствованного суффиксоида *-(o)голик/-(o)holik* были образованы десятки наименований лиц, находящихся в патологической зависимости от своих увлечений, страстей и пороков, ср.: русск. *автомобилеголик, бабоголик, битлоголик, блогоголик, брендоголик, гитароголик, гневоголик, джазоголик, гольфоголик, диетоголик, дискоголик, евроголик, женоголик, инфоголик, игроголик /играголик, интернетоголик, интригоголик, казиноголик, картиноголик, киноголик, книгоголик, компьютероголик, косметикоголик, котоголик, кошкоголик, кровоголик, ласкоголик, любовеголик, медиаголик, рекламоголик, репоголик/рэпоголик, рифмоголик, романоголик, рыбалкоголик, сериалоголик...*; польск. *amerykanoholik, angloholik, animeholik, autoholik, baboholik, bankoholik, beatlesholik, blogholik, butoholik, ciuchoholik, cysoholik, dietoholik, dyskoholik, ekoholik, erotoholik, estetoholik, euroholik, filmoholik, flirtoholik, fotoholik, forsoholik, gitaroholik, gniewoholik, golfoholik, hazardoholik, infoholik, internetoholik, kasoholik, kinoholik, komputeroholik/komputoholik, komórkoholik, kotoholik, krwioholik, ksiązkoholik, kurwoholik, lekoholik, medioholik, metaloholik, motoholik, netoholik, żonoholik...*; чешск. *amerikanoholik, bankoholik, botoholik, cestoholik, diskoholik, estetoholik, facebookholik, filmoholik, hudboholik, golfoholik, internetholik, kabátoholik, kabelkoholik, kinoholik, knihoholik, kočkoholik, kosmetikoholik, láskoholik, mobiloholik, nákupoholik, narkoholik, netoholik/netholik, parfémoholik, pesoholik, pornoholik, prsoholik, psychoholik, TVholik, šatoholik, vztekoholik, žabkoholik* (подробнее см. Коряковцева 2015)

С помощью структурного компонента *-oholik* польские журналисты создали также неадериваты со значением «лицо, патологически зависимое от политических деятелей и партий»: *kaczoroholik* (← *Kaczor* = *Kaczyński*, 'о стороннике Ярослава Качиньского, председателя партии *Право и справедливость*'), *PISoholik* (← *PIS* = *Prawo i Sprawiedliwość*, 'о стороннике партии *Право и справедливость*'), *tuskoholik* (← *Tusk*; 'о стороннике Дональда Туска, премьер-министра Польши').

Русофонами суффицированный компонент *-оголик* был использован для создания лишь одного пейоративного *pomen pertinentia* — *путиноголик*, ср.: («НР – сборище *путиноголиков*, судя по постам»// nr2.ru Форум 821380.html). Носители же чешского языка с помощью форманта *-(o)holic* не образовали ни одного слова-ярлыка — пейоративного наименования

психически неполноценного сторонника политического или общественного деятеля.

4.0. Итак, диахронический анализ производных медийных и «постмедийных» неологизмов-гибридов показал, что в русском, польском и чешском языках инновационными являются процессы образования семантически нерегулярных «смешанных» субстантивных дериватов – мутационно-модификационных *nomina actionis* и *nomina personalis* – с помощью «евролатинских» терминоэлементов *-изация/ -izacja/-izace*, *завр/-zaur/-saurus*, *-(о)номика/-(o)nomika*, а также новых интернациональных формантов *-инг/-ing/-ink*, *-гейт/-gate*, *-(о)голик/-(o)holik*, заимствованными из global English.

Высокая эмпирическая продуктивность русских, польских и чешских *nomina actionis* с «евролатинскими» формантами *-изация/ -izacja/-izace* в первое и второе десятилетие XXI века обусловлена как усилением экспрессивности публичного общения, так и спецификой информационной среды, в которой функционируют современные русофоны, поляки и чехи. Эта специфическая информационная среда тяготеет к моделям теоретического знания, призванным упорядочить практический опыт, сделать его передачу быстрой, удобной и надежной с помощью абстрактных систем символов. Использование моделей, типичных для терминообразования, позволяют предельно четко и кратко отразить в звуковой оболочке *nomina actionis* с формантами *-изация/-izacja/-izace* все необходимые и достаточные признаки называемых процессов. Сочетание же «евролатинских» терминоэлементов с основами эмоционально окрашенных мотивирующих слов позволяет дать оценку этим процессам.

Рост числа гибридных неологизмов на *-инг/ -ing/ -ink* объясняется не только англо-американской языковой модой, но и способностью русской, польской и чешской лингвокреативной молодёжи к достаточно свободному кодовому переключению, которое во многом обуславливает историческую скоротечность процессов деэкзотизации и морфемизации заимствованных англицизмов с финалью *-ing*.

Деривационная активность славянских журналистов, базирующаяся на «деавтоматизации» восприятия словообразовательной структуры производного слова и актуализации словообразовательных средств, способствовала переосмыслению значений структурных элементов *завр/-zaur/-saurus*, *-(о)номика/-(o)nomika*, которые стали использоваться для семантико-стилистической спецификации и языкового манипулирования. В результате возникли новые словообразовательные типы и классы эмоционально окрашенных существительных, а именно:

1) отонимические пейоративные названия тенденций в экономике, сгенерированных ходом общественно-политических реформ (*гайдарономика*, *грефономика*, *ельциномика*...; *kaczoronomika*, *tuskonomika*...);

2) отонимические пейоративные названия сторонников политических деятелей (с формантами *-завр/-zaur/-saurus*, *-оголик/-oholik*);

3) экспрессивные названия общественно значимых скандалов (с формантами *-гейт*, *-gate*).

Подводя итоги, следует отметить, что в инновационных процессах деривации медийных неологизмов – мутационно-модификационных *nomina actionis* и *nomina personalis* с формантами *-изация/ -izacja/ -izace*, *-завр/-zaur/-saurus*, *-(o)номика/-(o)nomika*, *-инг/-ing/-ink*, *-гейм/-gate*, *-(o)голик/-(o)holik* – активно реализуются системные потенции русского, польского и чешского языков, а также находят свое выражение такие противоположные тенденции развития, обусловленные разнокультурным синкретизмом общества, как «стремление к коммуникативной выразительности» и «экономизация», «национальная спецификация» и «интернационализация», «интеллектуализация» и «демократизация».

Литература:

Алина Васильевна БОБРОВА, 1980: Существительные на -инг в русском языке. *Русский язык в школе*. №3, 87–91.

Александр Дмитриевич ВАСИЛЬЕВ, 2005.: *Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении*. Москва: Флинта: Наука,

Эмина Фазыловна ВОЛОДАРСКАЯ, 2002: Заимствования как отражение русско-английских контактов. *Вопросы языкознания*. №4, 102–104.

Татьяна Леонидовна КАНДЕЛАКИ, 1977: *Семантика и мотивированность терминов*, Москва: «Наука».

Юрий Викторович КОБЕНКО, 2013: *Экzogлосные тенденции в языковой ситуации в ФРГ*: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Самара.

Елена Ивановна КОРЯКОВЦЕВА, 1998: *Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика*, Москва: Институт русск. языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук.

Елена Ивановна КОРЯКОВЦЕВА, 2010: Об одном языковом маркере медиального скандала. КОВШОВА М.Л., ТОКАРЕВ Г.В. (ред.), *Живодействующая связь языка и культуры: Дискурс. Текст. Культура*. Москва–Тула: Издательство ТГПУ им. Л. Н. Толстого.

Елена Ивановна КОРЯКОВЦЕВА, 2015: О новых интернациональных аффиксоидах в русском, польском и чешском языках. МАЛЫГИНА, М. А. (ред.), *Осьмь десать*: Сборник научных статей к 80-летию И. С. Улуханова. Москва: “Азбуковник”, 53–64.

Наталья Ивановна КЛУШИНА, 2014: Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль. *Русская речь*, Москва, № 1, 66–73.

Василий Николаевич НЕМЧЕНКО, 1985: О диахронии и синхронии в словообразовании. *Филологические науки*. № 5, 49–55.

Галина Парфеньевна НЕЩИМЕНКО, 2010: Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования развития языковой системы. KORIAKOWCEWA, Elena (red.), *Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych*. Siedlce: Wydawnictwo UPH w Siedlcach, 13–50.

Wojciech ADAMCZYK, 2013: „Gatemanía” jako przykład tabloidyżacji śledztw dziennikarskich. *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*, № 1, 233–261.

Jan BLOMMAERT, Jie DONG, 2010: Language and Movement in Space. [In:] Nikolas COUPLAND (ed.), *The Handbook of Language and Globalization*, London: Blackwell Publishing, 366–385.

Juraj BOSÁK, 2003: Procesy internacionalizácie dnes, *Jazykovedný časopis*, t. 54, nr 1–2, 3–15.

Krystyna DŁUGOSZ-KURCZABOWA, Stanisław DUBISZ, 2001: *Gramatyka historyczna języka polskiego*, Warszawa: PWN.

Manfred GÖRLACH, 1998: The usage dictionary of Anglicisms in selected European languages: a report on progress, problems and prospects, *Barcelona: links and letters*, nr 5, 209–221.

Edvard LOTKO, 2003, Co a jak ovlivňují inovační procesy ve slovní zásobě (na materiálu češtiny, slovenštiny a polštiny). RUDNIK-KARWATOWA, Zofia (red.), *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich*. Warszawa, 101–115.

Olga MARTINCOVÁ, 1983: *Problematika neologismů v spisovné češtině*. Praha: «Academia».

Horst Haider MUNSKE, 1996: Eurolatein im Deutschen: Überlegungen und Beobachtungen Eurolatein. MUNSKE, Horst Haider (ed.), *Das griechische und lateinische Erbe in den europäischen Sprachen*. Tübingen: Niemeyer.

Ingeborg OHNHEISER (ed.), 2003: *Komparacja współczesnych języków słowiańskich. 1 Słowotwórstwo/ Nominacja*. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej.

Ružena PÍSKOVÁ, 2007: *Utvářenost lexikálních jednotek v komunikační oblasti informačních technologií*. Disertační práce. Brno.

Christian SCHMITT, 2000: Latein und Westeuropäische Sprachen. BESCH, W., BETTEN, A., REICHMANN, O. (Hg.), *Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. Berlin, 1061–1084.

Yukio TSUDA, 1986: *Language Inequality and Distortion*. Amsterdam.

Krystyna WASZAKOWA, 2005: *Przejawy internacionalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.

Katarzyna WYRWAS, 2004: Rywingate i pracoholik – derywaty sufiksalne czy złożenia? *Język Polski. Zeszyt 2*. 151–154. – In: http://www.poradniajezykowa.us.edu.pl/artykuly/KW_rywingate.pdf. Stand: 04.06.2018.

Словари и базы данных

Леонид Петрович КРЫСИН, 2012: *Современный словарь иностранных слов*. Москва.

American Heritage® Dictionary of the English Language. Fourth Edition. Houghton Mifflin Company 2000: – In: www.bartleby.com. Stand: 23.5.2014.

Databáze-www: Databáze heslářů slovníků Ústavu pro jazyk český Akademie věd České republiky. – In: <http://lexiko.ujc.cas.cz/heslare/search.php>.

Merriam–WebsterDictionary. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.m-w.com

РАЗДЕЛ 3

МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК НИЗ ПРОЦЕСОТ НА ГЛОБАЛИЗАЦИЈАТА ОД ЗБОРООБРАЗУВАЧКИ АСПЕКТ

Лидија Аризанковска

*Универзитет “Св. Кирил и Методиј” во Скопје (Скоп’е, Пауночная
Македонија)*

larizankovska@yahoo.com

Поттикнати од потребата за брза и ефикасна комуникација во современиот свет, во кој како јазик кој го поврзува глобалниот свет се јавува англискиот јазик, македонскиот јазик се обидува да ги следи современите тенденции за збогатување на својот лексички фонд, користејќи го притоа свој расположлив зборообразувачки потенцијал, но не останувајќи недопрен од тенденциите на современиот глобален свет, кои од друга страна пак, се одразуваат воедно и на неговата национална специфика.

Клучни зборови: македонски јазик, глобализација, зборообрзување, современи зборообразувачки тенденции

Motivated by the need for quick and efficient communication in these modern times, in which English is the language connecting the global world, the Macedonian language tries to catch up with the contemporary tendencies of enriching its lexical pool by using all its word formation potential available. However, Macedonian language cannot remain uninfluenced by the tendencies in the modern global world, which on the other hand also affect its national specifics.

Key words: Macedonian language, globalization, word-formation, contemporary word-formation tendencies

0. Во прилогот ќе се задржиме на македонскиот јазик низ процесот на глобализацијата разгледуван од зборообразувачки аспект, односно во колкава мера глобализацијата влијае на промените на националната специфика на еден јазик, односно неговиот јазичен и културен идентитет, кои се позитивните, а кои се негативните страни од тој процес и како во тој процес на глобализација да се остане недопрен, односно да се зачува идентитетот на јазикот. Следењето на современите зборообразувачки тенденции кои се дел од тенденциите на современиот глобален свет во ерата на брзиот технолошки развој е неминовен процес, но како ќе се справат неговите корисници во тој контекст е едно од клучните прашања во интерес на зачувувањето на јазичниот израз на јазикот, поставен меѓу традицијата и современите текови. Таквите промени најчесто се поттикнати од прагматизмот, нагласената комуникациска функција на јазикот, брзата и ефикасна потреба за пренос на информациите. Во таа насока значајна улога играат медиумите и интернетот,

чие влијание врз јазикот е особено изразено и остава свои траги, секако, и во процесот на зборообразувањето. Наша цел е преку примери кои ја отсликуваат современата состојба на македонскиот јазик да ги покажеме тие промени настанати пред сè под туѓо влијание, а сè со цел да се биде присутен во глобалниот свет.

1. Глобализација

1.1. «Глобализација е поим кој се користи за да ги опише промените во општествата и светската економија како резултат на драматично зголемената трговија и културна размена. Во специфично економски контекст, таа се однесува речиси исклучиво на ефектите на трговската либерализација, односно на слободната трговија. Меѓу 1910 и 1950, по серија на политички и економски проблеми и колапси, значењето и интензитетот на трговската размена биле сведени на минимум. По Втората светска војна, светската економија зајакнала и драматично се зголемила, сето тоа со помош на меѓународните економски институции и програми». (<https://mk.wikipedia.org/>пристапено на 13.02.2018)

1.2. Глобализацијата значи «ширење на мултикултурализам и подобар пристап до културна разновидност, додека од друга страна се намалува културната разновидност преку асимилација, хибридизација, американизација и вестернизација на културите».

(<https://mk.wikipedia.org/>пристапено на 13.02.2018)

1.3. «Konvencionalna definicija globalizacije podrazumijeva proces otvaranja i liberalizacije nacionalnih finansijskih tržišta i njihova stapanja u globalno tržište kapitala. No danas se češće pod tim pojmom podrazumijeva «međunarodna integracija» dobara, tehnologija, rada i kapitala pa se može govoriti o globalizaciji u širem smislu» (DUJŠIN, 1999.).

Pojam *globalizacije* izveden je od riječi «global» što znači ukupnost, *globalizam* je način gledanja na zbivanja u globalu. Globalizacija bi tako podrazumijevala socijalni proces koji teži sveobuhvatnosti i jedinstvenosti svijeta (TUREK, 1999). Kad se govori o globalizmu, tu je još i proširena teorija koja globalizam tumači argumentima suvremene mikroelektronske revolucije (RODIN, 1999). Zahvaljujući globalizaciji odnosi među ljudima i zemljama postaju sve intenzivniji, a ljudi počinju globalno razmišljati i svijet u cjelini drugačije shvaćati.

Globalizacija ima i određene zahtjeve – stalno ulaganje u znanje, tehnologije, istraživanje i razvoj. Tko jednom počne zaostajati u procesu globalizacije ili se na vrijeme ne uključi u suvremene procese, bitno zaostaje. Današnji se svijet sve više «otvara» i «smanjuje» i otuda je stvorena već dobro poznata uzrečica o svijetu kao «globalnom selu».

Globalizacija se kao ideja odnosi na «smanjivanje» svijeta, ali i na jačanje svijesti o svijetu kao cjelini (ROBERTSON, cit. u MILARDOVIĆ, 1999). Za globalizaciju se može utvrditi da je jedna od posljedica razvoja znanosti, suvremene tehnologije, tržišne ekonomije, demokracije. Globalizacija je omogućila i slobodno kretanje kapitala, roba, informacija i ljudi kroz širenje i

ukidanje granica. Ekološka, kulturološka i društvena strana globalizacije često se zanemaruju u odnosu na njezinu političku, a osobito ekonomsku dimenziju, ali u novije vrijeme i one dobivaju sve veći prostor. Treba primjerice spomenuti antiglobaliste, borce za ljudska prava, prava životinja (*Greenpeace* i dr.) i sl».

«Teoriju globalizacije osmislio je osamdesetih i devedesetih godina 20. stoljeća Ronald Robertson. Na temelju te teorije mogao je opisati pojave koje imaju nadnacionalno i svjetsko značenje. Osim Robertsona brojni autori govore o globalizaciji i pridaju joj različita značenja. Tako Ulrich Beck (MILARDOVIĆ, 1999) piše o čak osam tipova *globaliteta* od kojih su najvažnija prva četiri». (Lončar 2005: 92, пристапено на 13.02.3018 преку <https://hrcak.srce.hr>)

Tipovi globaliteta:

1. gospodarski tip; 2. tehnološki tip; 3. univerzalne vrijednosti; 4. globalna kulturna industrija; 5. policentrična svjetska politika; 6. svjetsko osiromašenje; 7. globalno razaranje i uništavanje čovjekova okoliša; 8. transkulturalni konflikt.

Nastanak globalizacije

Pojavi procesa globalizacije pogodovala je situacija nakon Drugoga svjetskog rata, osobito u Europi. Europske zemlje, neke tada u potpunosti razorene, ali novčano potpomognute od SAD-a (KREŠIĆ, 1996), započinju proces međusobnog povezivanja. Jedan od ciljeva tog povezivanja bio je izbjeći daljnja međusobna neprijateljstva i stvoriti Europu u kojoj će sve zemlje međusobno surađivati i pomagati se. Takva politika u Europi bila je nakon toga pokretač sličnih procesa i drugdje u svijetu. To je na kraju dovelo do stvaranja svijeta kakav jest danas».

(Lončar, 2005:93, пристапено на 13.02.3018 преку <https://hrcak.srce.hr>)

2. Глобализацијата и јазикот

2.1. Јазикот е дел од постојаните развојни процеси кои се обусловени од низа општествени, културни и други фактори кои ја наметнуваат потребата од обогатување на лексичкиот фонд како дел од следењето на актуелните современи тенденции и потреби за опстанок во глобалниот прагматички свет. Тој е дел од сите тие процеси, а зборообразувањето е само еден од механизмите за остварувањето на потребните и посакуваните цели, кои сакале или не, сè повеќе стануваат дел од потребата на развиениот современ свет.

Впрочем самиот поим глобализација значи «Меѓусебно поврзување на целиот свет». (в. Дигитален речник на македонскиот јазик, www.makedonski.info)

«Јазиците не постојат во вакуум-простор, јазичниот контакт игра значајна улога во промените на јазиците (Jones-Singh, 2005: 29). Од У. Вајнрајх наваму, проучувањето на јазиците во контакт е издигнато на повисоко рамниште и се проследуваат интеракциите на сите јазични рамништа, но денешниот контакт ја носи спецификата на интернетот, медиумите за масовна комуникација и сл., како начин за посредно влијание, но и како начин на создавање нови лексеми и денотати, предмет на

понатамошно заемање». (Карапејовски, 2012: 240, пристапено преку www.academia.edu).

2.2. «Друштвените мрежи создадоа т.н. глобален интернет-јазик со кој комуницираат и можат да се разберат младите од целиот свет. Но, младите забораваат да говорат! Се одвикнуваат од тоа да разговараат директно со некого, да разменуваат мислења, ставови!» (<http://republika.mk/310420/> објавено 05.09.2014/ пристапено на 14.02.2018)

«Не можам да ти кажам, ќе ти пишам на «Фејсбук» кога ќе дојдам дома – ова е најчестиот разговор на денешните млади луѓе. Социјалните мрежи го зазедоа местото на комуникацијата во четири очи. Младите избираат разговор на «Фејсбук», «Скајп», «Вибер», повозрасните се решаваат на комуникација преку е-пораки». (<http://republika.mk/310420/> објавено 05.09.2014/ пристапено на 14.02.2018)

2.3. Крајниот резултат се промените кои ги трпи јазикот во процесот на глобализацијата кои незабележително се сместуваат некаде главно во лексичкиот систем на македонскиот јазик. Преголемата желба за соодветен статус во семејството на активни јазици кои уживаат одделен респект, во случајов македонскиот јазик, изразено и преку општествените настани кои имаат свое влијание и врз развојот, односно неминовната надоградба на самиот јазик, го чинат своето. Во недостиг на време за соодветна адаптација на лексика која доаѓа со брзиот, пред сè технолошки развој, преземањето на туѓата лексика е наједноставен модел, евентуално адаптиран на зборообразувачкиот систем на македонскиот јазик, а самото тоа значи „модернизација“, односно осовременување на македонскиот јазик. Веќе постоечката лексика во македонскиот јазик, како и системот на образување нова лексика, особено преку калкирање, значи „губење време“ преку формирање термилошки речници, соодветен медиумски пласман, со други зборови бара средства, за кои ниту еден систем во глобалниот свет не е подготвен, бидејќи комуникацијата во истиот тој свет се сведува на англискиот јазик како *lingua franca*.

2.4. Барањето да се биде во една поголема општествена групација, подразбира и целосна адаптација на сите сегменти од општествениот систем, односно подготовка на целата барана документација и законска легислатива на македонски јазик, што значи развој на преведувачката дејност која во раце го има сиот потенцијал на македонскиот јазик, мислејќи пред сè на зборообразувачкиот, во насока на оформување на соодветна македонска терминологија. Како една од стратегиите во оваа дејност е калкирањето. Искуството покажува дека кога има калкирање, секогаш се употребуваат веќе постоечките зборообразувачки модели, односно зборообразувачкиот потенцијал на македонскиот јазик кој е веќе нормиран во јазикот, или со други зборови тоа се главно формантите од словенско и од латинско потекло, како и некои од турско потекло, употребувани главно зависно од функционалниот стил. Сепак, како наједноставна стратегија е директното преземање на туѓа лексика. Новата лексика која директно се презема поради

брзиот технолошки развој и развојот на интернет ерата е главно од англиско потекло, односно латинско, но примена преку англискиот јазик, со кој современиот човек е во секојдневен допир. Искуствата говорат дека при подготовка на документацијата за влез во ЕУ, на пример извештаите полесно се пишуваат на англиски, а потоа се преведуваат на македонски, наместо обратно. Во таков случај англискиот јазик влијае и на структурата на македонскиот јазик. На пример ИС се создаваат по англиски модел (*климатски промени* наместо *промени на климата*, *прочистителни станици* наместо *станици за прочистување* и др.), односно наместо описно изразување што е дел од аналитичката структура на македонскиот јазик (употреба на предлози) се пристапува кон калкирање и создавање нетипични ИС, кои можат семантички различно да се толкуваат. Таквите форми стануваат дел од стручната терминологија, а тоа значи дека со медиумско посредство, зависно од актуелноста на темата, стануваат и дел од секојдневниот говор на говорителите на македонскиот јазик. Именките, односно именските изрази се оние кои доминираат, а причината е економијата во јазикот.

2.4.1. Во тој контекст ќе се задржам на терминологијата, претставајќи неколку примери од интерно изработени термилошки глосари и поимници, во случајов како најново изработен поимник на термини и термилошки изрази од областа на климатските промени од моја магистрантка¹, воедно и активен толкувач од англиски на македонски и обратно, чиишто согледувања произлегуваат од самата практика. Изнесуваме дел од тие заклучоци:

- Глобализацијата и кај нас предизвикува структурни промени во сите сфери од животот, и влијае и врз статусот на македонскиот јазик во општеството.

Таа има големо влијание врз јазикот, и се манифестира со сè почеста употреба на интернационализми и на заемки, со што се загрозува македонската лексиката поради редовна употреба на синонимна лексика од туѓо потекло.

- Главно се презема од англискиот јазик и тоа најчесто зборови без адаптација. Во последните децении има значителен број заемки од англискиот јазик, со тенденција на проширување на областите и семантичките полиња во кои се јавуваат.
- Примери за вистинско лексичко заемање се *аеросоли*, *аквифер*, *компост*, *денга*, *дизел* и слично. Овие нови лексеми се специфични за стручниот јазик и ретко се јавуваат во секојдневната комуникација. Тие ги прифаќаат членските морфемии и морфемите за множина (*аеросол* – *аеросолта* – *аеросолите*, *компостот* – *компостии*) иако може да се каже

¹ Магистерскиот труд под наслов „Потребата од соодветна терминологија про процесот на толкување (со посебен осврт на терминологијата од областа на климатските промени)“ изработен од Ана Попова Манасиевска, под менторство на проф. д-р Лидија Аризанковска, е одбранет на 02.03.2018 г. на Филолошкиот факултет „Блаже Конески“ при УКИМ во Скопје.

дека поретко се јавуваат во такви форми, токму поради неприродната врска помеѓу основата на зборот и членската морфема или морфемата за множина.

- Примери за социолингвистичко заемање се *имплементација*, *адаптација*, *митигација*, *евапотранспирација*, *иригација* и слично, за кои постојат македонски еквиваленти со истото значење (*спроведување*, *приспособување*, *ублажување/намалување*, *испарување*, *наводнување*) и тука се забележува дека прифатените англизми се, главно, со латински корени и се прифаќаат со именскиот суфикс *-ација*, а македонските еквиваленти се глаголски именки кои се формираат со суфиксот *-ње*. Покрај фактот што новите лексеми имаат специфично значење во стручниот јазик (односно нема полисемија) сепак, сметаме дека многу лица кои работат во областа се решаваат да ги користат од престиж.

Во однос на зборообразувањето:

- Конверзија на глагол од именка со суфиксот *-ира* (*депонија* – *депонирање* со следење на англискиот модел *landfill* – *landfilling* – *to landfill*, *мана* – *мапира* од англиското *map* – *mapping* – *to map*).
- Глаголи изведени од веќе прифатените именки од англиски јазик, како што се *адаптира*, *митигира*, *имплементира* и слично.
- Кај именките, најчести се суфиксите *-ација*, *-ост*, кои се суфикси за изведување именки кои означуваат апстрактни особини (поими), како што се *адаптибилност*, *аклиматизација* (иако паралелно може да се сретне и климатизирање, со значење «ја менува климата во затворена просторија», што е поинакво значење од *аклиматизира* = *приспособува на климата*), *адаптација* (адаптирање), *приоретизација* (приоретизирање) и сл.
- Постојат и такви кои се примаат и без никакви промени. Такви се, главно, оние од латински корени како, на пр. *третман*, *анаеробна дигестија*, *дигестори*, *албедо* и сл.
- Во однос на влијанијата врз зборообразувањето, треба да го истакнеме образувањето сложеници, на пр. *јаглеродно-интензивни горива* од *carbon intensive fuels*. Овој модел е доста продуктивен во македонскиот јазик и може да се јават примери именка + именка (*држава-членка*), придавка + именка (*ниско* + *јаглероден*), именка + придавка (*труд* + *о* + *интензивен*) и слично.
- Кај зборообразувањето на придавките се забележуваат случаи на паралелно образување со суфиксот *-они*, наместо суфиксот *-ациски*, па така имаме *емисиони фактори* (еднина *емисионен фактор*), наместо *емисиски*, потоа *митигациони сектори* (еднина *митигационен*), наместо *митигациски*, а најчест пример за овој вид зборообразување е терминот *акциони планови* (еднина *акционен план*) наместо *акциски планови*.
- Исто така, се забележува присуството на некои префикси од латинскиот јазик, како што е на пример префиксот *био-*, постои цела група на зборови формирани со овој префикс, на пример: *биокоридор*, *биодизел*,

биодиверзитет, биоенергија, биогаз, биомаса, биоинформатика, биом, биосфера, биотехнологија итн.

- Често присутен е и префиксот *ко-* (*когенерација*) кој полека го заменува префиксот *со-*; *согенерација* би било посоодветно бидејќи овој префикс е од словенско потекло.

Што се однесува до употребата на скратениците, особено е видно влијанието од англискиот јазик:

- Дел се прифатени во оригиналната форма, на латиница, поради непознатливоста на акронимот доколку би се транслитерирал на кирилица. Примери за оваа појава се:
RENA (Regional Environmental Network for Accession/Регионална мрежа за животна средина за пристапување кон ЕУ);
- Дел се транслитерирани на кирилица, но запазен е англискиот акроним. Примери:
 - *УНЕП* – Програма за животната средина на ОН, од United Nations Environment Program (*UNEP*);
 - Рамковна конвенција за климатски промени на Обединетите нации (*УНФЦЦЦ*) од United Nations Framework Convention on Climate Change (*UNFCCC*);
- Најголем дел се преведени целосно со зборовите кои го сочинуваат акронимот, но тој е оставен во оригинал, најчесто поради звучноста и леснотијата да се запамети во оригинал. Примери за ваквата практика се:
 - Виртуелен центар за климатски промени на Југоисточна Европа (*СЕЕВССС*) од South East European Virtual Climate Change Centre (*СЕЕВССС*);
 - Механизам на чист развој (*СДМ*) од Clean Development Mechanism (*СДМ*);
 - База на климатолошки податоци (*СЛИДАТА*) од Climatological database (*СЛИДАТА*).
- Случаи каде зборовите во скратениците се преведени и се прифатени македонски скратеници. На пример:
 - *compressed natural gas* (*СНГ*) во компримиран природен гас (*КПГ*);
 - просторен информатички систем (*ПИС*) од geographical information system (*ГИС*), иако често се среќава и ГИС;
 - Ministry of Environment and Physical Planning (*МОЕПП*) и Министерство за животна средина и просторно планирање (*МЖСПП*);
 - *БДП* за бруто домашен производ и *GDP gross domestic product*.
- Ситуации каде и двете скратеници, односно преводот на зборовите во скратеницата се со исти почетни букви, па многу лесно може да се изведе македонски акроним идентичен на англискиот. На пример:
 - Нето примарно производство (*НПП*) од *net primary production* (*NPP*)
 - Нето калориска вредност (*НКВ*) од *net calorific value* (*NCV*).

Калки:

- Семантичките заемки ги опфаќаат калките што претставуваат буквално преведени зборови и фрази, додека слободните калки претставуваат слободен превод што не мора дословно да ја следи структурата на изразот во изворниот јазик.
- Примери за ваквите ситуации има многу, еве само неколку од нив:
 - *стакленички гасови* од *green house gasses*;
 - *јаглеродно финансирање* од *carbon financing*;
 - *јаглероден отпечаток* од *carbon footprint*;
 - *климатска акција* од *climate action*;
 - *климатска процена* од *climate assessment*;
 - *климатски промени* од *climate change* (и цела група термини со придавката *климатски*: *климатски режим*, *климатско сценарио*, *климатски закани* кои, всушност, треба да бидат режим на климата, сценарио за климата, закани од климата и сл.);
 - *одржлив развој* од *sustainable development*;
 - *адаптација без жалење* од *no-regrets adaptation*.

2.5. За функционалните стилови и зборообразувањето веќе стана збор во некои од моите излагање (в. Аризанковска 2013: 135-145). Заклучокот од таквото истражување е дека современата актуелна состојба на македонскиот јазик, која се развива под медиумско влијание, како и останатиот јазичен свет, и е резултат на општиот процес на глобализацијата, како начин на обединување и олеснување во процесот на посредување информации, при што главна улога на јазик-посредник има англискиот јазик, говори за процес на создавање нови функционални стилови, кои главно ги користат постоечките зборообразувачки модели на јазикот или во интерес на прагматиката се користат со директно преземање на туѓи лексеми (евентуално нивно фонетско адаптирање, па дури и преиначување) или создавање хибридни форми преку калкирање, односно преведување на дадени именски синтагми или нивно комбинирање со задржување на оригиналната (во писмена форма латинична) форма. Сето тоа е резултат на потребата од задоволувањето на основната функција на јазикот, комуникациската, потребата од економија во изговорот и пред сè од потребата за ефектно пренесување на пораката. Зборообразувањето и ресурсите на македонскиот јазик се само во служба на спроведувањето на целите. Резултат од сето ова се новите функционални стилови, настанати како резултат на настанатите промени во веќе стандардизираните постоечки стилови и губењето на острата граница меѓу нив (Аризанковска 2013:144).

2.5.1. И колку што од една страна уметничкиот стил оди во насока на креирање на нови зборови со цел одржување на постоечката традиција (пр. сложенки од типот: *тешкорак* ← тешка + рака ‘кој има тешка рака’, *долгозаб* ← долг + заб ‘кој има долги заби’, *белобрад* ← бела + брада ‘кој има бела брада’, *милолик* ← мил + лик ‘кој има мил лик’, *рженокоса* ← (‘ржена + коса ‘кој има долга коса како стеблото на ‘ржот или со боја на ‘рж’; *мудроумен* ← мудар + умен ‘оној кој е мудар и умен’, *словенољубивост* ←

Словен + љуби ‘кој е пристрасен кон Словените, односно сè што е словенско’, *каменорезец* ← камен + реже ‘кој обработува камен’, *очебол* ← око + боли ‘болка во очите; *тресионашка* ← тресе + опашка ‘жена која флертува, предизвикува маж’ (Јаневски Славко, *Тврдоглави*, 1990), толку разговорниот и публицистичкиот, поточно новинарскиот стил одат во другата крајност (в. Аризанковска 2013).

2.5.2. Примери од комуникација на социјалните мрежи:

skullmonkey напиша: ↑

- Не биди *хејтер*! 😏
- Морам малце да ги рчкам.... 😊
- Иначе и ја идев во *тератана* али одкако си скинав мускулно влакно на груди строго ми е забрането 1 година на вежбама :/ :/ Fatal1ty, 4 Септември 2012 (<https://forum.it.mk/threads/for-all-geeks-nerds-da-napravime-statistika.29197/> пристапено на 13.02.2018)
- ајде статистика да направиме за *форумциите* овдека 😊 (nothing personal) али барем не се зезајте сеа. нека бидат валидни информациите кои ги внесувате
- Si trebal da stavis da kazuvame *bodyfat* i kilaza a ne -5kg +5kg od visina nekoj moze e bilder tuka i tezi 100 kg so stomacni a e visok 180cm i ke nema sto da stavi
- Ne samo *bodyfat*, jas mislam deka treba i sliki da stavate, onaka posle *bilding*, ili kako krevate tegovi 😏
- da taman sea trgnav u teretana da se pokazam 😏. I plus so sliki ke dojdut povise zenski na forumot moze i *dating* podsekcija da otvorime
- Абе пишете *bodyfat*, и дополнителни информации тука 😏
- ако ве интересира тежам 69, 176cm, 6% body fat. тренирам бпати неделно (професионално) {со што, некам да откривам ипак}
- правам *calisthenics* на кеј ко будала (преку лето пошо неам тренинзи)
- у *теретана* идам преку зима као дополнително оптоварување иииии то. 😏
- зимам *whey протеини* (и аминокиселини во зима) [тоа се додатоци во исхрана и не се хемија, да не мешате катаболички и анаболички стероиди со ова ве молам]
- ете тоа е мојот *експлнејшн* 😏
- Кај беше пред 4-5 години да ја отвориш темава... 😊
- ме *банираа* тогаш ха
- Jas sum 15 god 8-9% *bodyfat* tezam 64 kg i visok sum 171cm pocnav od petok da idam u teretana inace vezbav doma. *Single* sum (zainteresirani zenski neka pisat po *pp* i neka kupat neкое *ssd* како poklon). Stats na *lifts bench* 50kg po 5 *repetici* (ne se smejte prvati mi e) i squat mi e 60kg po 5 pravam 60 skleka i 12 pati wide pullups so pravilna forma. Gnetam meso kako stoka sega sum na *bulk* i jadam po pola kilo pilesko na den ne ziam suplementi si pravam sam *shejkovi*.

- ако сака некој совет за слабеење, вежби, физички активности, исхрана, додатоци, и такви ствари нека пише *nn*, ќе поразговараме 😄 (*workouts done : p90, p90x, p90x one on one, p90x plus, p90x2 , insanity & Tarout XT*) иначе скоро 17 годишно едуцирано говедо 😄
- Висок 183, и тежам 76. Тренирав фудбал едно време, но потоа се повредив и сеа морам да паузирам. НО веќе добив зелено светло од лекарите, па така да кај и да ќе се вратам у спорт. Инаку и за време на повредата трчав по ќеј, колку да не изгубам форма.
- *Futball* 4-5 pати nedelno recisi sekoj den igram 😄 Si imam ekipaaa...
- Се билдери на ова форумот бе 😄
- Требало и години да се стават. Не е иста состојба на 15 годишен и 30+ годишен член. Како старееш се повеќе си склон на мрснотиин. А од спорт само групно гледање на било кој натпревар во кафана.
- ако имаш желба за вежбање ќе вежбаш и после 30. доказ?
- 40 години има чоеков и го следам од кога го отвори каналот. свер е 😄
- eve i na 60 god
- до 20 го стигам 😄
- Теретана е институција во која јас не влегувам. Да си го трошам времето на тоа не. Здрав живот се води и на друг начин а енергијата се испукува на друго место. И ве молам доста со овие видеа со *полу голи* мажи.
- енергијата се испукува на друго место.
- А тие што се над 190цм, што праиме со нив? 😄 Дај средете малце. Иначе 178цм висок 74кг тежок, 16 год.
p.s Visok : 185cm / Tezina : 75KG / Godini : 19
- Абе каква желба после работа, проблеми обврски имам желба да се релаксирам. Што ќе правам атлетско тело кој ќе ми го гледа? Здравје? Дедо ми покоен бог да го прости и пушеше и ракија пиеше и сало имаше, па умре на 87 години.
- *Муже* под 100 кила муже ли е? Башка Цацко ме научи, испод великог брда расте велики кукуруз.
- Така да ич тулето не ме боли за вишок килограми.
- А тие што се над 190цм, што праиме со нив? 😄 Дај средете малце. Иначе 178 цм висок 74кг тежок, 16 год.
- брат немаше место да допишам таму xD
- Висок 182см, тежок 75кг, 18год без 9 дена. Инаку порано имав 82кила, но одкако прекинав да вежбам т.е. летово работев намалив на килажата и опаднав малку. Па сега се спремам за недела две да почнам втеретана и се мислам дали да земам некој *суплемент* или не.. порано качував килажа одма но сега малце потешко 😄
- 195 cm, 100kg, *сингл*, спортување до 5 пати неделно сега летото, али од месецов толку више 😄
(<https://forum.it.mk/threads/for-all-geeks-nerds-da-napravime-statistika/>./пристапено на 27.02.2018)

3. Наместо заклучок

Прилог: Текстови на студенти на тема *Влијанието на глобализацијата врз македонскиот јазик*

Текст 1

Македонскиот јазик е зафатен од процесот на глобализација, напливот на туѓа лексика директно се одразил на јазикот. Македонскиот јазик е загрозен пред сè од наплив на англизми. Не се одржува рамнотежа, не се води грижа и контрола колку англизми и други странски зборови навлегуваат во мајчиниот јазик. Многу малку се внимава на чистотата на јазикот.

Преку современите начини на комуникација, македонскиот јазик е загрозен од премногу употребување на странски зборови пред сè англизми. Лексиката е секогаш прва на удар. На пример употребата на термини од информатичката технологија: *маус, даунлоуд, монитор, софтвер, хардвер, принтер, пасворд, инбокс...* имаат сè поголема употреба за разлика од соодветните зборови во македонскиот јазик: *гљувче, лозинка, печатач* кои имаат помала употребеност. Сè почесто луѓето почнаа да ги пишуваат имињата на месеците и деновите во неделата со големи букви, како што е во англискиот јазик, додека во македонскиот се пишуваат со мали букви. Вакви грешки се видливи и во пишувањето како кај обичните луѓе така и на веб-страниците во медиумите. Не е само лексиката опфатена од глобализацијата, туку и морфологијата и синтаксата. Покрај англизми во македонскиот јазик се навлезени и зборови од српскиот јазик и други туѓи зборови од различно потекло, а и голем број на турцизми останале додека нашата држава била под Османлиското владеење. Има огромен број на турцизми кои веќе не се во употреба, а има и турцизми кои активно се употребуваат во македонскиот јазик, како на пример зборовите *мерак, марифет, баклава, сарма...* Со анализата на сите аспекти на употреба на странски зборови во македонскиот јазик, можеме да проникнеме во видот и обемот на влијанието на странските јазици, пред сè англискиот јазик врз македонскиот јазик како лингвистички феномен. Јасно е дека светскиот процес на глобализација со кој според најнови истражувања се докажува дека и другите јазици се загрозени од процесот на глобализација и дека тие процеси се одрзуваат и оставаат белег на сите сегменти на општеството и културата, меѓу кои и јазикот, кој е подложен на измени. Убавината на македонскиот јазик се губи под притисок од светските јазици и култури.

(www.ukim.edu.mk/dokumenti_m/154_LINGVISTIKA.pdf, пристапено на: 17.12.2017)

Потребно е од најмала возраст кај младите луѓе да се развива свеста и да се негува љубовта спрема македонскиот јазик, бидејќи ако ние не го негуваме нема кој да го негува и да го сака освен нас. Најзаслужениот лингвист за македонскиот јазик рекол: „Јазикот е единствената наша татковина. Сè додека го чуваме, негуваме, го вардиме, го гледаме јазикот наш македонски - ќе може да сметаме дека ја имаме и татковината. Како куќа, како дом, како огниште.“ (Конески 1990). Мислам дека македонскиот јазик, како и многу други јазици е сериозно зафатен од процесот на глобализација, од наездата на англискиот јазик во повеќе сфери. Сè почестата употреба на англискиот јазик, воведувањето на нови модели во образованието, доминацијата на англискиот јазик претставуваат сериозна закана врз зачувувањето на македонскиот јазик. Воведувањето на англискиот јазик во училиштата како втор задолжителен предмет, во многу земји низ светот е последица дека англискиот јазик по време ќе биде толку многу застапен и можеби ќе биде единствен јазик во тие земји. На тој начин мајчиниот јазик ќе исчезнува, а со тоа што англискиот ќе стане единствен јазик во земјата ќе се прифатат и културата, обичаите и традицијата што можеби е и целта. Треба да бидеме свесни дека јазикот претставува идентитет и културно обележје на еден народ и неопходно е да се негува и правилно да се употребува ако сакаме

да го зачуваме. Само така можеме да го одбраниме јазикот од влијанието на светските јазици.

(<https://www.google.com/philologicalstudies.org>, пристапено на: 17.12.2017)

(Марија Шереметкоска, студент на ФлФ, УКИМ)

Текст 2

Убавината на македонскиот јазик се губи под притисок од светските јазици и култури. Најповеќе нашиот јазик е под директно влијание од страна на англискиот јазик и на напливот на англиската лексика во него.

Јазикот е нашата татковина и треба што повеќе да биде негуван. Глобализацијата на македонскиот јазик најповеќе е изразена низ интернет. Помладите генерации најчесто во текот на својата комуникација низ социјалните мрежи внесуваат голем наплив од англиската лексика.

Ова го кажувам и од лична перспектива, бидејќи некогаш и јас го правев истото. Ќе наведам еден личен пример којшто јас често го користев. Во текот на комуникацијата низ социјалните мрежи ја користев англиската кратенка *btw*, наместо да го пишувам македонскиот збор *инаку* (преземено од messenger 05.05.2017 16:05h.). Причината за тоа е да не го пишувам подолгиот македонски збор, па со тоа ја пишувам англиската кратенка. Но, според мене колку што е добро тоа толку и не е добро за македонскиот јазик. Постепено, но сигурно се губи суштината на нашиот јазик.

Причината за глобализацијата на македонскиот јазик не се само помладите генерации коишто ја прошируваат низ комуникацијата на социјалните мрежи, за тоа се виновни и веб-порталите, весниците, списанијата и сл.

Ќе наведам еден пример каде што насловот на еден рецепт гласи: «Брз и едноставен рецепт за новогодишен чоколаден *чизкејк*» (преземено од веб-порталот Кафе Пауза, www.kafepauza.mk, 13.12.2017). Зборот *чизкејк* воопшто не е дел од македонскиот јазик. Тука исто така се појавува таа глобализација и повторно со наплив од англиската лексика. Според мене во ред е да се знаат странските јазици, но не е во ред да се вметнуваат во македонскиот јазик како да се дел од него. Бидејќи секој јазик си има своја убавина и така треба да остане без додавање на други зборови од друг јазик во него.

Англискиот јазик е поголемата причина за глобализацијата на јазикот, којашто постепено треба да биде искоренета. Англиската лексика е најповеќе застапена во нашиот јазик. Македонскиот јазик е нашата одлика којашто треба да биде негувана, а не глобализирана. Јазикот претставува нашата татковина која ние треба да ја зачуваме.

(Сара Јанеска, студент на ФлФ, УКИМ)

Текст 3

Македонскиот јазик, лингвистичкиот идентитет на македонскиот народ, во ерата на глобализација стои на цврсти нозе во светот на јазиците, доживувајќи и самиот своја глобализација низ интернетот. Македонскиот јазик има значителна културолошка кондиција, која што ја покажува во континуитет. Тој има голема апсорпциона способност, или моќ на приспособување, но и на задржување на главните карактеристики и сопствените идентитетски обележја, на она јадро што го сочинува тој јазичен идентитет.

Во последниве 20-тина години македонскиот јазик со значителен успех настојува да се промовира во светот, да се унапреди. Се продолжува континуитетот воспоставен претходно, во времето кога нашите познати лингвисти ја раширија свеста за неговото постоење во светот. Наспроти сите ризици и пречки, кои се нормални и за сите други помали јазици во светот, со помал број говорители, македонскиот јазик успева преку културата, преку современите средства за комуникација, да се пробива во одредени средини каде што не бил и да се здобива со поголемо значење, афирмирајќи се со сите

свои вредности. Преку современите начини на комуникација, карактеристични за глобализацијата, македонскиот јазик има исклучителна можност да го проширува своето влијание. Но секако, тука е и доминацијата на англискиот јазик, која се проширува сè повеќе, па затоа мошне некритички се прифаќаат одредени термини, кои се прошируваат преку модерните комуникациски технологии и преку Фејсбукот и другите општествени мрежи за комуникација, како што се: *сурфа, ресетира, пасворд, принтер, маус* итн. Многу малку се внимава на чистотата на јазикот, иако постојат соодветни македонски зборови како замена за странските зборови. Со позачестена употреба на соодветниците многу ќе се помогне кон одговорот на 'лингвистичкиот империјализам' на англискиот јазик.

Не би можела да кажам дали е пречекорена црвената линија во овој поглед, но, лично, не мислам дека е загрозен македонскиот јазик. Тоа е нешто што не можеме да го спречиме, затоа што јазикот е жива материја. Тој е од менлив и минлив карактер и нормално е дека ќе има такви влијанија. Меѓутоа, тие влијанија не треба да предизвикаат хаос кај јазикот-домаќин, кој треба да ги прими странските зборови. Треба да се одржи рамнотежа, да се води грижа и контрола колку англицизми и други странски зборови навлегуваат во мајчиниот јазик. И во англискиот, за којшто не можеме никако да кажеме дека е загрозен, процесот на позајмување зборови од туѓите јазици е втор по честотата при формирањето нови зборови. Во нашиот јазик одамна постојат странски, англиски зборови, како што се *радио*, или *викенд*, но, сепак, не можеме да кажеме дека тој изумрел поради нивното присуство. Тоа не значи дека треба да се опуштиме. Треба да се следи постојано состојбата во јазикот, за да се интервенира кога странското зборовно влијание ќе почне да преовладува.

Македонскиот лингвистички идентитет има отпорност кон тенденциите за негово оспорување. Меѓутоа, и на тоа треба повеќе да се поработи. Може да се направат повеќе кампањи во светот, но и дома, меѓу младата генерација. Потребно е да се прават уште повеќе лингвистички анализи за различноста и спецификите на македонскиот јазик во однос на соседните и другите блиски јазици и тие анализи да се објавуваат во светски угледни списанија.

Моето мислење на оваа тема е дека македонскиот јазик не е загрозен, бидејќи како и секој друг јазик, тој е подложен на промени и нови зборови. Англискиот не е првиот јазик што се наметнува сè повеќе и повеќе во македонскиот, кога Македонија била под турско ропство многу турцизми влегле во македонскиот јазик кои се користат и денес, како на пример: *баклава, туришја, шербет, филџан, чорба* и многу други. Исто така, во македонскиот јазик имаме интернационализми, односно одредени зборови од туѓо потекло, најчесто латинско или старогрчко, кои се прифатени во скоро сите јазици во светот, на пример: *функција, актуелен, факултет, квалитет, факт* итн. Сите овие зборови се сведоштво за културата, историјата и општеството во кое што живеел народот во минатото. Тие го богатат, а не го осиромашуваат јазикот. Секако, тие си имаат свое место и начин на употреба кои треба да се почитуваат. Тие не се никакво «зло» од кое треба што побрзо да се ослободиме (а и не можеме да се ослободиме), туку имаат незаменлива стилска улога и вредност.

Затоа јас мислам дека треба со надеж, но и со претпазливост и грижа, да гледаме кон промената на македонскиот јазик за да го усовршиме нашиот јазик.

Користена литература: <http://www.dw.com/mk>

(Вела Трајковска, студент на ФлФ, УКИМ)

Текст 4

Во светот постојат многу народи и исто толку јазици. Тие јазици им се мајчини јазици на седум милијарди луѓе на Земјата. Мојот мајчин јазик е јазикот на моите предци – македонскиот. Мајчиниот јазик е најголемото богатство на човека. Со негова помош можеме и да учиме, да се образуваме, да покажеме колку знаеме. Но, тој ни помага да

научиме и други јазици, а со тоа стануваме уште побогати. Без јазик би биле никој и ништо.

Јазикот е жива материја, а тоа значи дека постојано е подложен на различни влијанија кои придонесуваат за негова промена. Но, тоа значи и дека јазикот како жива материја влијае на секој свој корисник, но и обратно, секој корисник на свој начин го обликува својот јазичен израз. Можностите за изразување што ни ги нуди јазикот се бескрајни, но тоа не значи дека не треба да се придржуваме на правилата за зборување и за пишување. Ние младите, истовремено, сме под големо влијание на многубројните средства за комуникација и на јазикот што се користи во нив. Тука, пред сè, мислам на електронските средства за комуникација, т.е. на разните социјални, друштвени мрежи на интернет. Јазикот што можеме да го видиме таму, напишан во безбројните пораки, коментари и сл. е јазик за којшто треба да се загрижиме сите, затоа што тој на многу начини ги руши правилата на стандардниот јазик. Кога пишуваме на некој од овие електронски места, тоа го правиме со брзање и без да се сосредочиме на правописните, морфолошките или синтаксичките правила. Пишуваме скратеници, не пишуваме голема буква, точка, запирка и сл., употребуваме многу англизми (на пр.: *хејта, чета, лајк, лајкне, тагне, адне, хепи, бед* и др.) и србизми (на пр.: *чим, пошто, никад, руга, онда, молим ти се* и др.), не ги довршуваме речениците, туку ги завршуваме со три точки, користиме емотикони и смајлиња и таму кај што треба и таму кај што не треба итн. Истото важи и за нашата меѓусебна усна комуникација, каде што меѓу другото, неправилно ги издолжуваме или ги скратуваме самогласките, ги стврдуваме или ги омекнуваме согласките, акцентираме неправилно, ги скратуваме зборовите и сл.

Интересно е што сите сме свесни за ваквата појава и сите исто постапуваме. Но, мислам дека таквиот наш јазичен израз, колку што е, толку и не е загрижувачки, зашто на местата каде што треба да се изразуваме правилно и литературно (на пр. во училиште, во некоја институција, со непознати) ние тоа го правиме без проблем. Значи, нашето нелитературно зборување и пишување е дел од нашата другарска и неврзана комуникација т.е. дел од нашиот разговорен стил. Иако, сметам дека во основното и во средното образование повеќе треба да се води сметка за наставата по македонски јазик, а на часовите по другите предмети да се зборува стандарден македонски јазик.

Според мене, во моментот треба да се води сметка за јазикот на медиумите, особено за јазикот на радијата и телевизиите, каде што се многубројни јазичните грешки на младите водители и новинари. Нивното зборување го слушаат многу слушатели и гледачи истовремено, па може да се очекува дека некои грешки ќе бидат прифатени како точни форми и ќе бидат понатаму употребувани.

Во секој случај, грижата за македонскиот јазик треба да биде општа, т.е. заедничка за сите негови зборувачи. Секогаш и секаде, па и во нашите неврзани усни или писмени комуникации, треба да водиме сметка за граматичката правилност и за користење на македонски зборови секогаш кога ќе помислиме да употребиме некој туѓ збор. Јазикот е нашиот идентитет, нашиот знак за распознавање – колку повеќе ние си го почитуваме, толку подостоинствено изгледаме и сме вреди за почит. Затоа, да не чекаме промените да почнат од некој друг, туку секој од нас да почне да внимава на своето зборување и пишување. За почеток, можеби, ќе биде доволно своите ФБ-профили да ги направиме на македонски, па наместо да *«лајкаме»*, барем неколку пати дневно да кажеме *«ми се допаѓа»*.

(Љупка Алексова, студент на ФлФ, УКИМ)

4. Заклучок

Од изложеното погоре, накусо би заклучиле дека глобализацијата носи нови зборови, но нивното продирање во лексичкиот систем преку користењето на потенцијалот на зборообразувачките модели во

македонскиот јазик значи навраќање на традиционалниот принцип на образување зборови, особено со повторно активирање на формантите кои претставуваат стилско обележје токму на македонскиот јазик, особено кај процесот на суфиксацијата, мислејќи на суфиксите од словенско и од турско потекло (*твитерџија, теретанџија, компјутерџија, моторџија*) како дел од разговорниот стил, како и од латинско потекло, особено кај стручната терминологија и стандардните форми (*имплементира, аклиматизира; адаптивбилност, аклиматизација; адаптација*). Глобализацијата значи културно доближување, но и сè поголема доминација на прагматизмот, како олеснета форма на директно преземање на форми од јазикот којшто ја држи доминацијата во спроведувањето на комуникацијата, што е резултат, пак, токму на процесот на глобализацијата.

Литература:

Лидија АРИЗАНКОВСКА, 2013: Развој на функционалните стилови од зборообразувачки аспект во современиот македонски јазик под медиумско влијание. *Slowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich (Word-formation and the new functional styles of slavic languages)*. Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 135-145.

Лидија АРИЗАНКОВСКА, 2015: Терминологијата во служба на преведувањето и толкувањето – европски и македонски искуства. *Јазични и културни проникнувања низ преведувањето и толкувањето (Зборник)*. Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, 87-95.

Lidija ARIZANKOVSKA, 2016: 168. Macedonian. *Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe*. Müller Peter O., Ohnheiser Ingeborg, Olsen Susan, Rainer Franz (Eds.). Volume 4. Berlin: DE GRUYTER MOUTON.

Бобан КАРАПЕЈОСКИ, 2012: За некои аспекти на глобализацијата и нејзиното влијание врз македонскиот јазичен систем, *Филолошки студии*. Штип: Универзитет „Гоце Делчев“ (пристапено преку www.academia.edu).

Кирил КОНЕСКИ, 1995: *Зборообразувањето во современиот македонски јазик*. Скопје: Бона.

Jelena LONČAR, 2005: Globalizacija - pojam, nastanak i trendovi razvoja, *Geoadria*, 10/1. Zadar: Hrvatsko geografsko društvo, Filozofski fakultet, 91-104 (пристапено преку <https://hrcak.srce.hr>).

Лилјана МИНОВА-ЃУРКОВА, 2003: *Стилистика на современиот македонски јазик*. Скопје: Магор.

Branko TOŠOVIĆ, 2002: *Funkcionalni stilovi (Funktionale Stile)*. Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität.

Marjeta HUMAR (ured.), 2004: Terminologija v času globalizacije. Ljubljana: Založba ZRC.

Корпуси:

<http://academia.edu>

<http://www.dw.com.mk>

<http://www.google.com>
<http://forum.it.com.mk>
<http://www.kafepauza.mk>
<http://www.makedonski.info>
<http://www.plusinfo.mk>
<http://republika.mk>
<http://www.ukim.edu.mk>
<https://mk.wikipedia.org>

РАЗДЕЛ 4

SLOVOTVORNÁ ADAPTACE NOVÝCH ANGLICISMŮ V ČEŠTINĚ*

Ivana Bozděchová

Univerzita Karlova (Praha, Česká Republika)

bozdiaff@ff.cuni.cz

Příspěvek se zaměřuje na slovotvornou utvářenost slovesných neologických anglicismů v současné češtině. Přejímání anglických sloves do češtiny znamená nutnou morfologickou adaptaci pomocí (domácího) kmenotvorného sufixu; jím se také tvoří česká slovesa od anglických jmen (substantiv). Analýza tvoření sloves z anglických základů byla provedena na neologickém materiálu, hlavními zdroji byly databáze Neomat a korpus syn v6 ČNK. Slovesa jako primární prostředek pojmenování děje představují základ výpovědi, na jejich novém tvoření je posuzována role slovotvorby při uspokojování nových komunikačních potřeb a ověřována aktuálnost přejímek z angličtiny i jejich uplatňování v současné české komunikaci.

Klíčová slova: anglicismus, neologismus, adaptace, přejímání, slovotvorná stavba

The paper focuses on word-formation structure of new verbal Anglicisms in contemporary Czech. Adaptation of English verbs means necessary morphological adaptation by means of a (domestic) stem-forming suffix; that suffix is also used when deriving Czech verbs from the English names (nouns). Analysis of the formation of new verbs from English bases was carried out on the neological material, its main sources were the database Neomat and the syn v6 of the Czech National Corpus. The verb as a primary means of naming an action represents the basis of the utterance; analysing their new creation, the paper assesses the role of word-formation in addressing the new communication needs and to verify up-to-date function of borrowings from English and their use in contemporary Czech communication.

Key words: Anglicism, neologism, adaptation, borrowing, word-formation structure

Motto:

A pak zjistíte, že uběhla půlhodina a vy se celou tu dobu na Internetu jen tak zbůhdarma plácáte. Ťuknete se do čela a řeknete: «Co jsem to vlastně hledal?» případně, pokud chcete být světoví: «What I was looking for?» Angličané mají odpověď. Prostě jste tu půlhodinu jen tak wilfovali. «To wilf» je nové slovo, které počátkem dubna ohlásil britský tisk a které vzniklo z počátečních písmen již položené a výše zmíněné otázky: "What I was looking for?"

...

* Tato studie vznikla za podpory projektu Univerzity Karlovy Progres Q10, *Jazyk v proměnách času, místa, kultury*.

Zatím se wilfování dostalo do některých otevřených slovníků (kam ho umístili pravděpodobně znudění wilfeři) a také na Wikipedii, kde však heslo moc dlouho nevydrželo. Uživatelé nakonec rozhodli o jeho smazání, zřejmě proto, že nebyli přesvědčeni, že takové slovo opravdu existuje. Kdo ví, možná si ho vymyslel nějaký unuděný britský novinář. Zda obohatí jazyk podobně jako například blogování, gůglování, jútúbování či podkastování, se uvidí. Definitivní verdikt pak vydá nějaký renomovaný slovník, například Merriam Webster. Když ho zařadí na své stránky, bude to oficiální.

(Reflex 17, 24.7.2007, s. 50, M. Čermák – Notebook Miloše Čermáka)

1. Úvod

Ve většině moderních jazyků se v posledních několika desetiletích intenzivně, dynamicky a stále aktuálně přejímají a adaptují lexikální prostředky z angličtiny. Proto je příspěvek zaměřen na anglicismy¹ v současné české slovní zásobě nové a omezen na jejich slovotvornou utvářenost a adaptaci, k níž vzhledem k typové vzdálenosti angličtiny a češtiny (slovanských jazyků) často při přejímání dochází (spolu s jejich adaptací formální a gramatickou²). Omezení bylo, jak se ukázalo v průběhu práce, potřeba více, neboť zvolený neologický materiál poskytl velký počet nových lexikálních jednotek (různých slovních druhů), jejichž slovotvorný popis by přesáhl rozsah tohoto příspěvku. Vybrali jsme onomaziologickou kategorii děje, primárně slovnědruhově pojmenovanou slovesy (v češtině vidově určenými), a to mj. proto, že děj představuje základ výpovědi a nás zajímá role slovotvorby při uspokojování nových komunikačních potřeb.

2. Jazykový materiál, statistické údaje

Hlavními materiálovými zdroji byly databáze Neomat³ a korpus syn v6 Českého národního korpusu¹. Z databáze Neomat jsme vyexcerpovali všechny

¹ Anglicismy chápeme ve smyslu vymezení v *NESČ* 2017: 107): „Jazykový prostředek převzatý z angličtiny do jiného jazyka nebo podle angličtiny v něm vytvořený.“

² Pravopisné, výslovnostní i morfologické adaptaci anglicismů v češtině byla věnována řada prací, viz např.: Bozděchová 2017; J. Mravinacová, 2000: K některým jevům morfologické adaptace anglicismů. O. Martinová – J. Světlá (eds.): *Nová slovní zásoba ve výkladových slovnících*, 2000, 98–104; M. Nekula, 2004: *Anglicismy v češtině*. W. Viereck – K. Viereck ad.: *Atlas anglického jazyka*, 259–275, 284–289; D. Svobodová, 2000: *Anglicismy přejímané do češtiny v původní plurálové formě*. *NR* 83, 55; D. Svobodová, 2012: *Variantnost grafických forem anglicismů v češtině z pohledu uživatelů jazyka*. S. Čmejrková – J. Hoffmannová ad., 2012: *Čeština v pohledu synchronním a diachronním*, 365–370.

³ Elektronický neologický archiv *Neomat* tvoří část materiálových sbírek oddělení současné lexikologie a lexikografie Ústavu pro jazyk český AV ČR, kde je průběžně budován od začátku 90. let 20. století. Neologický lexikální materiál z let 1991–2005 (202 340 hesel, excerpovaných nejvíce z textů publicistiky, řidčeji z beletrie a překladové literatury) byl využit pro zpracování slovníků neologismů – *Nová slova v češtině. Slovník neologismů 1* (1998) a *Nová slova v češtině. Slovník neologismů 2* (2004) a byl zveřejněn v roce 2013. Od září 2015 je archiv plně zpřístupněn laické i odborné veřejnosti, jeho aktualizace probíhá v týdenních intervalech. V současné excerpci zcela jednoznačně dominuje publicistika, částečně se excerpují i texty ze sociálních sítí a internetu, k datu 19. 2. 2018 bylo v databázi 325 510 záznamů.

lexémy označené jako anglicismy a z nich pro tento příspěvek vybrali slovesa a jim příbuzná substantiva verbální a deverbativní substantiva pojmenovávající (široce pojatý) děj. Zaznamenali jsme také verbální substantiva s formantem *-ing/-ink* (původem neurčité slovesné formy tzv. anglického gerundia, např. *searching, twisting*), užívaná v obdobné funkci jako domácí substantiva verbální zakončená na *-ní* a *-tí* (tj. onomaziologicky primárně ve smyslu transpozice)².

Analyzovaný korpus tvoří slovesa utvořená od 112 kořených morfémů z angličtiny (vyabstrahovaných ze slovesných anglicismů z databáze Neomat a ověřených v korpusu syn v6).³ Doložená slovesa vidově protikladná, včetně reflexivních jsme uspořádali podle těchto kořenů, tedy např. *chipovat – chipnout; skypovat – odskypovat – proskypovat – zaskypovat – zaskypovat si – skajpnout si*. Získali jsme tak celkem 206 sloves (slovotvorně odlišných)⁴; z nich je 102 imperfektiv a 104 perfektiv, a to bez formálně (slovotvorně) odlišného vidového protikladu 62 imperfektiv a 25 perfektiv.

3. Tvoření sloves

Tvoření neologických sloves je podmíněno (viz Martinová 2005: 119) faktory vnějšími (nové profese, pracovní a sportovní činnosti, způsoby komunikace aj.) i vnitřními (produktivita některých slovotvorných typů, aktivita aspektově-vidové soustavy). Přejímání anglických sloves do češtiny⁵ znamená (nutnou) morfologickou adaptaci pomocí (domácího) kmenotvorného sufixu; jím se také tvoří česká slovesa od anglických jmen (substantiv)⁶. Tuto slovotvornou transflexi někdy doprovází afixace, souhrnně jde tedy o tvoření derivací.⁷ Jak zaznamenává Martinová (2005: 132), přejímání a odvozování se prolínají, existuje mezi nimi napětí,⁸ poukazující na tendenci češtiny k slovotvorně

¹ Syn v6 vznikl spojením korpusů řady SYN, verze 6 z 18. 12. 2017 a má velikost 4 834 739 998 pozic.

² Proto je uvádíme (ve výkladu, přehledech i tabulkách) společně se substantivy verbálními zakončenými na *-ní, -tí*.

³ V textu (i v tabulkách) uvádíme příklady anglicismů v podobách, ve kterých jsou doloženy v excerpovaném v materiálu, tj. graficky neadaptované i adaptované.

⁴ Pojetí lexému a (slovesného) tvaru ve vztahu k slovesnému vidu zjednodušujeme, protože se zabýváme slovotvornou a onomaziologickou stránkou sloves.

⁵ Přejímání jako „proces integrace převzatého prvku do slovní zásoby přebírajícího jazykového útvaru“ (Mravinacová 2005: 189).

⁶ Srov. Mravinacová 2005: 200: „Adaptační mechanismus spočívá ve změně slovesného paradigmatu, pokud za východisko pokládáme cizí sloveso, popř. v nabytí tvaroslovného paradigmatu, pokud za východisko pokládáme cizí morfém nebo cizí lexikální prvek bez kategoriálního příznaku.“

⁷ V angličtině existují četná složená slovesa, kompozice však má vzhledem k analytickému typu jazyka jinou povahu a zastoupení než v češtině. Anglická složená slovesa se do češtiny adaptují kmenotvorným formantem, viz např. *(to) bookmark → bookmarkovat*, podobně *cashbackovat, cypypastovat, copyrightovat, cross-sellovat, fastfoodizovat, networkovat* atd.

⁸ Martinová ve své studii poukazuje na souvislost mezi časovým výskytem a významovou stránkou dějového jména a mezi způsoby tvoření dějových jmen a sloves – dějová jména vznikají primárně s významem konkretizovaným (pojmenovávají technologické, léčebné a jiné postupy), dějová jména s významem nekonkretizovaným jsou datačně blízká se souvztažnými slovesy, příp. doložena v opačném pořadí (Martinová 2005: 122–123).

strukturované stavbě nových lexémů (přejímky *dealovat, manažovat, joggovat* // slovesa odvozená od přejatých substantiv – *dealerovat, manažerovat, joggingovat*). U nových sloves podle autorky převládají desubstantiva tvořená kmenotvornými formanty *-ova-/-uj-*, řidčeji též *-i-/-í-* a *-nou-/-nu-*, prefixální deverbativa a adaptovaná slovesa (2005: 120).

3.1 Fundující anglické základy, jejich slovnědruhovú platnost

Vzhledem k typologické povaze analytické angličtiny bývá v mnoha případech obtížné či nejednoznačné určit, ke kterému slovnímu druhu patří slovo, jímž bylo přejaté sloveso fundováno, tj. především rozhodnout, zda bylo do češtiny nejprve přejato substantivum, nebo sloveso. K existenci paralelních motivací Mravinacová 2005: 202 uvádí: „O přímo adaptovaném cizím slovese lze hovořit tehdy, není-li doloženo přejaté slovo, jež by mohlo být slovtvorným východiskem pro jeho zformování.“

V naší klasifikaci neologických sloves anglického původu jsme u konkrétních případů vycházeli z (ne)existence lexémů obou slovních druhů v angličtině a z významu českého slovesa (strukturního i na něm založeného lexikálního). V materiálu jsme zaznamenali:

1. desubstantiva: 33 sloves; motivující syntaktické substantivum apelativní, příp. propriální, tj. jednoslovný lexém (*brunch, banner, hipster, style, copyright, friendzone, Twitter*), kolokace (*high line, fast food, Old Spice*) nebo zkratka (*ICQ, IT, NATO*);

2. deverbativa: 61 sloves (*leak, meet, release, search, stand-up*);

3. slovesa s dvojí motivací: 18 sloves (*dislike, forecast, hype, request, stream*).

3.2 Slovtvorné afixy a jejich významy/funkce

Seznam sloves s vyznačením slovtvorných prostředků (a vidových dvojic) přináší Tabulka 1. Strukturní významy sloves dané užitím uvedených afixů se často lexikalizují v lexikálně sémantické odstíny, resp. významy. Vzhledem k okrajovosti mnoha z uvedených neologických sloves v české slovní zásobě i v současné komunikaci (viz jejich nízké početní zastoupení a specifčnost významu) lze na takovou lexikalizaci mnohdy spíše jen usuzovat podle několika doložených užití. Následující přehled tedy slouží pouze k dokumentaci zaznamenaných slovtvorných postupů a prostředků¹ a k ilustraci významových změn s nimi spojených.²

3.2.1 Kmenotvorné formanty³

¹ V přehledu řadíme jednotlivé slovtvorné afixy podle četnosti výskytu v excerpovaném materiálu.

² Navazujeme na podnětné studie Martincové 2005 a Mravinacové 2005, které poskytují důkladnější slovtvornou i sémantickou analýzu slovesných neologismů a přejímek, v mnohém právě z hledisek této analýzy shodných nebo velmi podobných s námi excerpovanými slovesnými anglicismy.

³ Kmenotvorné formanty ve funkci slovtvorných afixů zde uvádíme pouze v základní podobě (z kmene infinitivního / minulého). Někdy se uvádějí jako slovtvorné sufixy souhrnně s tvaroslovnou charakteristikou (infinitivní koncovkou), tedy např. *-ovat*: stavba *-(ova)(t)*, kde

-ova-:

U neologických sloves kmenotvorný formant *-ova-* zcela převažuje – jím je z angličtiny adaptována do češtiny naprostá většina sloves.¹ Uplatňuje se při tvoření od substantiv i od sloves, imperfektiv i perfektiv (v našem materiálu v počtu 94 a 79), převážně nereflexivních sloves (zaznamenali jsme i varianty s reflexivou: *gentrifikovat – gentrifikovat se, stajlovat – stajlovat se, upgradovat – upgradovat se, zaesemeskovat – zaesemeskovat si, zaspoilerovat – zaspoilerovat si*; pouze v reflexivní podobě se vyskytla slovesa *probuskovat se, čekautovat se, doajt'ákovat se, profuckovat se, mítovat se, refreshnout se, zashortovat si, skajpnout si*). Slovesa s formantem *-ova-* vyjadřují především následující slovo tvorné významy:

1) ‚používat jako nástroj nebo metodu to, co označuje základové substantivum‘:

bail-inovat (bail-in = záchranná kauce), bookmarkovat, cashbackovat, (do)ajt'ákovat se, kitovat, (vy)flashovat,

– specifikace ‚sdělovat prostřednictvím komunikačního prostředku‘²:

blůtůvat, cloudovat, icqovat, jůtjůbovat, networkovat, skypevat, smskovat, streamovat, twitterovat, voipovat, webovat

2) ‚vytvářet, dělat, provádět, provozovat to, co označuje základové substantivum, realizovat, projevovat činnost pojmenovanou základovým substantivem‘ (pojmenování činnosti podle výsledku):

doodlovat, dumpingovat, gentrifikovat, groovovat, hájnovat (hype = reklamní trik, nafukování, švindl), requestovat, roflovat (ROFL = Rolling on the floor laughing, „Smát se, až se z toho válet po podlaze“), vykastingovat, wilfovat, branchovat, snackovat, stylovat se

– specifický význam: ‚účastnit se něčeho, udržovat něco (vztah)‘:

erasmovat, friendzonovat

3) ‚opatřovat tím, co označuje základové substantivum‘:

bannerovat, branchovat, hashtagovat, chipovat, likovat, pricovat, snackovat, (z)copyrightovat

4) ‚být tím, koho (co) označuje základové substantivum‘ (vyjádření činnosti subjektu pojmenovaného základovým substantivem):

cosplayovat, fangirlovat, spoilerovat

-izova-:

V materiálu se rozšířený kmenotvorný formant *-izovat* vyskytl pro pojmenování významu ‚zavádět něco, činit něčím, podle něčeho‘:

fastfoodizovat, natoizovat, tescoizovat

-i-:

‚být jako ten, koho (popř. to, co) označuje základové substantivum‘:

(*ova*) reprezentuje podoby kmenotvorného sufixu, (*t*) reprezentuje soubor slovesných zakončení; viz např. Šimandl (ed.) 2017.

¹ Srov. Mravinacová 2005: 201: „Jiné konjugační typy [než *-ova-*, I.B.] se uplatňují zřídka a mohou být stylově příznakové“.

² Viz obdobně Martincová 2005: 126.

hipsteřit, spoileřit

-nou-:

V naprosté většině analyzovaných případů se kmenotvorným formantem *-nou-* tvoří perfektiva k přejatým imperfektivům s formantem *-ova-* (někdy současně s reflexivizací pomocí volného morfému *se, si*), zaznamenali jsme jich 20, např. *čeknout (checknout se / čeknout se)*, *chipnout*, *lajknout*, *postnout / poustnout*, *sharnout*, *skajpnout (si)*, *SMSknout*. Méně často se jím anglická slovesa přímo adaptují na český konjugační systém – v excerpovaném materiálu jsou doloženy takové případy pouze tři (perfektiva bez vidového protějšku): *leaknout*, *mocknout*, *pančnout*. Formant *-nou-* zde má pouze konstrukční funkci (spojuje lexikální základ slovesa s koncovkou infinitivu). Ojedinelý případ představuje sloveso *blobnout* (podle dokladů imperfektivní i perfektivní), ve kterém se realizuje význam ‚vytvářet/vytvořit to, co označuje základové substantivum‘:

Osobně se domnívám, že správná dotační politika v naší kulturní metropoli se nakonec najde a prosadí. Kaplický si v Praze blobne, ale radar a s ním významné posílení naší bezpečnosti? Myslím, že spíše nebude vysílání. (ČRo 2008)

V souvislosti se skutečností pojmenovanou základovým slovem blob (knihovna) a jejími kulturně-spoolečenskými souvislostmi se toto slovesa vyskytlo v přeneseném, ironickém významu a jako prostředek jazykové hry: Praze zřejmě jednou z blobu "blobne". (MF Dnes 2011)

Architektka Eva Jiřičná (seděla v porotě, jež vítězný návrh vybrala) postřehla, že chobotnice není kapka. Ptala se proto Kaplického: "Co blobneš?" (Což každý blobař chápe jako: Co blbneš?) Řekl jí, ať z modelu knihovny stáhne plachtu. Stáhla kůži chobotnice a pod ní se objevil radar. (Blob. Týden 2007)

-a-:

Jediné doložené sloveso s tímto formantem *talkat* je okazionální a utvořené záměrně (ironicky) v rámci obecného slovotvorného významu ‚vytvářet to, co označuje základové substantivum‘; (zřejmě nezáměrně) zároveň v součinnosti s lexikální sémantikou základového slova (*talk*) se blíží domácím (onomatopoickým) slovesům se stejným sufixem s významem ‚vydávat zvuk‘ (klapat, cvakat):

Nevím, jestli se od lidí, kteří dali tisíce rozhovorů a talkali už ve všech talk show, můžu na omezeném časovém prostoru něco nového dozvědět. (Týdeník televize 2005)

3.2.2 Prefixy, cirkumfixy¹

Slovotvorné prefixy sloves modifikují lexikální význam základových (do češtiny adaptovaných) sloves, a to ve většině případů zároveň s významem dokonavosti (imperfektiva se perfektivizují). Jak uvádí Martincová 2005, prefigovaná slovesa náležejí především do oblasti modifikačního tvoření, zasahují

¹ Jako cirkumfix zde chápeme spojení prefixu a sufixu nebo prefixu (sufixu) a volného morfému *se, si* (při tvoření sloves se prefixace kombinuje s reflexivizací). Vzhledem k malému počtu příkladů uvádíme takto tvořená slovesa se slovesy prefigovanými a blíže je neklasifikujeme.

však i do mutačního typu. U neologických sloves zaznamenala autorka formální signál zdokonavení u prefixů *z-* (základní prostředek), *na-*, *o-*, *vy-*, *za-*, tendence k jejich využívání v některém z jejich významů zejména u prefixů: *do-*, *od-*, *pro-*, *při-*, *u-* a největší sémantické a funkční rozpětí u prefixů *na-*, *vy-*, *za-* (Martincová 2005: 128). Excerpovaný materiál tyto charakteristiky potvrzuje, doloženy v něm jsou následující prefixy s uvedenými obecnými významy:

na-:

komplexnost děje s důrazem na jeho završení:

nabriefovat, nalajnovat, nafitovat, naloopovat, nastajlovat, nstreamovat, nauploadovat

za-:

prostě vidový význam:

zabriefovat, zadriftovat, zaskypovat, zasupportovat, zafuckovat, zalajnovat, zaloopovat, zasejfovát, zasupportovat, zatweetovat, zatwistovat, zatwitterovat

za- si-:

malá míra děje; uspokojení (spojené s krátkým trváním, s malou mírou děje): „vykonávat po nějakou dobu činnost označenou základovým slovesem k vlastnímu uspokojení“:

zashortovat si, zaskypovat si, zaesemeskovat si, zaspoilovat si, zaspoilerovat si

o-:

prosté dokonání děje:

ofejkovat, očekovat, olajkovat, olajnovat, osejlovat

vy-:

vidové protějšky základových sloves, příp. velká míra děje – odstín: „důkladně, úplně, do značné míry“:

vybrainstormovat, vydriftovat, vyfackovat, vyhajpovat, vylajnovat, vyshakovat, vyshortovat, vyspolovat, vyspoilerovat, vyyoutubovat, vystajlovat, vytweetovat, vytwistovat, vywilfovát

u-:

konec existence, aktivní, záměrná činnost vedoucí k unavení, vyčerpání, vysoká míra děje:

udriftovat, ulajkovat (se)

Povídka končí odhalením, že původně vysmívaný profesor má pravdu, a zakladatel Facebooku Mark Zuckerberg spáchá sebevraždu tím, že se "ulajkuje k smrti". (HN 2014)

od-:

pohyb směrem pryč:

odcentrovat, oddriftovat, odlifrovat, odskypovat, odstreamovat, odtweetovat

pro-, pro- se-:

„provést děj důkladně, zcela, ve vysoké míře po značnou dobu; strávit, spotřebovat čas činností, někdy neúčinně“:

problobovat, probuskovat se, prodriftovat, profuckovat se, prosérčovat, proskypovat, protweetovat, protwistovat

roz- -it:

,provedení/rozpoutání změny stavu spjaté se základovým slovem‘:

rozlajnit, roztwitterovat

«*Holt to natavení lajny nebylo úplně na rýlu na táhání dvoukila a tak nějak to ruplo zrovna, když jsem na tom seděl*». Staří tomu nerozumí, cítí se mimo, otevírají urychleně další krabičák a přepadá je úzkost. Co pád do propasti a co až sem vtrhnou Čiňani? Mladí jsou však připraveni. První Čiňan ve Stromovce uslyší první větu: «*Tak to rozlajníme*». (Respekt 2011)

3.3 Slovtvorné typy a varianty imperfektiv

3.3.1 kmenotvorný formant *-ova-* (94 sloves včetně dvou sekundárních imperfektiv: *oesemeskovávat, zasejfovávat*)

3.3.1.1 rozšířený kmenotvorný formant *-izova-*: *fastfoodizovat, natoizovat, tescoizovat*

3.3.2 kmenotvorný formant *-i-, -a-*: *hipsteřit, spoileřit; talkat*

3.3.3 kmenotvorný formant *-ova-* + zvrtné *se*: *čekautovat se, mítovat se, gentrifikovat (se), stajlovat (se), upgradovat (se)*

– slovtvorné varianty: *spoilovat – spoilerovat – spoileřit, twittovat – twitterovat, brainstormovat – brainstormingovat / brejnstormingovat*

V angličtině existují dvě formálně a významově velmi podobná slovesa: *twitter, tweet*. Obě byla do češtiny adaptována kmenotvorným formantem *-ova-*: *twitterovat / twitterovat* a *tweetovat / tvítovat* pro význam ‚užívat sociální síť Twitter‘ (pojmenovanou v angličtině podle prvního z dvojice sloves). Obě česká slovesa (ve svých formálních variantách) se užívají jako synonyma (obdobně jako i slovesa s původním významem v angličtině). Vyskytuje se ještě podoba *twittovat*, kterou lze považovat za utvořenou podle anglické výslovnosti názvu sítě [twitə], a tedy za slovtvornou variantu podoby *twitterovat* adaptovanou podle psané podoby názvu *Twitter*. Podoba *twittovat* se liší pouze kvantitou vokálu v kořeni od adaptované podoby *tvítovat* z anglického slovesa *tweet*. Tato formální blízkost napomáhá zaměňování obou sloves (jejich synonymii) a z hlediska češtiny se jeví jako výslovnostní rozkolísanost (u neologických přejímek běžná, zejména pro mluvčí bez znalosti angličtiny). Obdobně jako slovtvorné varianty vypadají české podoby *spoilovat – spoilerovat*, užívané jako synonyma. Z hlediska motivace jde však pravděpodobně o výsledek adaptace dvou anglických příbuzných slov: slovesa *spoil* a (činitelského) jména *spoiler*. Nasvědčuje tomu i třetí doložená podoba *spoileřit*. Varianty *brainstormovat – brainstormingovat / brejnstormingovat* jsou také rozdílně fundovány (motivovány): první základním (infinitivním) tvarem anglického slovesa *brainstorm*, druhá jeho gerundiem *brainstorming*.

Uvedené slovtvorné typy imperfektiv jsme zaznamenali v četných pravopisných variantách: *baskovat/buskovat, brainstormingovat / brejnstormingovat, brunchovat / brančovat, fakeovat / fejkovat, hájповat / hajповat, checkovat / čekovat, icqovat / ajsikjúovat, kitovat / kajtovat, likovat / lajkovat, pitchovat / píčovat, postovat / poustovat, sharovat / sherovat / šérovat,*

shortovat / šortovat, skypeovat / skypovat / skajpovat, spotovat / spottovat, stalkovat / stolkovat, tweetovat / twittovat / tvítovat, twitterovat / twiterovat.

3.4 Slovtvorné typy a varianty perfektiv

3.4.1 (základní imperfektivum) + prefix: *vy-, na-, za-, pro-, z-, o-, u-, od-, pře-, dis-, de-*

3.4.1.1 čistě vidové: *vy-* (*vybrainstormovat, vyfuckovat, vyhajpovat, vyhejtovat*), *na-* (*nabriefovat*), *z-* (*zčekovat, zhashtagovat*), *na-* (*nastreamovat*), *za-* (*zasupportovat*)

3.4.1.2 lexikální (modifikační): *za-* (*zabriefovat, zaskypovat, zaspoilerovat*), *pro-* (*probuskovat se, profuckovat se, proskypovat*), *o-* (*očekovat, olajkovat*), *vy-* (*vyyoutubovat, vyspojlerovat, vystajlovat*), *pře-* (*přetěžít*), *u-* (*ulajkovat*), *od-* (*odskypovat*), *dis-* (*dislikovat*), *de-* (*debriefovat*)

3.4.2 kmenotvorný formant *-nou-*: *blobnout, booknout, čeknout, zčeknout, chipnout, leaknout, lajknout, mocknout, pančnout, postnout, sejfnout, sharnout, SMSknout, tvítnout, utweetnout, upgradnout, uploadnout*; z těchto 18 sloves pouze 4 slovesa s nedoloženým základním imperfektivem: *blobnout, leaknout, mocknout, pančnout*

3.4.2.1 kmenotvorný formant *-nou-* + reflexivní *se, si*: *blobnout si, checknout se, refreshnout se, skajpnout si, tweetnout si*

3.4.3 prefix + kmenotvorný formant *-ova-, -i-*:

naloopovat, zaloopovat, odcentrovat, zcentrovat, odlifrovat, osejlovat, prosérčovat, přethinktankovat, vyflashovat, vykastingovat, vypickovat, vyshakovat, zasejfovat, zatýčkovat, zcopyrightovat, zpříčekovat; rozlajnit

3.4.3.1 prefix + kmenotvorný formant *-ova-, -nou-*: + reflexivní *se, si*: *doajtřákovat se, probuskovat se, profuckovat se, zashortovat si; refreshnout se* (k těmto 5 slovesům není v našem materiálu doložena nereflexivní podoba, jako je tomu u sloves: *ulajkovat – ulajkovat se, zaskypovat – zaskypovat si, zaesemeskovat – zaesemeskovat si, zaspoilovat – zaspoilovat si, zaspoilerovat – zaspoilerovat si, tweetnout – utweetnout se*)

Několik z uvedených slovtvorných typů perfektiv má varianty:

– *slovtvorné*: *vyspoilovat / vyspojlovat – vyspojlerovat, čeknout – zčeknout, tweetnout / tvítnout – utweetnout se, SMSknout – zaesemeskovat*

– *pravopisné*: *vyfuckovat / vyfakovat, vyhajpovat / vyhájpvat, checknout se / čeknout se, postnout / poustnout, vyspojlovat / vyspoilovat, tvítnout / tweetnout / twítnout, vypickovat / vypikovat.*

V některých případech se pravopisně liší podoby imperfektiv a perfektiv: *brífovat – nabriefovat, zabriefovat, jútjúbovat – vyyoutubovat, refrešovat – refreshnout se, supportovat – zasupportovat.*

4. Tvoření substantiv verbálních

Substantivum verbální (dějové) jako slovesu onomaziologicky nejbližší (vyjadřuje dějovost, proces, zachovává vid slovesa) se v češtině tvoří v rámci

transpoziciční kategorie paradigmaticky¹; u přejatých sloves tak může být jedním z ukazatelů stupně (míry) jejich adaptace. U neologických sloves z anglických základů absence substantiv verbálních pravděpodobně souvisí s jejich novostí, neustáleností, vidovou nevyhraněností (obouvidovostí), formálními odlišnostmi a také u některých imperfektiv s (paralelním) přejetím anglických verbálních substantiv zakončených na *-ing* (*bailing*, *strobing*). Roli může hrát i již zmíněná nejednoznačnost slovnědruhové příslušnosti fundujících anglických slov.

V excerpovaném materiálu jsme zaznamenali (viz Tabulka 2):

4.1 Tvoření od imperfektiv

4.1.1 Substantiva verbální zakončená na *-ní/-tí*:

blobování, *bluetoothování* / *blůtůtování*, *bookování*, *brainstormování*, *brazírování*, *briefování* / *brífování*, *buskování*, *copyrightování*, *doodlování*, *driftování*, *dumpsterování*, *dumpingování*, *džoukování*, *fakeování*, *forecastování*, *freshování*, *hájpování*, *hashtagování*, *hejtování*, *čekování*, *čekinování*, *chipování*, *jútúbování* / *youtubeování* / *jútjúbování*, *youtubeření* / *youtubaření*, *kittování* / *kitování* / *kajtování*, *leakování*, *likeování* / *likování* / *lajkování*, *lajnování*, *loopování*, *networkování*, *pitchování*, *postování*, *ripování*, *shareování* / *šérování*, *shakování*, *shortování* / *šortování*, *skypování* / *skajpování*, *smskování*, *snackování*, *spoilerování*, *supportování*, *tweetování*, *twistování*, *twitterování*, *twittování*, *updatování*, *upgradeování* / *upgradování*, *uploadování*, *voipování*, *wilfování*, *wejstování*;

– slovotvorné varianty *tweetování* – *twittování* – *twitterování* (viz výše u sloves), *twistování* – *twistění* (od nedoložené slovotvorné varianty **twistit*), *youtubování* – *youtubení* (od nedoložené slovotvorné varianty **youtubit*) – *youtubeření* / *youtubaření* (od nedoložené slovotvorné varianty **youtubeřit*)²

– substantiva verbální *blobování* a *mockování* utvořena analogicky podle domácích imperfektiv, výchozí imperfektiva nedoložena, adaptována jsou pouze perfektiva *blobnout*, *mocknout*

4.1.2 Přejatá substantiva verbální zakončená na *-ing*

bailing, *booking*, *brainstorming*, *breefing* / *briffing* / *briefing*, *busking* / *basking*, *crosseling*, *debriefing* / *debrífink*, *doodling*, *drifting*, *dumpstering*, *forecasting*, *fucking*, *gentrifying*, *hájping*, *chipping*, *youtubering*, *kiting* / *kiteing* / *kajting* / *kitting*, *looping*, *networking*, *pitching* / *pícing*, *rebooting*, *refilling*, *refreshing*, *ripping*, *sharing*, *shorting*, *stajling*, *streaming*, *strobing*, *supporting*, *twisting*, *unbundling*, *upcykling*, *up-dating*, *upgrading*, *uploading*

¹ Tvary těchto slovesných substantiv historicky souvisí s odpovídajícími tvary přičestí trpného (*běhán* – *běhání*, *ukryt* – *ukrytí*), ze synchronního hlediska však lze morfy *-n-*, *-t-* považovat za slovotvorné přípony: *-n(i)*, *-t(i)*.

² Důvodem, proč nejsou uvedené potenciální slovesné podoby s kmenotvorným formantem *-i-* doloženy, může být příznakovost tohoto slovotvorného typu sloves (viz zde dále); příslušnou lexikální sémantiku vyjadřují bezpříznaková slovesa s formantem *-ova-*.

Analogií bylo v češtině utvořeno substantivum *youtubering*, z hlediska angličtiny neústrojně (nikoliv od slovesného základu, ale od substantiva *youtuber*), a v ní tedy nedoložené (na rozdíl od náležitého gerundia *youtubing*)¹.

Youtuberi mě prakticky ničím neoslovují, řečí současné mládeže: Tohle fakt nedávám. Jenže youtubering je celosvětový fenomén, který dobývá i Česko. Děti a dospívající vydrží celé hodiny sledovat, co nového jejich milácci na YouTube vytvořili – komentují počítačové hry, točí videa, jak třeba pojíždají brouky, vyprávějí, co právě dělali, plní nesmyslné "vtipné" úkoly nebo jen plkají o všem a o ničem. (Týden 2015)

4.1.3 Konkurence substantiv verbálních zakončených na *-ní/-tí* a na *-ing*

V analyzovaném materiálu jsou doloženy dvojice paralelních substantiv verbálních zakončených na *-ní/-tí* a na *-ing* u 28 imperfektiv:

brainstormování – brainstorming, briefování / brífování – briefing / briffing / briefing, bookování – booking, buskování – busking, doodlování – doodling, driftování – drifting, dumpsterování – dumpstering, dumpingování – dumping, forecastování – forecasting, fuckování – fucking, hajpování – hájping, chipování – chipping, jútúbování / youtubeování / jútjúbování – youtubering, kitování / kittování / kiteování / kajtování – kiting / kitting / kajting, loopování – looping, networkování – networking, pitchování – pitching, freshování – freshing, ripování – ripping, shareování / šérování – sharing, shortování / šortování – shorting, streamování – streaming, supportování – supporting, twistování – twisting, upcyklování – upcycling / upcykling, updatování – up-dating, upgradeování / upgradování – upgrading, uploadování – uploading.

V uvedených dvojicích lze oba typy substantiv považovat za synonymní minimálně v jejich základním, dějovém významu, srov. Mravinacová 2005: 207–210: jsou to substantiva s charakterem syntaktických derivátů sloves. Jak autorka konstatuje, verbální substantiva s formantem *-ing* vykazují značnou sémantickou různorodost: jejich další, druhou významovou skupinu tvoří abstraktní názvy dějů (substantivizované již v angličtině, pojmenovávají děj, činnost bez zřetele k jejich dynamičnosti, průběhu) a substantiva třetí skupiny vyjadřují nedějové významy jako výsledek metonymického posunu abstraktního dějového významu. Analyzovaná anglická substantiva verbální na *-ing* se v kontextech uplatňují v obdobném významovém rozpětí. Vzhledem k lexikální sémantice mnoha neologických slovesných anglicismů se potvrzuje a zřejmě i prohlubuje autorkou naznačená specifikace substantiv na *-ing* v rámci druhé významové skupiny, tj. pojmenování druhu, metody činnosti nebo služby, disciplíny apod. Ve srovnání s nimi substantiva verbální zakončená na *-ní/-tí* výrazněji uchovávají dějový význam (s ohledem na jeho průběh). Faktorem přitom je neschopnost substantiv na *-ing* postihnout vidový protiklad slovesa – v češtině se tvoří pouze od imperfektiv (jako základních reprezentantů lexikální sémantiky). Ilustrací naznačeného rozdílu může být následující doklad:

¹ Viz např. <https://corpus.byu.edu/glowbe/>: zaznamenáno není ani sloveso **youtuber*, ani gerundium **youtubering*.

Kouzlo youtuberingu je ale právě v tom, že ho může dělat téměř každý teenager pro zábavu. Dnes už vysokoškolák s přezdívkou Jezisek1 si chtěl video původně jen vyzkoušet, během chvílky se z toho ale stal koníček a nakonec na YouTube publikoval tři roky. S kamarádem si založili vlastní kanál MinecraftBoxCZ, kde zveřejňovali videa, jak tuto hru hrají. Nakonec nasbírali přes 300 tisíc odběratelů. ... Vystupuje na akcích a dělá spoustu věcí kolem. "Celé tohle "youtubeření" vypadá jako sranda, ale je za tím velký závazek a spousta povinností," upozorňuje Jezisek1. (HN 2016)

4.2 Tvoření od perfektiv

4.2.1 Substantiva verbální zakončená na -ní/-tí

odblobování, oblobování, zblobnutí, přebookování, dobriefování, nabriefování / nabřífování, zadriftování, ofuckování, vyfuckování, vyhajpování, přehashtagování, dolajnování, nalajnování, olajnování, přelajnování, vylajnování, olajkování, napančování, vypickování; leaknutí, líknutí / lajknutí, tweetnutí, utweetnutí

5. Tvoření deverbativních jmen

K neologickým slovesům anglického původu (především imperfektivním) jsme zaznamenali několik deverbativních substantiv se slovotvorným sufixem *-(iz)ace*: *gentrifikace, youtubizace, natoizace, tescoizace, twitterizace*. Analogickou slovotvornou strukturu mají substantiva *globalizace* a *ITzace* bez fundujícího imperfektiva (doložena jsou pouze perfektiva *blobnout* a *doajťákovat se*)¹. Jak naznačila Martincová 2005, motivační vztahy mezi slovesy a deverbativními substantivy (i substantivy verbálními) bývají složité: «Vzhledem k dvojímu možnému pojetí děje se nabízí otázka, zda mezi slovesem a dějovým jménem existuje jen (syntaktická) derivace ve směru «sloveso → jméno», na niž pak navazují sémantické posuny dějového jména.» (Martincová 2005: 122) Dějová jména tohoto typu se obecně tvoří především pro vyjádření konkretizovaného významu (názvy procesů, postupů – srov. výše Mravinacová 2005). Námi doložená užití dokládají takovou specifikaci, obdobnou významu verbálních substantiv zakončených na *-ing* (a odlišující se od procesuálního významu substantiv verbálních na *-ní/-tí*). Srov. např.:

O tom, jak velká scéna to dnes je, se přesvědčíte velmi snadno při youtubování parkourových videí, která jsou hlavní výkladní skříň každého parkouristy – v tom se tenhle sport neliší příliš třeba od skateboardu. (Reflex 2012)

Už po nějakých dvě stě let se doba zrychluje a nyní podléháme doslova youtubizaci – už nechceme jít na dvouhodinový koncert, raději bychom si pustili jen pětiminutový hit. (Reflex 2016)

¹ Viz obdobně o přejatých slovech v MČ 1: 295: „Za slovotvorně dějové považujeme především ty cizí názvy, k nimž existuje i příslušné přejaté sloveso: *trénink – trénovat*. Dějový význam mají ovšem i některé názvy, k nimž takové sloveso v češtině chybí, jsou však zřetelně členěny: *jachting, mítink, ofenziva, iniciativa*.“

V Hradci se letos účastníci věnují divadelnímu i muzikálovému herectví, filmu, moderaci, tanci, dabingu a nově také youtuberingu. (Deníky Bohemia 2016)

A všichni ti noví úředníci, mediální tvůrci, právníci a podnikatelé potřebovali někde bydlet. Pokud možno blíž centru. Angličané této sociální proměně městských map říkají gentrifying, od slova gentry, které znamená nižší šlechta, vyšší střední třída, ale do jeho významu se vejde i slovo zbohatlíci." Celá Nová Labour by se dala nazvat stranou zbohatlíků, gentrifierů, stranou nové britské střední vrstvy: expandující, hnané pudem k práci. (HN 2007)

Harlem je podle některých názorů další obětí takzvané gentrifikace čili přestavby chudinské čtvrti kvůli přistěhování bohatých. (Týden 2008)

Z uvedených sedmi deverbativních jmen je pouze jedno tvořeno sufixem *-ace*, ostatních šest jeho rozšířenou variantou *-izace*; zdá se tedy, že produktivita druhé varianty narůstá – zřejmě se jeví jako výraznější.

6. Slovo tvorně izolovaná slovesa

Bez vidových protějšků a dalších příbuzných slov v excerpce jsou slovesa: *dissovat, fangirlovat, hajrovat, kentrovat, oldspajsovat / oldspiceovat / oldspiceovat, thinkthankovat, roflovat.*

7. Sémantické tvoření

Pro doplnění uvádíme doložené příklady sémantického tvoření na základě anglických sloves; vyskytují se především v oblasti IT (počítačové technologie), ekonomie, užívání drog, hudby aj. Zastoupeny jsou především anglické neosémantismy a kalky víceslovných spojení (včetně frazeologických) např. se slovesem *být* (uvádíme výběrově jen několik ilustračních příkladů).¹

těžít, vytěžít (z angl. *mine*)

Nové bitcoiny vznikají takzvanou těžbou. Romanticky znějící činnost spočívá v řešení umělých početních úloh, které generuje bitcoinová síť, počítačem. Složitost těchto úloh ovšem roste do extrémních rozměrů a dnes už se běžným počítačem v podstatě řešit nedá. Těží obvykle skupiny těžařů se specializovanými počítači a vytěžené bitcoiny si pak dělí. Je to jako s těžbou čehokoliv – časem se prodražuje, jak se člověk snaží vytěžít obtížněji dosažitelné zásoby zdroje. A co když se vytěží moc bitcoinů? To se nikdy nestane. Vždy se těží jen určité množství této digitální měny, a navíc její maximální množství je pevně dáno. Je to necelých 21 miliónů a bitcoinová síť by podvodně vytvořené bitcoiny nepřijala. (Reflex 2014)

šťouchat si, šťouchnout (z angl. *poke*)

Anežka: Co že to teď moderně znamená, když mě někdo fejsbükově "šťouchne"? Nerada bych se případným opětováním dostala do nevhodného společenského postavení... | Marek: Poučka z mojí příručky Ženy a fejsbük: Starší pán může šťouchnout do dámy jen v případě, že je ve věku, kdy by mohla být jeho dcerou... Mám si šťouchnout? | Anežka: Obávám se, že z biologického hlediska je

¹ Blíže o sémantickém tvoření viz např. J. Mravinacová, 2005: Neosémantizmy vzniklé pod vlivem cizího jazyka. *Neologizmy v dnešní češtině*. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, 180–186.

to nemožné, takže nemáš právo do mě šťouchat...! A řekneš mi už, co to teda znamená?? | Marek: Když nešťouchneš zpátky, budeš nemile překvapená. | Anežka: Co? Takže možná lepší plán je toho druhýho ušťouchat, aby nemohl už nic udělat... Tak já jdu zkusit, co se stane, když to odšťouchám zpátky... (Facebook 2011)

odpřátelit¹ (z angl. unfriend)

Slovem roku jmenoval New Oxford Dictionary sloveso "unfriend", tedy česky přibližně přeloženo "odpřátelit". Chápete dobře, jde o ten akt, kdy vás v síti Facebook někdo naštvete natolik, že s ním zrušíte jakékoli vztahy. Ano, je to zajímavé slovo. (Pátek LN 2017)

být e- (z angl. be e-)

Dobrá zpráva: za pět let už o e-byznysu nebude nikdo mluvit. Špatná zpráva: bude to proto, že jej tou dobou budou všichni běžně provozovat. Kdo nebude e-, nebude v byznysu. To se týká i vás. (HN 2000)

být hard core (z angl. be hard core)

Letmý pozdrav, pak ochutnávka zboží a rulička peněz, bleskurychle předaná z dívčí dlaně do překupnickovy ruky. «Tenhle perník je fakt hard core. Ty to ale raději nezkoušej.» (Magazín Práva 1999)

být čistý (z angl. be clean)

Rodiče si půl roku mysleli, že je čistá, tedy že nic nebere. Zkusila si píchat heroin. Pak ho zkombinovala s «roháčema a s diákama», tedy s rohypnoly a s diazepamem. (Magazín Práva 1995)

je to z jiného hrníčku (z angl. be a different cup of tea)

A co říct o filozofii, o metafyzice? Dennodenně ji z nejrůznějších důvodů pohřbívají: tu empirikové 18. století, tu Hegel a Marx, jakož i pozitivisté všech druhů, Wittgenstein atd. Přesto ta ubohá, tolikrát zmasakrovaná dívčina vstává z hrobu, netušíc, že je už dávno mrtvá, a vesele si vykračuje. Sice neví kam, ale to neví nikdo, to už je z jiného hrníčku. (HN 2000)

je to voda pod mostem (z angl. be water under the bridge)

Jak můžete při hře hlídat zatížení svého srdce? | No, těžko. Minulý týden uplynulo devět let od toho kolapsu. Zatím se nic nestalo. Zaplat' pánbůh. | ... Vzpomněl jste si 21. listopadu? | Pár lidí zavolalo a popřálo mi k narozeninám. Slavím teď dvoje. Myslím na to každý den. Ale důležité je, že se nebojím. | Co si z toho dne vybavujete? | Málo, ambulanci. Je to voda pod mostem. Musím být zodpovědný, kontrolovat si stravu, fyzickou i psychickou kondici. (MF Dnes 2014)

klouznout (IT: z angl. close [klouz] nápodobou původní zvukové podoby)

Rovněž se doporučuje vymazat z kazety všechno, co není váš konkursní příspěvek (...). Vyhnete se nedorozumění, že první tři písničky sice za moc nestály, ale pak jste začali hrát jako Springsteen. CD pálené v počítači se doporučuje uzavřít (klouznout). Vyzkoušejte před odesláním, zda nosič, který odesíláte, opravdu obsahuje nahrávku. (Folk & Country 2005)

¹ SSČ uvádí sloveso *přátelit se*, SSJČ *přátelit se* a řídké *přátelit*.

8. Slovesné anglicismy v textu a v komunikaci, jejich vidová a stylová platnost

Fundující anglická slovesa jsou do češtiny adaptována a od fundujících anglických jmen jsou v ní slovesa tvořena v naprosté většině kmenotvorným formantem *-ova-* (*bookmarkovat, checkovat, releasovat, spotovat*); v textech jsou zpravidla užívána jako imperfektiva, v perfektivním významu se objevují pouze ta, k nimž (dosud) nebyl utvořen formálně odlišný protějšek, viz např. *čekautovat se*:

Poletíte loukostem, tak si udělej on-line check-in, v tranzitu neztrat' boarding pass a taky se nezapomeň ve free šopíkách, ať nepřijdeš pozdě do gejtů. Check-in na hotelu máte v šest a čekautovat se musíš nejpozději v deset dopo. (Magazín Dnes + TV 2011)

Potenciální (slovníková) obouvidovost těchto sloves se v textech zpravidla i bez formálního slovtvorného vyjádření vidově aktualizuje neproblematicky (pro české mluvčí). Většina sloves anglického původu (v našem materiálu cca 58 %) však v češtině vytváří vidové dvojice analogicky podle domácích typů.

Příruční mluvnice češtiny 1995: 196–197 poukazuje na vztah mezi videm přejatých sloves a jejich slovtvornou motivací: «Zatímco odvozeniny z přejatých substantiv jsou imperfektivní, vidová platnost adaptovaných sloves je často nejednoznačná (*dešifrovat, kondenzovat...*).» Námí analyzovaný neologický materiál však dokládá celkovou převahu imperfektiv (tj. primární imperfektivní platnost) u sloves ze všech anglických základů (tedy jmenných i slovesných) a (potenciální) obouvidovost pouze u necelé třetiny všech sloves. Viz přehled:

34 desubstantiv (S) 21 imperfektiv	62 %
3 perfektiva	9 %
10 imperfektiv + perfektiv	29 %
60 deverbativ (V) 28 imperfektiv	47 %
13 perfektiv	22 %
19 imperfektiv + perfektiv	31 %
18 sloves s dvojí motivací (S/V) 10 imperfektiv	56 %
3 perfektiva	17 %
5 imperfektiv + perfektiv	27 %

Potvrzuje se tím jednak funkce adaptovaných sloves primárně pojmenovat děj (imperfektiva jako základní, bezpříznaková pojmenování), jednak existence vyrovnávacích tendencí a – možná i sílící? – analogie českého slovesného systému.

Analyzovaná slovesa jsou doložena především v publicistických textech, užívají se v českých denících, časopisech a na sociálních sítích. V závislosti na oboru, do kterého pojmenované děje, činnosti, stavy náležejí, se objevují v širší i úzce tematicky zaměřených textech, nejčastěji v článcích, reportážích, fejetonech, glosách, recenzích, rozhovorech, diskusích, anketách, novinářských slovnících

apod.¹ Vedle novosti a cizosti jazykového původu mívají často stylový příznak. Jak pro neologická slovesa konstatuje Martincová 2005, jejich komunikační a stylová příznakovost spočívá v jejich příslušnosti k dané komunikační oblasti a v tom, že se vyskytují a užívají v určitých typech komunikace; příznak slangovosti a expresivity mívají slovesa s kmenotvorným formantem *-i-/-í-* nebo *-nou-/-nu-* (bezpříznaková jsou slovesa s formantem *-ova-/-uj-*). V psaných textech mnohdy bývá příznak signalizován či umocňován uvozovkami (zejména u okazionalismů).

Obdobně jako v citované studii (Martincová 2005) i v námi analyzovaném materiálu fungují přejatá slovesa jako výrazy slangové či profesionální, tj. v daném oboru specializované (*bookmarkovat, brazilovat, cashbackovat, doodlovat, erasmovat, fangirlovat, friendzonovat, standupovat, webovat*), méně často jako skutečné termíny (*cosplayovat, cross-sellovat, gentrifikovat, rebootovat, updatovat*) a spíše okrajově jsou expresivní (*dojířakovat se, džoukovat, fuckovat, lovískovat*). Anglicismy z oblasti výpočetní techniky a komunikace na sociálních sítích bývají charakteristické a frekventované především v projevech příslušníků mladší generace, poměrně hojně pronikají také do publicistických textů.

Nečmárejte, doodlujte! To, co někdo s despektem nazývá čmáráním (můžete se setkat i s označením doodlování), nikdy není ztráta času. Podle odborníků malůvky pomáhají s koncentrací a zvyšují množství informací, které si při kreslení zapamatujete. (Ona Dnes 2015)

Už před vchodem do budovy se srocují skupinky fanoušků zapálených do fantastického světa. «Já cosplayuju takovou královnu princeznu s mnoha tituly ze seriálu Hra o trůny. Jmenuje se Daenerys Targaryen,» vysvětluje u vstupního vestibulu šestnáctiletá Nicola Bokstefflová v zelených šatech a blondaté paruce. «Cosplay» je zkratka z anglického costume play, tedy kostýmová hra. (MF Dnes 2016)

Obecně platí, že nejde jen o to, aby banka prodala nebo dala klientovi kartu, ale aby ji sám klient co nejvíc používal. Protože karta na rozdíl od hotových peněz je bezpečnější pro klienta a nekomplikuje mu placení tím, že by musel nosit hotovost u sebe. Na začátku tedy stojí obchodním rozvaha – kolik karet chceme penetrovat, kolik karet chceme tzv. cross-sellovat našim stávajícím klientům nebo jak chceme zvýšit využívání karet. (Direct 2007)

A na vině je fenomén, kterému sociologové říkají gentrifikace. Jde o proces, během něhož se ze zchátralé části města najednou stane nejlepší adresa široko daleko – přičemž původní, chudé obyvatelstvo je novými, bohatšími lidmi ze čtvrti vytlačováno. Tento vývoj lze pozorovat ve všech prudce se rozvíjejících metropolích na světě, v New Yorku stejně jako v Barceloně či Sao Paulu. A je pravděpodobné, že se po zrušení regulovaných nájmu gentrifikace stane tématem také v Praze, Brně nebo Ostravě. ... Čtvrť byla takzvaně gentrifikována. (Reflex 2010)

¹ Martincová 2005: 120 obdobně konstatuje tvoření nových sloves v nejdynamičtějším komunikačních oblastech: počítačová oblast, obchod, finančnictví a bankovníctví, mediální a politická sféra, sport a životní styl.

Původně pracoval jako právník na ministerstvu zemědělství, ale po podepsání Několika vět ho vykopli. Začal dělat nočního hlídače a zůstal tam doted'. Až po revoluci za ním přišel jakýsi ulisanec a přemlouval ho, aby šel dělat nějakého poradce. Kovanda ho pochopitelně vyfuckingoval. (Reflex 2011)

«Tak se ptejte, děti,» řekl se širokým úsměvem, když jsme za ním na jaře 2002 dorazili se skupinou účastníků Fulbrightova programu do redakce deníku Washington Post. Tak se ptejte, děti. Žádný úvodní «small talk», žádné zdvořilostní, plevelné větičky, jak se navzájem rádi «mítujeme». Věděl, že má před sebou novináře, kteří také nechťejí ztrácet čas. (HN 2014)

9. Závěr

Analýza slovesných neologických anglicismů z databáze Neomat a korpusu syn v6 potvrdila aktuálnost a četnost přejímek z angličtiny i jejich uplatňování v současné české komunikaci. Jejich neologický charakter se poměrně výrazně projevuje ve formální neustálenosti (mnohé se vyskytují ve dvou i více pravopisných variantách); tato rozkolísanost úzu odráží vedle časové novosti i odlišnost zdrojové angličtiny a cílové češtiny nejen typologickou, ale především v poměru psané a mluvené podoby jejich výrazových prostředků. Variantní jsou totiž většinou podoby slovotvorných základů (vesměs kořenů), vlastní slovotvorné formanty jsou analogické s formanty užívanými při tvoření z domácích základů. Podle mechanismů adaptace neologických anglických sloves jsme zaznamenali u 30 % sloves motivaci anglickým substantivem, u 54 % slovesem a u 16 % substantivem i slovesem.

Jedinou zaznamenanou slovotvornou analogií s angličtinou je přejímání a užívání původních gerundiálních podob zakončených na *-ing* paralelně vedle českých substantiv verbálních zakončených na *-ní/-tí*; lze je považovat za projev vyrovnávacích tendencí v současném jazyce.¹ Potvrzuje se již dříve zaznamenaný kvantitativní nárůst substantiv s formantem *-ing* (Mravinacová 2005: 207 je označuje jako výrazný přejímaný strukturní typ); v analyzovaném materiálu se objevují u více než čtvrtiny imperfektiv (27,5 %). Zatímco substantiva verbální s formantem *-ní/-tí* ve vyšší míře uchovávají dynamické, procesuální aspekty lexikálního významu, substantiva s formantem *-ing* se užívají především jako názvy procesů, postupů, metod, disciplín, a tím se vzájemně diferencují. Za podpůrný faktor této diference lze považovat typologickou avidovost substantiv s formantem *-ing*, resp. systémovou obouvidovost jejich anglických motivujících sloves. Ta se projevuje i při tvoření deverbativních substantiv s formantem *-(iz)ace*.

Slovotvorná adaptace slovesných anglicismů analogická s domácím tvořením je faktorem jejich obdobné (poměrně vysoké) slovotvorné produktivity. Její bližší analýza přesahuje rámec tohoto příspěvku, věnujeme jí samostatnou pozornost jinde.

¹ Srov. Martincová 2003: 19.

Literatura:

Ivana BOZDĚCHOVÁ, 2017: Anglicismy v českém lexiku. Petr KARLÍK, Marek NEKULA, Jana PLESKALOVÁ (eds.). Nový encyklopedický slovník češtiny, Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 107–110.

https://www.czechency.org/slovník/ANGLICISMY_V_ČESKÉM_LEXIKU.

Olga MARTINCOVÁ, 2003: Internacionalizace a vyrovnávací tendence. Internacionalizmy v nové slovní zásobě. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, 17–22.

Olga MARTINCOVÁ, 2005: Nová slovesná pojmenování. Neologizmy v dnešní češtině. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, 119–133.

Mluvnice češtiny 1, 1986, Praha: Academia.

Jitka MRAVINACOVÁ, 2005: Přejímání cizích lexémů. Neologizmy v dnešní češtině. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, 187–211.

Příruční mluvnice češtiny, 1995, Brno: NLN.

Josef ŠIMANDL (ed.), 2017: Slovník afixů užívaných v češtině. Praha: Karolinum.

<http://www.slovníkafixu.cz/heslar/-0>

Zdroje:

Korpus SYN, verze 6 z 18. 12. 2017. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha 2017. Dostupný z WWW: <http://www.korpus.cz>

Databáze excerpčního materiálu Neomat, verze 3.0. <http://eda.fox1.cz/>.

Přílohy:

Tabulka 1. Slovesa (Neomat, syn v6)

	Kmenotvorný formant	Slovní druh základové slovo	Prefix	se, si
1. bail-inovat	-ova-	Sb/V: bail-in		
2. bannerovat	-ova-	Sb: banner		
3. blobnout (si), doblobovat, problobovat, zblobit	-nou-	Sb: blob	do-, pro-, z-	si
4. blůtůvat	-ova-	Sb: Bluetooth		
5. bookmarkovat	-ova-	Sb/V: bookmark		
6. brainstormovat, vybrainstormovat; brainstormingovat / brejnstormingovat	-ova-	Sb/V: brainstorm, brainstorming	vy-	
7. bražirovat	-ova-	V: braise		
8. brífovat, nabriefovat, zabriefovat	-ova-	V: brief	na-, za-	
9. brunchovat / brančovat	-ova-	Sb: brunch		
10. bundlovat, unbundlovat	-ova-	V: unbundle	un-	
11. bukovat, přebookovat, přebookovávat, booknout	-ova-	V: book	pře-	
12. buskovat/baskovat, probuskovat se	-ova-	V: busk	pro-	pro-se
13. cashbackovat	-ova-	Sb: cashback		
14. cloudovat	-ova-	Sb: cloud		
15. cypypastovat	-ova-	V: copy and paste		

16.	copyrightovat, zcopyrightovat	-ova-	Sb: copyright	z-	
17.	cosplayovat	-ova-	Sb: cosplay, cosplayer		
18.	cross-sellovat	-ova-	V: cross-sell		
19.	čekautovat se	-ova-	V: check-out		se
20.	debriefovat	-ova-	V: debrief		
21.	developovat	-ova-	V: develop		
22.	dislajkovat	-ova-	V/Sb: dislike		
23.	dissovat	-ova-	V: diss		
24.	doajt'ákovat se	-ova-	Sb: IT	do-	se
25.	doodlovat	-ova-	V/Sb: doodle		
26.	driftovat, dodriftovat, oddriftovat, prodriftovat, udriftovat, vydriftovat, zadriftovat	-ova-	V: drift	do-, od-, pro-, u-, vy-, za-	
27.	dumpovat, dumpstrovat, dumpingovat	-ova-	Sb/V: dumping		
28.	džoukovat	-ova-	V: joke		
29.	erasmovat	-ova-	Sb: Erasmus		
30.	fakeovat / fejkovat, ofejkovat	-ova-	V: fake	o-	
31.	fangirlovat	-ova-	Sb: fangirl		
32.	fastfoodizovat	-ova-	Sb: fast food		
33.	fokusovat	-ova-	V: focus		
34.	forecastovat	-ova-	V/Sb: forecast		
35.	friendzonovat	-ova-	Sb: friendzone		
36.	fuckovat, profuckovat (se), odfuckovat, vyfuckovat / vyfakovat, zafuckovat	-ova-	V: fuck	vy-, pro-, od-, za-	pro- se
37.	gentrifikovat (se)	-ova-	Sb: gentrification		se
38.	groovovat	-ova-	Sb/V: groove		
39.	hájpovat / hajpovat, vyhájpovat / vyhajpovat	-ova-	Sb/V: hype	vy-	
40.	hajrovat	-ova-	V: hire		
41.	hashtagovat, zhashtagovat	-ova-	Sb: hashtag	z-	
42.	hejtovat, vyhejtovat	-ova-	V: hate	vy-	
43.	hipsteřit	-i-	Sb: hipster		
44.	checkovat / čekat, očekovat, zčekovat, checknout (se) / čeknout (se), zčeknout	-ova-, -nou-	V: check	z-, o-	nou- se
45.	chipovat, chipnout	-ova-, -nou-	Sb/V: chip		
46.	icqovat / ajsikjúovat	-ova-	Sb: ICQ		
47.	júťjúbovat, vyyoutubovat	-ova-	Sb: youtube	vy-	
48.	kitovat / kajtovat	-ova-	Sb/V: kite		
49.	lajnovat, dolajnovat, nalajnovat, olajnovat, vylajnovat, zalajnovat, zlajnovat, přelajnovávat, rozlajnit	-i-	Sb: (high) line	do-, na-, o-, vy-, za-, z-, pře-, roz-	
50.	leaknout	-nou-	V: leak		
51.	likovat / lajkovat, olajkovat, polajkovat, ulajkovat (se), zalajkovat, lajknout	-ova-, -nou-	V/Sb: like	o-, u-	u- se
52.	lovískovat / lavískovat / lovínkovat	-ova-	Sb/V: love		
53.	mítovat se	-ova-	V: meet		se
54.	mocknout	-nou-	V: mock		

55.	nafitovat	-ova-	V: fit	na-	
56.	naloopovat, zaloopovat	-ova-	V: loop	na-, za-	
57.	natoizovat	-(iz)ova-	Sb: NATO		
58.	networkovat	-ova-	Sb: network		
59.	odcentrovat, zcentrovat	-ova-	V: canter	od-, z-	
60.	odliftovat	-ova-	V: lift	od-	
61.	oldspajsovát	-ova-	Sb: Old Spice		
62.	osejlovat	-ova-	V: sale	o-	
63.	pančnout, napančovat	-nou-, -ova-	V: punch		
64.	pitchovat / pičovat	-ova-	V: pitch		
65.	postovat / poustovat, postnout / poustnout	-ova-, -nou-	V: post		
66.	pricovat	-ova-	Sb: price		
67.	prosérčovat	-ova-	V: search	pro-	
68.	přethinktankovat	-ova-	V: think-thank	pře-	
69.	rebootovat	-ova-	V: reboot		
70.	refillovat	-ova-	V: refill		
71.	refrešovat, refreshnout se	-ova-, -nou-	V: refresh		-nou- se
72.	releasovat	-ova-	V: release		
73.	requestovat	-ova-	Sb/V: request		
74.	ripovat	-ova-	V: rip		
75.	roflovat	-ova-	Sb: ROFL		
76.	sejfovat, zasejfovat, zasejfovávat, sejfnout	-ova-, -nou-	V: save	za-	
77.	shakovat, vyshakovat	-ova-	V: shake	vy-	
78.	sharovat / sherovat / šérovat, sharnout	-ova-, -nou-	V: share		
79.	shiftovat	-ova-	V: shift		
80.	shortovat / šortovat, vyshortovat, zashortovat si	-ova-	V: short	vy-, za-	za- si
81.	skypeovat / skypovat / skajpovat, odskypovat, proskypovat, zaskypovat (si), skajpnout si	-ova-, -nou-	Sb: Skype	od-, pro-, za-	za- si, -nou- si
82.	slamovat	-ova-	V: slam		
83.	SMSkovat, oesemeskovávat, SMSknout, zaesemeskovat (si)	-ova-, -nou-, o- -áva-	Sb: SMS	za-, o-	za- si
84.	snackovat	-ova-	Sb/V: snack		
85.	spoileřit, spoilerovat, vyspojlerovat, zaspoilerovat (si)	-ova-, -i-	Sb: spoiler	vy-, za-	za- si
86.	spotovat / spottovat	-ova-	V: spot		
87.	stajlovat (se), nastajlovat, vystajlovat	-ova-	Sb: style	na-, vy-	se
88.	stalkovat / stolkovat	-ova-	V: stalk		
89.	standupovat	-ova-	V: stand-up		
90.	streamovat, nstreamovat, odstreamovat	-ova-	Sb/V: stream	na-, od-	
91.	strobovat	-ova-	V: strobe		
92.	supportovat, zasupportovat	-ova-	V: support	za-	
93.	talkat	-a-	V: talk		
94.	tescoizovat	-(iz)ova-	Sb: Tesco		

95. tweetovat / twittovat / tvítovat, dotweetovat, odtweetovat, protweetovat, vytweetovat, zatweetovat, tvítnout / tweetnout / twítnout / (si), utweetnout (se)	-ova-, -nou-	V: tweet	u-, do-, od-, pro-, vy-, za-	si, u-se
96. twistovat, dotwistovat, protwistovat, vytwistovat, zatwistovat	-ova-	V: twist	do-, pro-, vy-, za-	
97. twitterovat / twiterovat, protwitterovat, roztwitterovat, zatwitterovat	-ova-	Sb: Twitter	pro-, roz-, za-	
98. undergradovat	-ova-	V: „undergrade“		
99. upcyklovat	-ova-	V: up-cycle		
100. updatovat	-ova-	V: update		
101. upgradovat (se), upgradnout	-ova-, -nou-	V: upgrade		se
102. uploadovat, nauploadovat, uploadnout	-ova-, -nou-	V: upload	na-	
103. voipovat	-ova-	Sb: VoIP		
104. vyflashovat	-ova-	V/Sb: flash	vy-	
105. vykastingovat	-ova-	Sb: casting	vy-	
106. vypickovat / vypikovat	-ova-	V: pick	vy-	
107. vyspoilovat / vyspojlovat	-ova-	V: spoil	vy-	
108. webovat	-ova-	Sb: web		
109. wejstovat	-ova-	V: waste		
110. wilfovat, vywilfovat	-ova-	Sb: WILF	vy-	
111. zatýčkovat	-ova-	Sb/V: tee	za-	
112. zpříčekovat	-ova-	V: pre-check	z-	

Tabulka 2. Slovesa a jmenné deriváty (Neomat, syn v6)

Imperfektivum	Perfektivum s prefixem	Perfektivum s kmenotvorným formantem	Substantivum verbální -ní -ing		Deverbativum
bail-inovat				bailing	
	doblobovat problobovat zblobit	blobnout (si)	blobování odblobování oblobování zblobnutí		blobalizace
blůtůvat			bluetoothování / blůtůvání		
bukovat, přebookovávat	přebookovat	buknout	bookování přebookování	booking bookbuilding bookcaching bookcrossing bookmarking	
brainstormovat brainstormingovat / brejnstormingovat	vybrainstormovat		brainstormování	brainstorming	
brazírovat			brazírování		
brífovat	nabriefovat zabriefovat		briefování / brífování dobriefování nabriefování / nabrífování	briefing/ briffing / briefing videobriefing weathbriefing	

buskovat / baskovat	probuskovat se		buskování	busking / basking cyberbusking	
copyrightovat	zcopyrightovat		copyrightování		
cross-sellovat				crosseling	
debriefovat				debriefing / debriefink / debrifing	
	doajt'ákovat				ITzace
doodlovat			doodlování	doodling	
driftovat	do-, od-, pro-, u-, vy-, za-driftovat		driftování zadriftování	drifting	
dumpingovat dumpovat dumpstrovat			dumpsterování dumpingování	dumpstering dumping / damping ekodumping	
džoukovat			džoukování		
fakeovat / fejkovat	ofejkovat		fakeování		
forecastovat			forecastování	forecasting	
fuckovat	vyfuckovat, profuckovat se odfuckovat profuckovat (se)		fuckování ofuckování vyfuckování	fucking first-fucking mindfucking	
gentrifikovat (se)				gentrifying	gentrifikace
hájpovat / hajpovat	vyhajpovat		hájpování vyhajpování	hájping	
hashtagovat	zhashtagovat		hashtagování přehashtagování		
hejtovat	vyhejtovat		hejtování		
checkovat / čekovat	zčekovat, očekovat, zčeknout	checkout (se) / čeknout (se)	čekování čekinování		
chipovat		chipnout	chipování	chipping chiptuning	
jútjúbovat	vyyoutubovat		jútjúbování / youtubeování / jútjúbování youtubení youtubeření / youtubaření	youtubering	youtubizace
kitovat / kajtovat			kittování / kitování/ kajtování	kiting / kiteing / kajting / kitting kitesailing kitesurfing kiteskiing icekiting power-kiting snowkiting	
lajnovat	do-, na-, o-, vy-,	rozlajnit	lajnování		

přelajnovávat	z-, za-lajnovat		do-, na-, o-, pře-, vy-lajnování		
		leaknout	leaknutí leakování		
likovat / lajkovat	olajkovat, ulajkovat (se) polajkovat, zalajkovat	lajknout	likeování / likování / lajkování olajkování líknutí / lajknutí	likejacking	
		mocknout	mockování		
	naloopovat, zaloopovat		loopování	looping	
natoizovat					natoizace
networkovat			networkování	networking	
napančovat		pančnout	napančování		
pitchováat / pičovat			pitchování	pitching / pičing	
postovat / poustovat		postnout / poustnout	postování		
rebootovat				rebooting	
refillovat				refilling	
refrešovat		refreshnout se	freshování	refreshing freshing	
ripovat			ripování	ripping	
sejfovat zasejfovat	zasejfovat	sejfnout			
sharovat / sherovat / šérovat		sharnout	shareování / šérování	sharing bikesharing carsharing code-sharing coffesharing file-sharing / filesharing foodsharing homesharing jobsharing ridesharing timesharing	
shakovat	vyshakovat		shakování		
shortovat / šortovat	zashortovat si vyshortovat		shortování, šortování	shorting	
skypeovat / skypovat / skajpovat	odskypovat, proskypovat zaskypovat (si)	skajpnout si	skypování, skajpování		
SMSkovat oesemeskovávat	zaesemeskovat (si)	SMSknout	smskování	SMS spoofing sms- marketing	
snackovat			snackování		
spoilerovat, spoileřit	vyspojlerovat, zaspoilerovat (si)		spoilerování		

	vyspoilovat, zaspoilovat (si)				
stajlovat (se)	vystajlovat nastajlovat			stajling	
streamovat	nastreamovat odstreamovat		streamování	streaming	
strobovat				strobing	
supportovat	zasupportovat		supportování	supporting	
tescoizovat					tescoizace
tweetovat / twittovat / tvítovat	utweetnout (se) do-, od-, pro-, re-, vy-, za- tweetovat	twítnout / tweetnout (si) re-, u- tweetnout	tweetnutí tweetování utweetnutí		
twistovat	do-, pro- vy-, za- twistovat		twistování twistění	twisting	
twitterovat / twiterovat	pro-, roz-, za- twitterovat		twitterování twittování		twitterizace
unbundlovat bundlovat				unbundling bundling	
updatovat			updatování	up-dating	
upgradovat (se)		upgradnout	upgradeování / upgradování	upgrading	
uploadovat	nauploadovat	uploudnout	uploadování	uploading	
voipovat			voipování		
	vypickovat / vypikovat		vypickování		
wilfovat	vywilfovat		wilfování		
wejstovat			wejstování		

РАЗДЕЛ 5

ДОПРИНОС ГЛОБАЛИЗАЦИЈЕ БАНАЛИЗАЦИЈИ ЛЕКСИЧКОГ ФОНДА СРПСКОГ ЈЕЗИКА

Рајна Драгићевић

Филолошки факултет, Универзитет у Београду (Београд, Србија)

rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Општа оцена стања у словенским језицима условила је циљеве овог истраживања: 1) установити на који начин се последице глобализације рефлектују на лексику савременог српског језика; 2) утврдити како настају и шта значе нове речи у српском језику; 3) одредити могу ли се установити тенденције за будућност лексичких промена у српском језику.

Кључне речи: глобализација, банализација, пејоративизација, експресивизација, творба речи, српски језик, словенски језици.

The general assessment of the state in the Slavic languages determined the research goals: 1) to establish in what way the consequences of globalisation reflect on the lexis of contemporary Serbian; 2) to ascertain how the new words in Serbian originate and what they mean; 3) to determine whether tendencies for the future of lexical changes in Serbian could be codified.

Keywords: Globalization, Banalization, Pejorativization, Expressivization, Word formation, Serbian language, Slavic languages.

Кратак осврт на теорију. Истраживачи свих савремених словенских језика запажају да је у јавној употреби језика све присутнији немар, бахатост и снижавање језичке културе свођењем свих функционалних стилова на разговорни стил. Општа је оцена да је овим процесима допринела и глобализацијска стихија. Да бисмо то илустровали, представимо у најкраћим цртама, закључке истраживања В. В. Химика на материјалу руског као највећег словенског језика, затим резултате упоредне анализе коју је извршила Е. Корјаковцева на грађи из руског као источнословенског језика са пољским и чешким као западнословенским језицима, а затим ћемо изложити и нека запажања Ц. Аврамове на материјалу бугарског као јужнословенског језика у односу на чешки као западнословенски језик. Позваћемо се и на друге ауторе – И. Онхајзер, Г. Нешчименко, С. Козинеца, који су у својим анализама дошли до сличних закључака. Затим ћемо прећи на истраживања српског језика и, сумирајући запажања П. Пипера и Т. Прћића, утврдити исте тенденције и на материјалу српског језика.

В. В. Химик у Предговору свог *Великог речника руског разговорног језика (Большой словарь русской разговорной речи)* запажа да језик новинарства у Русији поприма све више одлика разговорног језика и ову

појаву оцењује као глобално снижавање јавне комуникације. Он примећује да у официјелној комуникацији има и „грубих, увредљивих, вулгарних речи“, а не само разговорних експресива. Аутор поставља питање како објаснити толику популарност ниског стила (како га он назива) и његов продор у све стилове? Главни одговор он проналази у чињеници да је језичка заједница говорника руског језика почела постепено да се оријентише у својим језичким идеалима и еталонима на експресивни јавни језик средстава масовних информација, а не на језик руских писаца, као што је било у XIX веку. Узроци таквог „културног преврата“ су очигледни. Први узрок јесу цивилизацијски процеси, који су довели до брзог развоја медија. Као други разлог Химик наводи увећавање градског становништва у Русији у XX веку. Оно је стицало обавезно средње образовање и постајало носилац књижевног језика. Ипак, број високообразованих Руса се по навођењу Химика смањује. То значи да се повећава број полуобразованих говорника руског језика. Треће: значајну улогу у друштвеном животу, а самим тим и у јавној комуникацији (посебно у електронским средствима масовног информисања) има омладина, којој је својствена динамичност и експресивност, па је и језик младих динамичан и експресиван. Као четврти разлог В. В. Химик наводи социјално-политичке промене, крах политичког система крајем XX века, који је донео бројне вулгаризме, жаргонизме, варваризме. Као резултат свих тих процеса дошло је до преоријентације идеала са високе, елитне културе ка масовној, општеној. На језик се све ово одразило тектонским променама у функционалним стилима. Уместо елитног стила појављује се у јавној употреби тежња ка осредњавањем. Централну, еталонску позицију у језичкој култури добија усмени језик. Новинарски стил почиње да поприма одлике тог језика. Популарност јединица ниског, грубог, комичног, ненормативног стила везана је и са њиховим функционалним потенцијалом, експресивношћу, привлачношћу и доступношћу за најшири круг говорника руског језика.

Е. Корјаковцева (2016: 7), која често у својим радовима анализира и пореди творбене тенденције у једном источнословенском језику (руском) и двама западнословенским (пољском и чешком), примећује да се последњих година у славистици повећава интерес за проучавање језика средстава масовне комуникације и чак износи мишљење (које није усамљено) да језик средстава масовне комуникације постаје нови функционални стил, по много чему различит од новинарског. Он нам, као лакмус, први указује на нове тенденције и њихов развој у језику. Осим свих фактора на које указује В. В. Химик, Е. Корјаковцева скреће пажњу и на „информациону глобализацију“, која је омогућила продор професионалних стандарда „западног“ новинарства у праксу словенских масмедија. Е. Корјаковцева (2016: 8) назива Сједињене Америчке Државе „комуникационом империјом“. Глобализацију ова ауторка назива још и *амероглобализацијом* (2013: 9) и констатује да она утиче на брисање разлика између функционалних стилова и њихово свођење на један.

На исте појаве у словенским језицима указују и други аутори (нпр. Онхајзер 2013; Нешчименко 2013), а С. Козинец (2016), потврђујући све ове чињенице о снижавању стила јавне комуникације, примећује да у мас медијима настаје све више казуализма који не спадају само у језичку игру већ представљају манифестацију језичке агресије. „Најгрубље одступање од етичких норми запажа се онда када казуална реч означава конкретно лице или појаву везану за то лице. Обично је језичка агресија уперена према познатој личности – политичару, научнику, представнику шоу бизниса, нпр. *димабиланизм (Дима Билан + дебилизам)*“ (Козинец 2016: 84).

Ц. Аврамова (2003: 124) посвећује пажњу овим појавама у једном јужнословенском језику (бугарском) и једном западнословенском (чешком). Она пише о средствима за „оразговорљивање“ лексике бугарског језика, а тај процес назива демократизацијом језика. Две главне особине ове тенденције јесу богаћење разговорног стила новим јединицама и продор тих разговорних јединица у књижевноуметнички стил.

И у српској лингвистици пажња је посвећивана питању глобализације и њеном утицају на језик и културу уопште. П. Пипер (2014: 278) примећује да је глобализација у планетарним размерама једна од кључних речи краја ХХ и почетка ХХИ века. Он констатује неколико појава у вези с глобализацијом, а то су *глобофобија* и *глобофилија*, агресивни интернационализам, а посебну пажњу посвећује „језичкој глобализацији као присилној еутаназии мањих језика“ и „глобализацији као глорификацији једних и гробаризацији других.“ За тему овог рада посебно је важно поглавље о културној глобализацији као глобалном заглупљивању“ (Пипер 2014: 281), у коме се говори о томе да се културна глобализација понекад назива глобалном демократизацијом културе, а у стварности има лик вулгаризације свега и свачега и о томе да се образовна глобализација остварује као планетарно заглупљивање.

Последица свих ових дешавања јесу превирања у словенским језицима које је академик П. Пипер (2014: 277) сажео у 13 тачака, од којих издвајамо оне које су од значаја за нашу тему: убрзани, готово стихијски продор великог броја англицизама (и других позајмљеница) у словенске језике; наметање језика медија и разговорног језика као водећих функционалних стилова; вулгаризација језика медија, позоришта, филма и књижевности, као и свакодневног језика, у којима све више основни тон дају жаргони, сленг и језик полусвета, па то постаје норма говорне (не) културе.

Један од најзначајнијих српских англиста Твртко Прћић у досадашње класификације функционалних стилова уводи „немарни функционални стил“, за који каже да је „убедљиво најзаступљенији језички варијетет у нашој јавној употреби, пре свега у многим штампаним и електронским медијима, и у говору и у писању, а затим и свугде где се говори и пише (а потом и језички мисли) под њиховим утицајем – у спонтаном говору, у комуникацији путем интернета, на уличним натписима, на рекламним паноима“ (Прћић 2005: 22). Немарни стил је, према речима Прћића, хибридна творевина у којој доминира мешавина популарног, ћаскачко-опуштеног и

публицистичког стила. Као најважнија својства тог стила, Прћић наводи шест његових одлика, а овде издвајамо две: 1) непознавање, непоштовање и незаинтересованост за постојећу норму српског језика; 2) повођење за наметљивијом и доступнијом нормом из страних језика, данас нарочито енглеског.

Емпиријско истраживање. За потребе овог истраживања, нешто дуже од годину дана прикупљали смо лексику из језика релевантних српских медија, пре свега из дневних новина. Фокусирали смо се на оне речи које илуструју изразиту експресивизацију језика савременог српског новинарства, а притом указују и на банализацију лексике и стила. Баналност појава око нас је изазивач изостанка духовних надаћућа и наглашене банализације духовног живота, а све се то одражава и на језик којим говоримо, посебно на лексику. Анализа коју ћемо изложити представља истраживање вођено корпусом, што значи да нисмо трагали за грађом која потврђује теоријске поставке с којима смо се раније упознали, већ смо у закључивању у потпуности допустили да нас води језички материјал. Ишчитавајући прикупљену грађу и размишљајући о критеријумима за класификацију, запазили смо да највећи број прикупљених лексема настаје из жеље за обезвређивањем особа, појава, идеја и др. Тако се, као први закључак овог истраживања, наметнула чињеница да највећи број нових речи у српским медијима има експресивну вредност, а да та експресивност има улогу пејоративизације. Да би се пејоративизација постигла, из репертоара средстава за постизање експресивизације бирају се она која за циљ имају вулгаризацију и банализацију.

Обезвређивање људи. Један од начина обезвређивања јесте обележавање људи према безначајним активностима које обављају (занемарујући, при том, њихова стварна занимања и статус у друштву). У ту групу образовања спадају, на пример, *фејсбуковац*, *паткар*, *кликтач*, *кокаколичар*. Особе назване овим именицама свде се на кориснике друштвене мреже фејсбук или на учеснике опозиционих митинга чији је симбол патка или на људе који кликћу на тастатури својих компјутера. Тежња оних који осмишљавају овакве називе јесте пронаћи што баналнију, безначајнију и узалуднију активност коју неко упражњава, а затим лексему за такву активност учинити мотивном речју за грађење духовитог пејоративног окационализма. Чак и ако активност није банална (као што је, на пример, подржавање неке идеологије, учешће у неком покрету), онда се свесно за фокус окационализма проналази неки детаљ којим би се адресант могао понизити. Тако се представник опозиционих схватања назива *паткаром*, чиме се своди на узгајивача или чувара патака. *Кокаколичар* се пејоративизује тиме што се своди на особу која има обичај да проводи време испијајући течност, а додатна примеса уноси се и тиме што је у питању баш типично америчко пиће, па се, тако, овим именовањем адресату упућује и критика на рачун његове оријентисаности ка америчким вредностима. Нека

од оваквих именована појављују се у савременом српском језику као чланови све уобичајенијих синтагми, нпр. *имачи* (*мишљења*), *носачи* (*ковчега*), *дувачи* (*у пиштаљку*).

Понекад се омаловажавање постиже избором суфикса, па је фокус пејоративизације у суфиксу, а не у творбеној основи. Као пример може се узети именица *маркетингаши*, која је такође пејоративна иако се именицом у творбеној основи означава једно од најатрактивних занимања данас.

Стилска обојеност турских суфикса и пејоративизација. „Оно што већину јужнословенских језика издваја у суфиксном репертоару у односу на северне словенске језике јесу – турски суфикси [...] Иако вековима учествују у јужнословенској творби речи, свест о њиховом турском пореклу никада није избрисана” (Ђорић 2008: 194). Б. Ђорић у наставку говори о именицама на *-ија*, *-лија*, *-лук*, *-ана*, који се све мање користе у стандардном језику, али имају значајну улогу у експресивној творби речи. И ми смо уочили нека од таквих образовања са снажном експресивном вредношћу. У том смислу, продуктиван је суфикс *-лија*: *харвардлија* [професор са Универзитета Харвард], *факултетлија* [студент], *интернетлија* [особа која се служи интернетом]. Сличну експресивну вредност има суфикс *-ија* у неким примерима, рецимо, *новинија* [новинар]. Ако *баналан* значи, између осталог, *простачки*, *неукусан* (Клајн и Шипка 2007), онда се баналност наведених лексема огледа у одређеној дози омаловажавања носилаца наведених занимања, потребе да се о њима и њиховом занимању говори са одређеном дозом подсмеха, исмевања, а све те информације ускладиштене су у неочекиваном споју између творбене основе, која је својим значењем усклађена са цивилизацијом XXI века, и архаичног суфикса, који одговара амбијенту прохујалих векова. Тај судар новог и старог изазива ефекат лаког хумора, изрежиране нехајности, духовите креације, а такав став, врло читљив за говорнике српског језика, преко снижавања стила, доводи и до снижавања поруке новинског чланка и његово свођење на „лако штиво“.

Напомена о губљењу прецизног значења суфикса и банализацији. Посебну пажњу изазивају оцазионализми на *-лук* у којима суфикс има ту нову, експресивну, тј. преосмишљену, улогу. У току 2017. и 2018. године, у српским дневним новинама појавили су се и следећи оцазионализми које су написали колумнисти: *коментаторлук* [коментатори], *коректлук* [политички коректлук = коректност], *балегарлук* [*цео тај балегарлук и сплачинарство око Ђурићевог хапшења* = скуп поступака], *доконлук* [*агресивни доконлук* = докони људи]. Суфикс *-лија* у многе именице овог типа уноси неодређено, различено значење. То је посебно уочљиво код именице *балегарлук*. *Цео тај балегарлук* о којем пише колумниста представља скуп поступака, лоших догађаја, али и трачева у вези с тим, лоше стање ствари, можда и лоше људе који у учествују у некој афери, лош амбијент. Слично је и са именицом *доконлук*. *Агресивни доконлук* представља, пре свега, доконе а агресивне људе, али и целокупан амбијент. Чак и ако мотивна реч не спада у вулгаризме и не означава нешто што бисмо оценили као лоше,

пејоративизација обухвата именицу крећући се од суфикса ка творбеној основи, као у случају *коректлук*. Аутор текста је могао да употреби именицу *коректност*, али он избегава фреквентну синтагму *политичка коректност* и одлучује се за *политички коректлук*, исказујући свој надмени, подсмевачки однос према поступцима, ставовима, околностима, људима који су названи *коректлуком*. Именица *коментаторлук* са неутралном именицом као мотивном речју, пре свега означава групу људи, али суфикс *-лук* уноси збирно значење, чиме се уноси информација о томе да је та група одређена као недефинисана маса, као обешчовечена гомила. Задржаћемо се накратко на широкозначности, тј. семантичкој неодређености суфикса, што представља једну од могућих манифестација процеса снижавања савременог српског језика у јавној употреби. Наиме, све је више примера за речи које имају неодређено, широко значење које може да покрије различите сфере. Уместо да се лексичко значење и целокупан језички израз прецизира, он постаје све неодређенији, шири, а самим тим и празнији, магловитији, десемантизованији. Има још примера за ову појаву. У једним дневним новинама таблоидног типа, новинар описује ноћни клуб и употребљава именицу *позерај*, која означава и људе који (воле да) позирају и начин њиховог понашања који је позерски, и атмосферу у којој многи позирају и главни утисак из клуба да је то место у коме сви позирају. Слично неодређено мноштво значења имају и именице *сељана*, *џибера* итд. Као банализацију оцењујемо губљење прецизног значења суфикса јер непрецизно лексичко значење представља сведочанство о нејасним појмовима и нејасном мишљењу оних који се служе оваквом лексиком.

Напомена о турским суфиксима који „погодују емотивном језику“. Друга напомена је у вези са турским пореклом суфикса о којима говоримо у овом делу текста. П. Радић (2001: 71) веома инспиративно објашњава да образовања са суфиксом *-лук* (али и неким другим турским суфиксима) „погодују емотивном језику“. Он примећује да то посебно важи за „новија, хибридна образовања, код којих снажнији степен творбене хибридизације, тј. појачана творбено-семантичка диспарантност између основе и суфикса, повећава стилске ефекте. При томе се значења ових образовања у већој мери крећу у правцу истицања пејоративне компоненте, без обзира на то да ли се суфиксом само појачава пејоративност основе или се та пејоративност суфиксом остварује.“ П. Радић (2001: 72) затим наводи неколико примера из језика Добрице Ћосића, од којих један гласи: *Наши нови колективни обичаји вулгарни су до колективног блесавлука*. Аутор коментарише да одредбом *вулгаран* писац „у знатној мери оцртава стилско-семантичку компоненту великог броја савремених образовања на *-лук*.“ Радић оцењује значења нових именица *-лук* (додаћемо – и оних са другим турским суфиксима) као стилско-семантичку интензификацију, а њихову пејоративност доводи у везу са ширим друштвеноисторијским аспектом, посебно оним који је заснован на односу: поробљени народ – страни завојевач. „Отуда се и на стилском плану, самом употребом облика са морфемом *-лук* сугеришу одређена конотативна

значења“ (2001: 74). Ово тумачење подразумева да се пејоративност и негативна конотација одређеног типа постижу турским суфиксима, који се одувек осећају и препознају у српском језику као турски и носе у себи сва негативна обележја која Срби везују за турску власт – заосталост, беду, руралност итд.

Обезвређивање процеса, покрета, идеја и њихових носилаца. Има околионализма који у српском језику настају додавањем суфикса *-изација*, *-ијада* и др., а које своју експресивност постижу неочекиваним спојем између онога што значи творбена основа и значењем наведених творбених форманата који се (нарочито *-изација*) везују за основе страних речи и означавају покрете, идеје и сл. Такве су, на пример, именице *овцеизација* [заглуљивање] или *дизнилендизација* [назив за појаву да челници града улажу новац само у садржаје који ће привући туристе], *орбанизација* [политика затварања земље за мигранте]. Уобичајено је да се за ове наставке везују творбене основе апстрактних именица, често страног порекла, које означавају неке интелектуалне садржаје, што је у овом случају нарушено.¹ У ову групу спадају и именице *чемеризација* и *дечемеризација*. Аутор колумне у једним дневним новинама је намерно повезао поетизам и архаизам *чемер* и суфикс *-изација*, чиме је створио стилски ефектан архаично-модерни лексички спој. У наставку своје лексичке игре, он је од именице *чемер* начинио и друге речи: *очемерити*, *очемреност*, *обезчемерен* итд. Основна законитост деривационих процеса крије се у аналогијама по различитим критеријумима и када се нека од њих наруши, настаје околионализам. Околионализми којих је све више, а чија се експресивност постиже поигравањем интелектуалног и баналног, утичу на јачање банализације лексичког фонда. Сличне процесе уочавамо и у настајању именица *циркусијада* (*Вучићева циркусијада*), *вучићевићијада* [манifestација у част новинара Вучићевића, иронично], *ударијада* (*државна ударијада*) [избор најбољег државног удара, иронично].

„Ономатопејска творба“ у сврху обезвређивања. Запазили смо да се у сврху обезвређивања врло делотворно користи „ономатопејска творба речи“. Ево примера: *цик-цак политика* [политика Србије и према Истоку и према Западу], *тути-фрути партија*, *пинг-понг дипломатија*, *бла-бла-блаови* (*учествује у дијалозима о разним бла-бла-блаовима*). Ове једносложне ономатопеје које се римују, а које су примерене дечијем језику, разговорном стилу и другим облицима неформалне експресивности шаљу снажну поруку о безначајности и бесмислености онога што се именује – партије, дипломатије, политике, дијалога.

¹ О статусу наставка *-изација*, који је посато суфикс у српском језику иако то досадашњи приручници не потврђују исп. Б. Ћорић (2008: 111–116). О томе да се слични процеси са суфиксом *-изација* у руском, *-izacja* у пољском и *-izace* у чешком одвијају и у овим словенским језицима више радова написала је Е. Корјаковцева (исп. нпр. Корјаковцева 2016: 70–74).

Блендирање у сврху пејоративизације. О блендирању и сливеницама које настају као резултат овог процеса највише је у српској лингвистици писао Р. Бугарски (исп. нпр. Бугарски 2013). Он је сачинио и врло богату збирку сливеница у савременом српском језику, што значи да је данас такав начин творбе врло продуктиван. Да српски језик има склоности ка овом начину творбе, указује и чињеница да је В. Томановић још 1938. године објавио списак од близу сто покрајинских и до данас увелико застарелих или ишчезлих речи, насталих спајањем делова других речи (према Бугарски 2013: 22).

Ево неколико примера из дневних новина које смо забележили у протеклих годину дана. Именица *преститутка* настала је сливањем глагола *преступ(ити)* и именице *проститутка*, а означава новинара, медиј, блогера који намерно прекраја информације да би се улагивао некој политичкој групацији. *Трампокалипса* = Трамп + апокалипса; *кукупедија* = кукати + енциклопедија; *дновинарство* = дно + новинарство; *дновинари* = дно + новинари; *daytonarije* = Dayton + детињарије; *утопија* = Yugoslavia + утопија. Ниједна од ових лексема није настала с намером да се укаже афирмативни однос према појму који се именује, већ увек критички и неповољан. У овим примерима негативно је оцењена Трампова владавина, одређена енциклопедија, квалитет новинарског извештавања, одређени новинари, потписивање споразума у Дејтону, идеја о некадашњој држави Југославији, као и она сама.

Пејоративизација образовањима мотивисаним личним именима. Наша грађа указује и на пораст образовања деривата мотивисаних личним именима. Циљ је двоструки – да се омаловажи особа од чијег су имена настали деривати, али и да се обезвреде особе или појаве на које се ти деривати односе. Тако се, однедавно, у српском језику појављују образовања на *-оид* и придеви изведени од њих: *трампоидан* (о фризури, начину размишљања), *путиноидан* (о решавању проблема), *палмоидан* (о решавању проблема). Да је реч о пејоративизацији, а не о неутралној деривацији, јасно је из суфикса *-оид*.¹ У сличном духу настао је и придев *аланфордовски* (од имена јунака стрипа Алан Форд): *аланфордовски хумор*, *апсурд*, *језик*, *професија*. Полази се од прецедентног имена у српској култури, домаћег или страног, за које се везују одређени стереотипи, па се на основу семантичког садржаја тих стеротипа „попуњава“ значење деривата. У ову групу спада и лексема *орбанизација* (*орбанизација Словеније*). Аркан је надимак једног од најпознатијих криминалаца у Србији деведесетих година XX века, а његово име је употребио један интелектуалац пишући о *арканској пракси*, назвавши тако насилнички тип понашања и решавања проблема. Занимљиво је до ког степена уопштености и типизираности се може доћи полазећи од неке појединачне особине или поступка одређене особе. Други начин да се постигне исти ефекат јесте додељивање секундарних значења именицама

¹ Опширније о образовањима на *-оид* и *-саурис* (нпр. *старлетосаурис*) у српском језику (исп. Драгићевић: 2018).

које означавају нека властита имена. Она се тада пишу малим словом. Нема формалне деривације, али се семантичком деривацијом (полисемијом) постиже исти ефекат. Ево једног таквог примера: *Није сигурно да ће Србија преживети следећу генерацију вулина и дачића*.¹

Вишеделне синтаксичке јединице у служби одредбеног члана са пејоративним значењем. У последње време запажа се један облик језичке моде у експресивном изражавању, а то је потреба да се целокупне синтагме, предлошко-падешке конструкције, па чак и реченице користе као атрибути или прилошке одредбе. Да цела таква јединица треба да буде протумачена као јединствена, читаоцу је сигнализирано начином на који је написана, а написана је или као једна реч или са цртицама између речи. Ево неколико примера: *од тих у-исти-кош утрпаних жена; госпођица „свезнасемдапева“; то је тако еспесовскобајатовићевски!*

Сензационализам, претеривање и надувавање у служби пејоративизације. Анализирајући лексику насталу префиксацијом, у очи упада тежња за сензационализмом, претереивањем, преувеличавањем, што је такође одлика банализације. Често се користе препозитивне компоненте субјективне оцене које служе за појачавање. Оне се често употребљавају иронично или с потребом да се појача ефекат исказаног. Сваки облик претераног наглашавања и тежње ка сензационализму представља испољавање вулгарног и баналног. Осим тога, то претеривање служи и за негативну оцену неке особе или појаве. Чак и ако се учини да префиксоид нема непожељно значење, често се испостави да је употребљен иронично. Тако, на пример, читамо: *гигаконференција, турбо-сега-мега-тинк средња класа, турбопатриотски (турбопатриотска опозиција), турбоевропски (турбоевропска опозиција), велеобрт, хиперстабилан, хиперсензибилан, хиперпосматрач, хиперпокретљивост, хипербрз, хиперкритички*. Лексика на *хипер-*, *гига-*, *мега-*, *супер-* доживљава свој процват. С друге стране, увећава се број речи које својим завршним формантом указују на израженост неке појаве (нпр. *селфманија*).

Нова значења или нове употребе постојећих речи. Као пример банализације која се манифестује кроз наглашавање одређене маргиналне појединости (о чему је већ било речи у овом раду) могу се навести и нове употребе неких лексема. Механизам је следећи – прво се уочава нека негативна, а сасвим споредна појава у вези с оним што треба пејоративизовати. Тако су, на пример, представници опозиционих партија у Србији запазили да представници владајуће странке на митинзима и другим страначким окупљањима поклањају својим присталицама сендвиче, а затим су ту маргиналију искористили да би људе који долазе на таква окупљања

¹ Предрасуде се везују и за географске целине – градове, подручја, државе и сл. Тако и властите именице којима се означавају такве целине такође могу бити мотивне речи за експресивне деривате. Један од њих о коме смо и раније писали (исп. Драгићевић: 2015) јесте *балканизација*. Стереотипи о географским целинама су увек негативни, па је и значење тих деривата такође пејоративно.

оптужили да су они за своје доласке мотивисани сендвичима. Већ сама ова оптужба представља увреду. Затим су настале лексеме *сендвичар* и *сендвичарски*. Придев се, врло подругљиво, употребљава, како показују медији, у следећим контекстима: *сендвичарски интелект, ретард, крај, гуру, вођа, минус, мозак, бот, хепенинг, став, тајкун, циркус, аутобуси, јадници, конвоји, гласачки листићи, имбецили, магарче, робе, монструме*.

Ево још неколико примера за нова значења или нове употребе лексема: *брутално (тело)* [лепо, згодно]; *Републиканци су убили Трампов закон о здравству. То је аботус од развоја догађаја. Трамп је револверашки брз на Твитеру*. У жељи за сензационализмом и привлаћењем пажње, бира се лексика непожељеног значења која оставља снажан утисак и њоме се, на нов и неочекиван начин, одређују појаве из стварности.

Закључак. У раду се долази до неколико закључака:

1. Главни утицај глобализације на српски језик исти је као утицај и на све остале словенске језике, а то је снижавање језичке културе и свођење многих функционалних стилова на разговорни.

2. Главна тенденција у мотивацији за настајање нове лексике јесте експресивизација.

3. Неологизми су по правилу оказионализми. Највише их је у језику медија. Може се претпоставити да је мала вероватноћа да ће много такве лексике завршити у основном лексичком фонду. То је лексика која припада периферији лексичког система српског језика. Добар део те лексике везан је само за тренутни друштвени тренутак, неће постати фреквентан и ускоро се више неће употребљавати.

4. Циљ експресивизације новонастале лексике је најчешће обезвређивање (пејоративизација) људи, идеја, појмова итд.

Пејоративизација се најефектније постиже изналажењем мотивације у речима које означавају вулгарне и баналне садржаје. Због тога се може закључити да су основне тенденције новонастале српске лексике: експресивизација – пејоративизација – банализација.

Литература:

Аврамова 2003: Цветанка Аврамова, *Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век*, Sofia: Heron Press.

Бугарски 2013: Ranko Bugarski, *Sarmagedon и Mesopotamiji*, Beograd: XX vek.

Драгићевић 2015: Рајна Драгићевић: „Укрштање основних тенденција у настајању неологизама у словенским језицима (на примеру лексеме балканизација), *Осмь десетъ: Сборник научных статей к 80-летию И.С. Улуканова*, отв. ред. М.А. Малыгина, Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2015, 236–241.

Драгићевић 2018: Рајна Драгићевић: „Неке тенденције у творби речи у савременом српском језику“, *Језици и културе у времену и простору* VII/2,

тематски зборник, уреднице Снежана Гудурић, Биљана Радић-Бојанић, коуреднице: Јасмина Дражић, Јелена Ајдановић, Нови Сад: Филозофски факултет, 63–71, 2018.

Клајн и Шипка 2007: Иван Клајн и Милан Шипка, *Велики речник страних речи и израза*, Нови Сад: Прометеј.

Козинец 2016: Сергей Б. Козинец: „Окказионално словопроизводство в средствах массовой информации: от языковой игры к речевой агрессии“, *Współczesne językoznawstwo słowiańskie teoria i metodologia badań*, том I. Słowotwórstwo, red. Elena Koriakowcewa, Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 81–87.

Корјаковцева 2013: Елена Корьяковцева: „Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков“, *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich*, red. Elena Koriakowcewa, Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 9–39.

Корјаковцева 2016: Елена И. Корьяковцева, *Очерки о языке современных СМИ*, Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach.

Нешчименко 2013: Galina P. Nieszczymento: „Компьютерная коммуникация в зеркале современной публичной речевой культуры и актуальных деривационных закономерностей (в сопоставительном аспекте)“, *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich*, red. Elena Koriakowcewa, Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 39–67.

Онхажзер 2013: Ingeborg Ohnheiser: „Стирание стилевых границ в словообразовании и словоупотреблении“, *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich*, red. Elena Koriakowcewa, Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 67–83.

Пипер 2014: Предраг Пипер, *Лингвистичка славистика*, Београд: Славистичко друштво Србије.

Прћић 2005: Твртко Прчић, *Engleski u srpskom*, Novi Sad: Zmaj.

Радић 2001: Првослав Радић, *Турски суфикси у српском језику са освртом на стање у македонском и бугарском*, Београд: Институт за српски језик САНУ.

В.В. Химик 2004: *Большой словарь русской разговорной речи*, Санкт Петербург: Норинт.

Ћорић 2008: Божо Ћорић, *Творба именица у српском језику*, Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.

РАЗДЗЕЛ 6

ВЛИЯНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА СТАБИЛИЗАЦИЮ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Магдалена Пастух

Силезский университет в Катовиц (Катовице, Польша)

[magdalena.pastuch@us.edu.pl](mailto:magdalenapastuch@us.edu.pl)

Целью раздела является установление словообразовательных факторов, способствующих стабилизации английских лексических заимствований в польском языке. Работа построена на материале двух словарей англицизмов: *Angielskie elementy leksykalne w języku polskim* (1994), *Słownik zapożyczeń angielskich w polszczyźnie* (2010). Сравнение обоих источников позволяет сделать выводы, что на стабилизацию лексической единицы в языке-реципиенте влияют следующие факторы: наличие классического корня (напр., *edytor*), наличие других морфем классического происхождения (напр. *detoks*), фактическое или потенциальное словообразующее гнездо (напр. *test*, *testować*, *tester*, *testowy*), наличие в языке-реципиенте более ранних заимствований с тем же корнем (напр. *park* - *parking*), совпадение (фактическое или только формальное) между морфемным составом заимствованной лексемы и исконной (напр. *amonal* vs. *nochal*).

ключевые слова: словообразование, английские заимствования в польском языке, стабильность в языке.

The chapter concentrates on word formation factors that support stabilization of English loan words in Polish. The lexical material was excerpted from two dictionaries: *Angielskie elementy leksykalne w polszczyźnie* (1994) and *Słownik zapożyczeń angielskich w polszczyźnie* (2010). The comparison of those sources leads to the conclusion that the following factors influence stabilization: the presence of roots from classical languages (e.g. *edytor*); the presence of secondary morphemes with classical provenience (e.g. *detoks*); a real or potential word formation nest (e.g. *test*, *testować*, *tester*, *testowy*); the presence of an earlier stratum of borrowings in language-recipient (e.g. *park* – *parking*); the identity (true or only formal) regarding the morphemes' composition of the loan words and native words (e.g. *amonal* vs. *nochal*).

key words: word formation, English borrowings in Polish, language stability

Связь между образованной в данном языке лексикой и заимствованной совершенно очевидна: оба этих словарных состава взаимопроникают и оказывают влияние друг на друга. Как словообразовательная система языка-

получателя важна для упорядочивания иностранной лексики в ней, так и заимствованная лексика некоторым образом преобразует деривационную систему этого языка¹.

Заимствованиям из английского языка, вероятно, посвящено наибольшее количество научных исследований, не только лингвистических, но и культурных или социологических. В польской лингвистике самой последней и наиболее объемной работой, как бы собирающей и обобщающей предыдущие, является книга Алиции Виталиш *Przewodnik po anglicyzmach w języku polskim* (2016). Автор представляет в ней также богатую библиографию, касающуюся заимствований. Казалось бы, трудно еще что-либо добавить. Однако, если изменить перспективу исследования, то есть не столько пробовать выявить и описать новые элементы, сколько обратить внимание на то, что устоялось и закрепилось, то можно прийти к дополнительным выводам на тему так обширной составляющей польского языка, как англицизмы.

Идея о том, чтобы заняться стабильными заимствованными элементами польской лексики, а не новыми, появилась под влиянием двух научных трудов. Первый это статья Крыстыны Клещовой о причинах стабильности украинизмов в польском языке (Kleszczowa 2010). Вторым источником был небольшой лексикон 1994 года Эльжбеты Маньчак-Волфелд на тему английских лексикальных элементов в польском языке *Angielskie elementy leksykalne w języku polskim*. К работе Клещовой мы вернемся еще в заключении, а в процессе исследования будем ссылаться в основном на книгу Маньчак-Волфелд 1994 года и на словарь английских заимствований в польском языке *Słownik zapożyczeń angielskich w polszczyźnie* под ее же редакцией 2010 года (далее SZang).

Внимательное изучение лексикона 1994 года показало, что, согласно компетенции автора данной статьи как носителя языка, можно утверждать, что в общеупотребительной польской лексике (исключая термины) уцелело немногим более 15% записанных в то время англицизмов, хотя, как пишет Маньчак-Волфелд:

„[...] в словаре не зафиксированы все английские заимствования, имеющиеся в современном польском языке, что вызвано их безуданным наплывом [...] многие англицизмы не были учтены, так как **казалось** [выделено автором – М.П.], что они появились окказионально, а их употребление было вызвано индивидуальными предпочтениями, модой или снобизмом” (Mańczak-Wohlfeld, 1994, 10)

Из приведенной цитаты следует, что в анализируемом источнике уже провели «отбор» и записали только те лексемы, которые казались стабильными. По прошествии почти четверти века оказалось, что оценка, с сегодняшней точки зрения, была неверной. Поэтому было принято решение присмотреться к тому, что уцелело, и предпринять попытку ответить на вопрос: почему сохранились те, а не иные заимствования. Поскольку это

¹ См. подробней Waszakowa 1994, Kleszczowa 2000.

обширная тема, в данной статье ограничимся «стимуляторами стабильности», происходящими из словообразовательной системы.

Многие факторы влияют на стабилизацию заимствований в языке-реципиенте. После проведения подробного исследования вполне возможным представляется создание их классификации в зависимости от степени важности. Даже поверхностный анализ и общие знания позволяют подразделить эти факторы на внеязыковые (как, например, исторические или социальные факты) и обусловленные правилами развития языковой системы (например, способ адаптации к определенным уровням языка-получателя или наличие исконных синонимов) (см. на эту тему Waszkowa 2005, Greń, Holly, Itoya, Mętrak, Smółkowa, Żółtak 2016).

Как уже упоминалось, в данной работе мы займемся словообразовательными факторами. Однако наше внимание будет сосредоточено не на представлении деривационных способов интеграции заимствований. Нас будут интересовать заимствованные единицы, которые сохранились в польском языке и у которых стабильная позиция в общеупотребительной польской лексике. Поэтому были сформулированы следующие исследовательские вопросы:

1. какие словообразовательные факторы способствовали этой стабилизации?

2. могут ли деривационные факторы защитить данные заимствования от исчезновения?

Так сформулированная проблема предполагает определенный подход и выбору материала. Нас будут интересовать только прямые заимствования. Их расширенное определение, опирающееся на более ранних выводах, появляется в книге Виталиш (Witalisz 2016, 37) и в сокращенной версии звучит следующим образом:

Лексические заимствования это лексемы, принятые из иностранного языка. Процесс заимствования в данном случае включает проникновение как значения, так и формы иноязычной лексемы [...]. Собственно англицизм / лексикальный англицизм это лексема, источником которой является английский язык.

Среди собственно англицизмов Виталиш выделяет:

- простые заимствованные лексемы (*klub* < англ. *club*),
- заимствованные усечения, сложные усечения и контаминации (*pub* < англ. *public house*),
- заимствованные дериваты (*skaner* < англ. *scanner*),
- заимствованные сложения (*kongresman* < англ. *congressman*)
- заимствованные словосочетания и фразеологизмы (*fast food* < англ. *fast food*),
- заимствованные акронимы (*TV* < англ. *TV (TeleVision)*),
- заимствованные лозунги, цитаты, крылатые слова (*No problem* < англ. *No problem*)

В статье мы не будем заниматься семантическими англицизмами, кальками или цитатами. Следует отметить, что нас интересует группа англицизмов, которая закрепилась и устоялась в польском языке, поэтому в качестве главного источника материала была выбрана работа Эльжбеты Маньчак-Волфелд 1994 года¹; другим источником является словарь англицизмов в польском языке *Słownik zapożyczeń angielskich w polszczyźnie*. Почти четверть века, которая прошла с момента выхода первой книги, то есть словаря *Angielskie elementy leksykalne w języku polskim*, оправдывает оценку степени стабильности лексем. Важно, что вслед за автором обеих вышеперечисленных публикаций, в данной статье англицизмы определяются следующим образом:

(...) под понятием *англицизм* нами понимаются как английские лексемы, непосредственно проникшие в польский язык из английского (например, *budżet*) или через другие языки (например, *rumszyk*, фонетика и морфология которой свидетельствуют о посредничестве немецкого языка), так и заимствования из других языков, которые проникли в польский язык через английский (например, *tobogan*, происходящий из алгонкингского *tobagan*) (Mańczak-Wohlfeld 1994, 7).

Можем отметить, что оба определения Алиции Виталиш – и 1994 года, и написанное спустя более чем две декады – принципиально не отличаются друг от друга.

Учитывая все предыдущие исследования, данный текст служит только дополнением, в котором внимание будет сосредоточено не на проблеме заимствования или ассимиляции, но на вопросе **стабильности** лексем в языке. Как известно, для указания правил развития языка, которые пытается выявить диахронная лингвистика, понятия стабильности и закрепления в языке чрезвычайно важны. Конечно, эти понятия имеют другое значение по отношению к категориальным явлениям, имеющим свое начало в истоках польского языка. Однако, занимаясь стабильностью лексики, следует объяснить эти понятия. Александра Яновска в статье *W pułapce czasu. Jak zdefiniować stabilność?* (в печати) пишет о стабильности по отношению ко всем компонентам языка, указывая на то, что одни детерминанты устойчивости выступают в случае лексических единиц, а другие в случае синтаксических конструкций. Признавая эти различия, автор предлагает сосредоточиться на трех основных факторах, влияющих на стабильность: детерминантах исторической идентичности, частоте использования и времени. В случае нашего материала, то есть заимствований, анализируемых в перспективе одного языкового поколения, самым важным представляется производная времени, то есть темп изменений. Эффективность коммуникации требует, чтобы языковые знаки сохраняли свою идентичность на протяжении не менее трех поколений (см. Walczak 2012). Поэтому прежде

¹ Тереса Смулкова (Smółkowa 1998) считает, что одно языковое поколение это именно 15-18 лет, поэтому можем принять, что если анализируемые лексемы сохранились в течение поколения, то это оправдывает признание их стабильности.

всего будут исследоваться лексемы, которым удалось сохранить как семантическую, так и формальную идентичность.

Собранный материал позволил указать несколько детерминантов на словообразовательном уровне, оказывающих большое влияние на долговечность лексем английского происхождения в польском языке. В следующей части статьи представим эти детерминанты.

1. Интернациональные морфемы латинского или греческого происхождения

В непосредственной близости проблем, связанных с заимствованиями, остается вопрос интернационализмов. В работе, посвященной интернационализации польского словообразования, Крыстына Вашакowa (Waszakowa 2005), обобщая мнения других исследователей, приводит следующие условия для признания данных единиц интернационализмами:

- принадлежат к международному лексическому запасу;
- в значительной части были созданы на основе греческих или латинских слов;
- обозначают понятия в основном из области политики, философии, культуры, науки, техники, экономики, искусства, спорта;
- распространены в нескольких (не менее трех) неродственных или далеко родственных языках (Waszakowa 2005, 25).

Метод анализа языкового материала, использующий это определение, является синхронным и предполагает сравнительный анализ данных из нескольких языков. Однако взгляд с точки зрения языка-получателя (польского) с учетом четкой этимологии заимствования позволяет указать внутриязыковую причину стабильности заимствования. Более того, кажется, что носитель языка сначала использует словарный запас своего родного языка, и только позже обращается к иноязычной лексике. Как известно, этимологизация заимствований является непростой задачей (см. например, Walczak 1982), однако лексикографы часто, особенно в случае заимствований из современных языков, занимаются этим вопросом и предоставляют информацию не только о непосредственном источнике заимствования, но и об этимологии. В новейшем польском словаре английских заимствований (*SZang*) из около 2000 единиц у 105 латинское или греческое происхождение. Чтобы проверить их стабильность в языке, было проведено сравнение этих данных с данными из словаря, составленного 15 лет назад (*USJP*), поскольку можно предположить, что этого времени достаточно для проверки устойчивости лексемы в языке (см. Smółkowa 1998). Кроме того, внесение в словарь дает уверенность в том, что это не единичные, а подтвержденные определенным количеством использований данные¹. Оказалось, что

¹ Словарь *Słownik zapożyczeń angielskich w polszczyźnie* был создан на основе таких словарей, как *Wielki słownik wyrazów obcych* (2003), *Słownik wyrazów obcych* (1995), *Uniwersalny słownik języka polskiego* (2003), а также дополнен новыми заимствованиями из Корпуса польского языка (Korpus Języka Polskiego PWN).

сохранились все единицы, у которых интернациональные корни и которые были зафиксированы в начале XXI века. Важную информацию предоставляет также выборка из словаря польского языка *Słownik języka polskiego* под редакцией Витольда Дорошевского (*SD*), которая показывает, что большое их количество (более 40%) это единицы, зафиксированные намного раньше. Иногда случаются расхождения между указываемым в разных словарях источником заимствования (например, лексема *koncern* в *SZang* описана как заимствование из англ., в *USJP* из нем., в *SD* из англ.), в единичных случаях следовало бы сказать о разнице в исторической идентичности между зафиксированной в *SZang* единицей и нынешней, записанной в *SD*¹. Однако можно сделать вывод, что корень, происходящий из классических языков, стабилизирует заимствование. Согласно данным словаря *SZang*, в нижеприведенных лексемах мы обнаруживаем латинские корни, хотя известно, что непосредственное заимствование произошло из английского языка²: *abolicjonizm, aktywizować, akwalung, binarny, detektyw, kemping, edytor, egoista, eksporter, elastyczny, emiter, eskalacja, import, irrelevantny, komiks, kompost, komputer, plastik, relaks, sensor, supermarket, tutor*. Все эти единицы зафиксированы как в словарях *SD*, *USJP*, так и в *SZang*.

Анализ материала доказывает, что корни из классических языков облегчают закрепление иноязычного выражения по нескольким причинам:

- у заимствований из латыни (реже из греческого языка) в польском языке долгая традиция, вследствие чего, даже если слово заимствуется из современного языка, но в нем отчетливо выделяется латинская или греческая морфема, это способствует стабилизации,

- новое заимствование, в состав которого входит встречающийся в ранее заимствованных словах корень, имеет больше шансов на стабилизацию (ср. *fotoblog* (*SZang*) и *fotoamator, fotochemia* (*SD*); *metalik* (*SZang*) и *metaliczny* (*SD*); *monitoring* (*SZang*) и *monitor, monitorowy, monitować* (*SD*),

- заимствования из классических языков престижны, они часто используются в литературных и научных текстах³, что, в свою очередь, влияет на их более стабильную позицию в языке; имеет значение также факт, что их употребление повышает статус пользователя польского языка⁴,

- латинские и греческие корни часто встречаются в так называемых интернационализмах.

Вышеперечисленные факторы связаны с другими, причем нас больше всего интересуют словообразовательные факторы.

¹ Например, лексема *cursor* в *SZang* описана как 'мигающая на экране компьютера черточка, указывающая место, в котором появится вводимый с помощью клавиатуры знак', а в *SD* определяется как 'посланник, курьер' с пометой *устаревшее*.

² Информацию о латинском корне находим в словаре под редакцией Маньчак-Волфелд (2010)

³ Об этом свидетельствуют часто употребляемые в их случае пометы *книжное* и *научное*.

⁴ На тему роли так называемых престижных языков в формировании польского языка см. работу Тадеуша Левашкевича (Lewaszkiewicz, 1994).

1.1. Кроме корня, следует обратить внимание на аффиксальные морфемы. Интересным представляется факт, что многие английские заимствования попадают в польский язык с полонизированным латинским окончанием *-cja*. Как известно, варианты происхождения этого окончания могут быть различными¹ (см. Moszyńska 1975). Однако, независимо от происхождения этого окончания, оно обычно признается характерным для латинских заимствований. Важным является также факт, что именно латинские заимствования с таким окончанием являются самыми старшими и многочисленными. Они появляются уже в словаре *Słownik staropolski*², а в словаре *Słownik polszczyzny XVI wieku (SXVI)* их уже около 600 (587 с окончанием *-cują* + 3 с окончанием *-cja*). В словаре под редакцией Дорошевского зафиксировано почти 2000 (1950) таких единиц. Эти данные позволяют утверждать, что окончание *-cja* способствует стабилизации лексемы, поскольку присоединяет их к огромной группе латинских заимствований. Среди выбранных англицизмов большое количество можно охарактеризовать следующим образом:

- в их состав входит окончание *-cja* (например, *aborcja*);
- наряду с заимствованиями, основанными на деривате от английского заимствования, функционируют варианты с окончанием *-cja* (например, *aktywizowanie // aktywizacja*)³;
- они создают производные слова (уже в польском языке) с использованием морфемы *-cja* (например, *binarny > binaryzacja; detoks (SZang) > detoksykacja (USJP), komputer > komputeryzacja*).

Эта общность аффиксальных морфем классического происхождения касается также префиксов или префиксоидов (см. Waszakowa 2005). Можно сказать, что английские заимствования создают группы, которые объединяет один и тот же префикс с известной и понятной семантикой. Следует отметить, что его происхождение тоже латинское (например, *detoks, dewaluacja*⁴; *interfejs, interkom, intercity*⁵). В польском языке многие из них уже не являются словообразовательными конструкциями, однако можно их правильно интерпретировать, опираясь на элементы того же гнезда (например, *dewaluacja – waloryzacja; detoks - toksyny*). Верному пониманию способствует также аналогия с другими дериватами, созданными с помощью происходящих из латыни словообразовательных элементов (например,

¹ Прототипом таких заимствований могут быть имена существительные I склонения, которые в Nom. sg оканчиваются на *-a*, а в Gen. sg на *-ae* (например, *inercja, delicja* - абсолютный конец слова *-cia*; от существительных того же склонения, оканчивающихся на *-antia, -entia*, например, *absencja, abstynencja*; а также III склонения: Nom. sg разного типа, Gen sg *-is* (*kondycja, aklamacja, aspiracja, gratulacja* - часто встречающийся тип).

² В *SSp* зафиксировано 13 лексем с окончанием *-cują*.

³ Выбор варианта обычно обусловлен стилистическими факторами.

⁴ Префикс *de-* происходит от лат. *de-* (из чего, от) 'противоположность, отрицание, редукция'

⁵ Лат. *inter* 'между'

interkom и *interaktywny, interdyscyplinarny*). И на этот раз можно утверждать, что заимствования из английского языка вписываются в уже существующие, основанные на латинских морфемах, модели словообразования.

2. Развернутые (в действительности или потенциально) словообразовательные гнезда

Польский язык относится к языкам с широким словообразовательным потенциалом. Материал, собранный в многотомном словаре словообразовательных гнезд польского языка, подтверждает, что большинство польских лексических единиц создает многоэлементные и многоступенчатые гнезда. Не удивительно затем, что мерой стабильности и устойчивости заимствования в языке является его деривационная активность. Анализ собранного материала однозначно подтверждает, что среди 15% лексем, которые сохранились, есть много создавших деривационные гнезда. Приведем следующие примеры¹: *chuligan*² (*chuligański, chuliganeria, chuliganić, chuliganka chuliganizm, rozchuliganić się, chuligański, chuligaństwo*), *czarter* (*czarterować, czarterowy*), *esej* (*eseistyczny, esejowaty*), *gadżet* (*gadżeciarski*), *gej* (*gejowski*), *hobby* (*hobbysta, hobbystyczny, hobbystycznie*), *peeling* (*peelingowy, peelingujący, peelingować*), *reporter* (*radioreportaż, radioreporter, reportażyk, reportażysta, reporterskość, reportażowy, reportażowo, reporterka, reporterstwo, reporterzyna, reportaż, reporterski*), *test* (*testowy, testować, tester*). Это не всегда сильно развернутые гнезда, но в них, без сомнения, есть потенциал, который позволяет предполагать, что эти гнезда будут увеличиваться. Об этом свидетельствует факт, что несмотря на то, что некоторые дериваты не зафиксированы в гнездовом словаре, они появляются в материалах Национального корпуса польского языка (Narodowy Korpus Języka Polskiego) (например, *czarterowy, gadżeciarski, peelingujący* – www.nkjp.pl, дата обращения 01.06.2018).

Разумеется, в данном случае следует говорить об обратной связи, поскольку трудно определить, является ли словообразовательная активность результатом стабилизации заимствований или ее причиной. Кажется затруднительным или даже невозможным однозначно указать причину, что подтверждают слова Казимежа Твардовского:

(...) мы никогда не в состоянии создать такие условия, чтобы в них определилась только одна причина и возникло только одно следствие (Twardowski 1992, 308).

Проблемы возникают также тогда, когда следует точно указать, что является причиной, а что условием возникновения данного явления. Очевидно, что в случае определения степени стабильности заимствования такой вопрос неизбежно появляется.

¹ В скобках приводится существующий дериват.

² Обычно эта лексема считается заимствованием из русского языка (см., например, *USJP*), однако, согласно принятому определению англицизмов (с. 2-3), в данной работе считаем ее англицизмом.

Анализируя словообразовательные элементы, способствующие стабильности англицизмов в польском языке, нельзя забывать, что устойчивость может возникать вследствие существования более ранних заимствований с латинским корнем. Можно предположить, что именно так произошло в случае вошедшего в польский язык в XX веке заимствования *adapter* 1. ‘грамофон’, 2. ‘приспособление для подключения двух несовместимых электрических устройств’. В электронном словаре польского языка XVII и XVIII веков *Elektroniczny słownik XVII i 1. poł XVIII* несколько раз появляется глагол *adaptować* и причастная форма *adaptowany*, см. следующие примеры:

Maią Sposoby takie u naczynia takie **adaptowane** że się w nich nic nie zepsuie u niezamoknie. *PasPam* 69v.

Po myslna niech **adaptuie** fortuna, bys żyła wieki Nestorowe. *MikSil* 222. (<https://sxvii.pl/>, дата обращения 01.06.2018).

Также в электронном корпусе польских текстов XVII и XVIII веков *Elektroniczny korpus tekstów polskich z XVII i XVIII wieku* зафиксировано четыре использования этого причастия (http://korba.edu.pl/query_corpus/, дата обращения 01.06.2018).

Этимологический словарь польского языка *Etymologiczny słownik języka polskiego* Анджея Баньковского поясняет, что *adaptować* это заимствование, появившееся в польском языке в XVII веке. Следует отметить, что в давних лексикографических источниках нами не обнаружена форма *adaptacja* – ее первая фотонотация датируется 1928 годом¹. Не зафиксировано также такое существительное в латинских словарях, однако оно появляется как слово без примеров употребления в словаре средневековой латыни в Польше *Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce*². Поэтому можно предполагать, что существовал прототип в форме существительного, поскольку известно, что именно существительные являются наиболее часто заимствованными лексемами³. Крыстына Клешчова объясняет это следующим образом:

Но почему мы заимствуем в основном существительные? Следует обратить внимание на функции существительных в предложении – они являются или предикативными элементами, или референциальными. Выполняющие только предикативную функцию глаголы и прилагательные семантически более «эластичны», они предоставляют больше возможностей номинации на основе существующих лексических единиц (Kleszczowa 2000, 205).

¹Национальный фотокорпус польского языка (Narodowy Fotokorpus Języka Polskiego, <http://nfjp.pl/>) это подготовленное Яном Вавжиньчиком и Петром Вешхонем самое многочисленное собрание лексических единиц польского языка XX века: лексическое наблюдение охватывало период 1901-2000 годов. В нем представлены фотографии фрагментов текста, в которых появляется данное слово. Такая документация получила название фотонотация.

² *Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce*, <http://scriptores.pl/elexicon/#> (дата обращения 01.06.2018).

³ См. на эту тему Weinreich 1970.

Заимствованное в XX веке название *adapter* (зафиксировано в *SD*, первая фотонотация в 1928) вписывается в уже существующее гнездо, что, безусловно, уже во время заимствования укрепляет его позицию. Таким образом гнездо выполняет стабилизирующую функцию.

Могло также случиться, что очередные слои английских заимствований накладывались друг на друга: в таком случае каждый последующий слой был в «лучшей ситуации» чем предыдущий, если речь идет об устойчивости и стабилизации. Вероятнее всего, так произошло с отмеченными в словаре *SZang* лексемами: *audiobook*¹, *bonus*², *detoks*³, *generatywizm*⁴, *managment*⁵.

3. Морфемный состав как способствующий стабилизации заимствования фактор

Следующим словообразовательным фактором, который способствует стабилизации заимствований, является морфемный состав, то есть возможность вычленения в заимствованной единице такой частицы, которая идентична (иногда только формально) исконным словообразовательным морфемам. Так произошло в случае прочно закрепленных в польском языке лексем: *serial i recital*. Если в случае первого выражения можно попытаться провести реинтерпретацию и мотивировать *serial* существительным *seria*, хотя построение правильной словообразовательной парафразы вызывает трудность («что-то, что составляет серию?»), то *recital* в польском языке, безусловно, немотивирован. Однако существование исконных дериватов, в которых можно выделить суффикс *-al* (например, слов с увеличительным суффиксом *nochal, brzydal* или омонимического *-al* в химических терминах (*chloral, amonal, magnal*)) безусловно, способствует стабилизации, поскольку пользователь польского языка обычно принимает эту лексему как исконную. Похожая ситуация в случае таких единиц, как *adwentysta* или *metodysta* – здесь наблюдаем вторичную ссылку на регулярное создание названий лиц от названия доктрин на *-izm*, которое касается также исконных лексем (например, *ukrainista*).

Вторая, гораздо более многочисленная, группа это заимствования с окончанием *-er* (например, *bokser, gangster, hacker, partner*), которые идеально соответствуют категории немотивированных в польском языке названий исполнителей действий (*zecer, tapicer, oficer, szofer*). Такие заимствования можно также включить в обширное⁶ собрание названий, созданных на основе иноязычных глаголов, но уже давно присутствующих в польском языке (например, *aranżer, monter, kolekcjoner*).

¹ В *SD* зафиксировано *audiograf*.

² В *SD* зафиксировано *bonować*.

³ В *SD* зафиксировано *toksyna*.

⁴ В *SD* зафиксировано *generować, generatywny*.

⁵ В *SD* зафиксировано *menażer*.

⁶ В книге по грамматике *Gramatyka współczesnego języka polskiego* (1998, 404) отмечено, что «(...) этот формант появляется в примерно 40 обозначающих исполнителей действий дериватах, мотивированных иноязычными глаголами».

Заклучение

Главной целью историко-лингвистических исследований, на наш взгляд, должен быть поиск закономерностей развития языка на каждом его уровне. Лексикографический слой представляет собой особенную трудность, поскольку он подвержен влиянию многих внеязыковых факторов, и, одновременно, в некоторой степени зависит от других «ярусов языка» (морфологии, синтаксиса, текста). Размышления над стабилизацией англицизмов в польском языке привели к конкретным выводам, которые не претендуют на то, чтобы быть обобщениями - для их получения необходимо провести исследование более многочисленного материала и, возможно, повторить анализ через заданные интервалы времени. Нам кажется, однако, что эти выводы станут поводом для дальнейшего изучения тематики. Они заключаются в следующем:

1. стабилизации англицизмов способствует корень латинского или греческого происхождения,

2. легче стабилизируются англицизмы, в которых присутствует уже вошедший в польский язык корень,

3. закрепленность в языке заимствований обусловлена также их морфемным составом:

3.1. более стабильными являются англицизмы, в морфемном составе которых находятся уже известные в польском языке элементы,

3.2. большей стабильностью характеризуются англицизмы, которые семантически вписываются в существующие в польском языке словообразовательные категории.

Следует также особенно подчеркнуть, что исследование стабильности заимствований в польском языке должно касаться конкретного языка и не может носить обобщающего характера. Это объясняется фактом, что необходимо учитывать особенности как языка-получателя (польского), так и языка-донора. Это подтверждается также уже упомянутым в начале статьи текстом Крыстыны Клещовой об украинизмах в польском языке (Kleszczowa 2010). Один из выводов автора гласит, что лучше в польском языке стабилизируются украинизмы, в основе которых находятся чуждые польскому языку корни. В случае англицизмов, как показал проведенный анализ, была выявлена противоположная закономерность.

Литература:

Bartmiński J., 1992, *Nazwiska obce na tle kontaktów językowych i kulturowych*, [w:] J. Maćkiewicz, J. Siatkowski red. *Język a kultura*, t. 7. *Kontakty języka polskiego z innymi językami na tle kontaktów kulturowych*, Wrocław, s. 9-14.

Greń Z., Holly K., Itoya B, Mętrak M., Smółkowa T., Żółtak A., 2016, *Języki zachodniosłowiańskie wobec pożyczek angielskich w ostatnim dwudziestoleciu – gramatyka, leksyka, pragmatyka, uwarunkowania społeczno-kulturowe*, Kraków 2016, s.117-221.

Grzegorzycykowa R., Laskowski R., Wróbel H. red., 1998, *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, Warszawa.

Jadacka H. 2001 (red.), *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. T. 2: Gniazda odrzeczownikowe*. Kraków.

Janowska A., 2018, *W pułapce czasu. Jak zdefiniować stabilność?*, [w:] T. Mika, D. Rojszczak-Robińska, O. Ziółkowska red. *Terminy w językoznawstwie synchronicznymi diachronicznym*, Poznań.

Kleszczowa K., 2000, *Rola pożyczek w przekształcaniu polskiego systemu słowotwórczego*, [w:] *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów. Katowice 27–29 września 2000 r., red. Krystyna Kleszczowa, Ludwig Selimski, Katowice 2001, s. 203–208.

Kleszczowa K., 2010, *Rola słowotwórstwa w przejmowaniu i stabilizacji pożyczek (na przykładzie polskich ukrainizmów)* В: *Відображення історії та культури народу в слово-творенні*. Видавничий Дім Дмитра Бураго, Київ 2010, с. 110–119.

Lewaszkiwicz T., 1994, *O potrzebie nowego spojrzenia na genezę polskiego języka literackiego (z uwzględnieniem tła ogólnoeuropejskiego)*, [w:] M. Kucała, Z. Krążyńska red. *Studia historycznojęzykowe I*, Kraków, s. 213–221.

Mańczak-Wohlfeld E., 1994, *Angielskie elementy leksykalne w języku polskim*, Kraków.

Moszyńska D., 1975, *Morfologia zapożyczeń greckich i łacińskich w polszczyźnie*, *Prace Językoznawcze 75*, Komitet Językoznawstwa PAN, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław.

Smółkowa T., 1998, *Słownictwo – zmienność i stabilność*, „Prace Filologiczne”, t. 43, s. 425–431.

Twardowski K., 1992 *Podstawy wiedzy ludzkiej*, [w:] tenże, *Wybór pism psychologicznych i pedagogicznych*, wybór i opracowanie Ryszard Jadczyk, Warszawa, s. 302–314.

Walczak B., 1982, *Z zagadnień etymologizacji zapożyczeń romańskich w języku polskim* [w:] Tokarski R., red. *Język – Teoria – Dydaktyka, Materiały V konferencji młodych językoznawców dydaktyków*, Nowa Wieś Szlachecka 16-17 maja 1980, Kielce, s. 172-194.

Walczak B., 2012, *Od średniowiecznej do współczesnej polszczyzny, czyli o stałości w języku*, „Studia Językoznawcze. Synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny” 11, s. 209- 220, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego.

Waszakowa K., 2005, *Przejawy internacjonalizacji w słownictwie współczesnej polszczyzny*, Warszawa.

Waszakowa K., 1994, *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne obce*, Warszawa.

Weinreich U., 1970. *Languages in contact. Findings and problems*. [ed. VII]. New York.

Witalisz A., 2016, *Przewodnik po anglicyzmach w języku polskim*, Kraków.

Источники и используемые сокращения:

Bąk S. [et. al.] red., 1956-2009, *Słownik polszczyzny XVI wieku*, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Warszawa: Instytut Badań Literackich (SXVI)

Doroszewski W., red. 1958-1969, *Słownik języka polskiego*, Warszawa: Polskie Wydawnictwo Naukowe (SD)

Dubisz S., red., 2003, *Uniwersalny słownik języka polskiego*, Warszawa: Polskie Wydawnictwo Naukowe (USJP)

Jadacka H, Bondkowska M. [et.al], 2001, *Słownik gniazd słotwórczych współczesnego języka polskiego, t. 2. Gniazda odrzeczownikowe*, Kraków: Universitas.

Mańczak-Wohlfeld E., red., 2010, *Słownik zapożyczeń angielskich w polszczyźnie*, Warszawa: Polskie Wydawnictwo Naukowe (SZang)

Urbańczyk S.[et. al.] red., 1953-2002, *Słownik staropolski*, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. (SStp)

Narodowy Fotokorpus Języka Polskiego, <http://nfjp.pl/search?q=adaptacja> [дата обращения 27.05.2018]

Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce, <http://scriptores.pl/elexicon/#> [дата обращения 01.06.2018]

<http://sprxvi.edu.pl/indeks/szukaj/?tryb=2&q=cyja&typ=&porzadek=0> [дата обращения 31.05.2018]

РАЗДЕЛ 7

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АФФИКСЫ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ПСЕВДОРЕАЛИЙ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ¹

Елена Васильевна Петрухина

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, РФ)*

elena.petrukhina@gmail.com

Дмитрий Кириллович Поляков

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, РФ)

vbz2005@yandex.ru

В работе предлагается анализ системы словообразовательных средств, маркирующих несоответствие действительности или представлениям о норме в русском языке в сопоставлении с чешским. Детальную сегментацию разных типов такого несоответствия обеспечивает комплекс интернациональных и исконных аффиксов и аффиксоидов, позволяющий компактно выразить актуальные смыслы (рус. *псевдо-*, *квази-*, *фальш-*, *эрзац-*, *лже-*, *недо-*, *полу-*, *па-*, *ложно-*, *мнимо-*, *-оид*, *-видн(ый)*, *-подобн(ый)*, *-образн(ый)*; чеш. *pseudo-*, *kvazi-*, *lži-*, *rádoby-*, *skoro-*, *téměř-*, *také-/taky-*, *pa-*, *jako-/jakoby-/jakože-*, *polo-*, *-oid*, *-vit(ý)*). Их взаимодействие и конкуренция описывается с использованием понятия семантико-словообразовательной категории (ССК). Ядро ССК в обоих языках образуют производные слова с греко-латинскими аффиксами *псевдо-*, *квази-*; *pseudo-*, *kvazi-/quasi-*, в русском языке к ядру можно отнести также префиксоид *лже-*. Словообразовательный инвентарь ближней и дальней периферии ССК проявляет в русском и чешском языках черты как сходства, так и различия формантов по происхождению, по семантике, по функциональной и стилистической нагрузке.

Ключевые слова: русский язык, чешский язык, словообразование, сопоставительная лингвистика, псевдореалии, аффиксация

The chapter analyses the system of typical markers, which make it possible to record and classify discrepancy with the reality or the vision of the norm in Russian as compared to Czech. A complex of international and original affixes and affixoids provides for the detailed segmentation of marking the discrepancy with the reality or the norm and enables it to express actual denotations concisely by derivational means (рус. *псевдо-*, *квази-*, *фальш-*, *эрзац-*, *лже-*, *недо-*, *полу-*,

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532-ОГН\18.

na-, *ложно-*, *мнимо-*, *-oid*, *-видн(ый)*, *-подобн(ый)*, *-образн(ый)*; чеш. *pseudo-*, *kvazi-*, *lži-*, *rádoby-*, *skoro-*, *téměř-*, *take-/taky-*, *pa-*, *jako-/jakoby-/jakože-*, *polo-*, *-oid*, *-vit(y)*). The interaction and competition of these formants is described with the use of the notion of semantic-derivational category (SDC). The core of the SDC is formed by the derivatives with Greek and Latin affixes *псевдо-*, *квази-*; *pseudo-*, *kvazi-/quasi-*, and in addition, *лже-* considered as a core element in Russian. Word-formation inventory of the closer and further periphery of the SDC reveals both similarities and differences of formants in Russian and Czech in terms of their origin, semantics, functional and stylistic load.

Key words: Russian language, Czech language, word formation, contrastive linguistics, pseudo-realia, affixation

1. Вступление: «лингвистика лжи» и маркеры псевдореальности

В статье анализируется система типовых маркеров, позволяющих фиксировать и классифицировать несоответствие действительности или представлениям о норме в русском языке в сопоставлении с чешским. В славянских языках большую роль в данной семантической области играют словообразовательные средства, обладающие целым рядом особенностей в сравнении с лексическими показателями.

В современной лингвистике в течение XX и начала XXI веков сформировалось целое направление, изучающее языковые средства выражения лжи, обмана и неискреннего дискурса – «лингвистика лжи» (Вайнрих 1987; Ленец 2008). В эпоху развития информационного общества и глобализации центр изучения данной проблемы перемещается в медиа- и интернет-среду, создаваемую средствами массовой информации (СМИ) и интернет-коммуникации. Еще в начале 20-х годов прошлого века один из первых исследователей медиареальности У. Липпман в своей книге «Общественное мнение» (1922) показал, что созданная СМИ «псевдоокружающая среда» по разным причинам имеет мало общего с реальностью (Липпман 2004). С тех пор, особенно по мере развития новых компьютерных технологий, данная проблема становится все острее.

Универсальными средствами констатации обмана и несоответствия реальности являются лексические единицы, прежде всего имена, анализ словарных дефиниций которых позволяет в самом общем виде представить их типы в сопоставляемых языках. В русском языке это стилистически нейтральные общие номинации *ложь*, *обман*, *неправда*, *фальсификация*, *выдумка* и производные от них, а также оценочные лексемы (*вранье*, *вздор*, *чушь*, *бред*, *бредни*, *брехня* и др.), которые характеризуют прежде всего информационные и другие речевые произведения. При этом лексемы *неправда*, *выдумка* (а также *вздор*, *чушь*) могут быть связаны как с осознанным обманом, так и с заблуждением говорящего. Чешский язык также располагает и нейтральными, и экспрессивными, как правило, негативно оценочными номинациями. К первым относятся *lež* ‘ложь’, *nepravda* ‘неправда’, *smyšlenka* ‘выдумка’, *vůmysl* ‘вымысел’, *klam* ‘обман’,

podvod ‘обман (преднамеренный)’, ко вторым – *podfuk* ‘вранье, надувательство’, *žvást* ‘бредни’. Все эти имена могут относиться и к сообщениям СМИ; кроме того, для медиасреды имеются и специфические лексемы и устойчивые сочетания, такие как *газетная утка* и, в последнее время, *фейк* (чеш. *novinářská kachna*, *fake*, *fake news*). В производственных дискурсах частотны *фальшивка*, *фальсификат* (*falzifikát*, *falzum*), *подделка* (*padělek*, *podvrh*), *имитация* (*napodobenina*), *контрафакт* и др.

В русском и чешском языках растет употребительность интернационального слова *симулякр* (*simulakrum*, от лат. *simulacrum*). Возникнув во времена античности и будучи первоначально исключительно философским термином, оно (уже в трактовке французских философов-постмодернистов Ж. Батая, Ж. Бодрийяра и др.) обозначает то, чего не существует в реальности, т. е. «образ, лишенный сходства с предметом, но создающий эффект подобия» (Огурцов 2010), и в этом значении заимствуется другими гуманитарными науками (семиотикой, культурологией, социологией), а затем и входит в состав общеупотребительной лексики. Терминами гуманитарных наук и вместе с тем общеупотребительными словами являются также *фикция* (чеш. *fikce*) или *мистификация* (чеш. *mystifikace*), обозначающие как конечный «продукт», так и процесс его создания. Наконец, два связанных значения – ‘обман, подделка, мошенничество’, а также ‘неискренность, лицемерие’ в обоих языках имеет ключевое для данного поля слово *фальшь* (*faleš*) и его дериваты (*фальшивый*, *falešný* ‘фальшивый, ложный, ненастоящий’ и др.).

В специальных работах, посвященных концепту обмана и неискреннему дискурсу, описываются и другие лексические единицы (Панченко 2005), но при этом не рассматриваются аффиксы и словообразовательные типы. Между тем именно словообразовательные форманты выступают как типовые **маркеры распознанного несоответствия реальности** или норме (либо представлениям говорящего о норме).

В обоих языках для обозначения псевдореалий преобладают интернациональные аффиксы греческого или латинского происхождения (Голанова 1975; Рацибурская 2009; Koriakowsewa 2009; Земская 1996: 115; Martincová 1997: 162), свидетельствующие о том, что проблемы фикции и несоответствия норме издавна волновали человечество: *псевдо-*, *pseudo-* (*псевдолитература*, *pseudoliteratura*); *квази-*, *kvazi-/quasi-*¹ (*квазиспециалист*, *kvaziodborník*); *пара-*, *para-* (*паранормальный*, *paranormální*), *суб-*, *sub-* (*сублитература*, *subliteratura*) и др., суффикс *-oid*, *-oid* (*префиксoid*, *префиксoid*). Наше исследование показало, что в последние десятилетия их употребительность в русском и чешском языках растет. Активизация подобных префиксов отмечается и в английском языке (Hamawand 2013). Все это соответствует общим тенденциям глобализации лексики и подтверждает новый этап «внутриславянского объединения», особенно ярко выраженного в

¹ Более распространено сейчас написание *kvazi-*, которое мы используем в дальнейшем изложении.

словообразовании (Ohnheiser 2003: 334). В данной семантической области вместе с интернациональными активизируются и исконные форманты: *лже-* (*лжеученый*), *недо-* (*недочеловек*), *мнимо* (*мнимоисторический*) и др.; чешск. *rádoby-* (*rádobykritik* ‘псевдокритик’), *lži-* (*lžipropaganda* ‘лжепропаганда’), *také-/taky-* (*takyodborník* ‘псевдоспециалист, горе-специалист’) и др.

2. Цели, задачи и материал исследования

Исследование направлено на то, чтобы изучить и описать в сопоставляемых языках специфику выражения псевдореалий словообразовательными средствами. Данное значение мы понимаем широко, оно охватывает разные типы несоответствия действительности, норме или стандарту. Это предполагает решение нескольких взаимосвязанных задач: 1) установить типы распознанного несоответствия; 2) определить центральные (ядерные) и периферийные словообразовательные средства выражения семантических типов по данным национальных корпусов русского и чешского языков; 3) сопоставить частотность ядерных средств; 4) изучить в каждом языке соотношение заимствованных и исконных формантов и др.

Сопоставительное исследование выявляет особенности каждого из языков в данной семантической области и открывает перспективы для общеславянского анализа. Основным материалом для исследования послужили национальные корпуса русского и чешского языков. Для анализа русского материала был использован Национальный корпус русского языка (НКРЯ) объемом более 283 млн. слов. Чешский материал почерпнут в основном из корпуса SYN2015, включающего в себя более 100 млн. слов (преимущественно из текстов 2010–2014 г.). Это последний на данный момент репрезентативный корпус чешского языка, где в равных долях представлены художественная, публицистическая (включая тексты СМИ) и специальная (т. е. научная, научно-популярная, деловая, нон-фикшн) литература¹. При анализе частотности учитывались и другие подкорпуса, входящие в Чешский национальный корпус, а также чешская база неологизмов Neomat, где фиксируется новая лексика с начала 1990-х гг. Кроме того, был использован поиск в Интернете. Соответственно, при изучении частотности формантов и образованных с их помощью слов мы применяли методы корпусного анализа, позволившие объективировать наблюдения об активизации некоторых словообразовательных моделей, их конкуренции и стилистических особенностях. Языковой корпус представляет собой удобную базу для проведения как монолингвального, так и сопоставительного исследования на определенном синхронном срезе: именно корпусный анализ помогает выявить наиболее частотные в данный период времени лексемы с рассматриваемыми словообразовательными элементами.

¹ В предыдущих корпусах серии SYN соотношение художественной, специальной и публицистической литературы было иным; подробнее см. на www.korpus.cz.

3. Общая характеристика системы морфем со значением несоответствия действительности и норме в сопоставляемых языках

Русский и чешский языки демонстрируют значительное сходство состава аффиксов / аффиксоидов (см. ниже), непосредственно выражающих несоответствие действительности, норме или стандарту (всему тому, что называет производящая база). Вот более полный список морфем, некоторые из которых мы называли выше: префиксы и префиксоиды: рус. *псевдо-*, *квази-*, *фальш-*, *эрзац-*, *лже-*, *недо-*, *полу-*, *на-*, *ложно-*, *мнимо-*, чеш. *pseudo-*, *kvazi-*, *lži-*, *rádoby-*, *skoro-*, *téměř-*, *také-/taky-*, *pa-*, *jako-/jakoby-/jakože-*, *polo-*; суффиксы и суффиксоиды: *-oid*, *-видн(ый)*, *-подобн(ый)*, *-образн(ый)*, чеш. *-oid*, *-vit(ý)*. В следующих разделах будут рассмотрены сходства и различия в частотности, деривационном потенциале, функциональной активности и стилистической окраске данных формантов.

Как видно уже из приведенного списка, в обоих языках совпадают интернациональные маркеры анализируемого значения: *pseudo-*, *kvazi-*, *-oid*, а также общеславянские *лже-* / *lži-* и *на-* / *pa-* (имеющие, однако, разную продуктивность и области функционирования, о чем см. ниже). Кроме того, в чешском языке отсутствуют аффиксоиды немецкого происхождения *фальш-* и *эрзац-* (ср. *фальштена* – *falešná stěna*, *фальшпол* – *falešná podlaha*, *фальшкамин* – *falešný krb*), но широко представлены собственные препозитивные элементы, конвертированные из других частей речи (в основном из наречий) и не участвующие в образовании терминов. Наиболее частотными среди них являются *rádoby-* и *skoro-*: *rádobyherec* ‘псевдоактер’, *skoromanžel* ‘почти муж’, затем следуют *také-/taky-*, *téměř-*, *jako-/jakoby-/jakože-*, различающиеся степенью экспрессивности. Для русского не характерна такая конвертация, что – вкупе с отсутствием вышеупомянутых аффиксоидов-германизмов – позволяет постулировать для чешского языка в сравнении с русским больший удельный вес исконных элементов в рассматриваемой категории.

Семантика несоответствия действительности, норме или стандарту, выраженная словообразовательными средствами, объединяет целый ряд словообразовательных категорий имен существительных и прилагательных с заимствованными и исконными аффиксами. Поэтому в дальнейшем мы исходим из семантико-словообразовательной категории (Кадьякалова 1991, 1994; Коряковцева 1998, 1999, 2008; Петрухина 2001) как динамической системы, которая формируется несколькими словообразовательными категориями, объединенными сходным значением.

4. Семантико-словообразовательная категория со значением несоответствия действительности, норме или стандарту

4.1. Общая характеристика. В русском и чешском языках существует целый ряд словообразовательных категорий (как объединений словообразовательных типов со сходным словообразовательным значением (Dokulil 1962: 204), выражающих несоответствие действительности,

стандарту или норме, такое как: 1) фальсификация, подмена или качественное несоответствие эталону, имитация (*псевдо-, лже-, квази-, вместо-, недо-, фальш-*; *pseudo-, kvazi-, lži-, rádobu-, také-/taky-*); 2) похожесть с качественными отличиями (*квази-, псевдо-, -oid, эрзац-, -видн(ый), -подобн(ый), -образн(ый)*; *kvazi-, pseudo-, -oid, pa-*); 3) более низкое или смежное положение в иерархии (*суб-, под-, пара-, недо-, полу-, около-*; *sub-, pod-, para-, skoro-, téměř-, polo-*); 4) отрицание тождества и противоположность (*не-, анти-, контр-, против-* и др.; *ne-, bez-, anti-, proti-, kontra-, vzdoro-, truc-*); 5) качественно иная последующая фаза существования (*мета-, пост-, после-*; *post-, po-*); 6) выход за онтологические рамки стандарта (*гипер-, транс-, сверх-*; *hyper-, nad-, trans-*)¹.

Среди имеющихся формантов преобладают префиксы, есть один суффикс (*-oid / -oid*) и несколько морфем переходного типа – *лже-, фальш-, ложно-, мнимо-, -подобный, -видный, rádobu-, skoro-, téměř, vzdoro-, truc-* и др., которые мы рассматриваем как аффиксоиды². Аффиксоиды обладают лексическим значением, сходным со значением корневых морфем, но отличаются от последних функциональным сходством с аффиксами – типовым характером значения и употребления, регулярностью соединения с многими корнями.

Данные словообразовательные категории и входящие в них производные слова в зависимости от условий коммуникации, типа дискурса и семантики производящей основы могут тесно взаимодействовать, сближаться и пересекаться, формируя особую когнитивную структуру, упорядочивающую наши знания о типах несоответствия действительности и стандарту, – семантико-словообразовательную категорию. Это понятие, введенное в российскую лингвистику в 90-е годы XX в. (Кадькалова 1991, 1994; Коряковцева 1998, 1999), передает иерархическое устройство системы словообразовательных категорий и их взаимодействие на семантической основе. Семантико-словообразовательная категория (в дальнейшем ССК) предстает как комплексная единица, которая формируется группой словообразовательных категорий (СК) на основе семантической общности и входит в соответствующую ономаσιологическую категорию. ССК могут

¹ Относительно словообразовательного статуса ряда указанных элементов среди исследователей нет единства: особенно заимствованные препозитивные морфемы могут трактоваться по-разному, ср. интерпретацию морфемы *псевдо-* как префикса (АГ 1970: 150), первой части сложного слова (БАС 2012: 448) или его «связанного компонента» (РГ 1980: 244), либо как прилагательного-аналита (Панов 1971). То же характерно и для чешской лингвистической традиции; обзор точек зрения на статус этих элементов см. в (Šmídová 2003).

² Под термином «аффиксоид» понимается «компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу-суффиксу (для последних компонентов сложения) или префиксу (для первых компонентов)» (Русский язык. Энциклопедия 1979), см. также (Martincová 2017a; 2017b).

быть нескольких уровней обобщения, в зависимости от учета (или неучета) частеречной принадлежности производящей базы и способа словообразования производного (Коряковцева 1998; 2008).

В настоящем исследовании мы отмечаем возможность объединения на основе общей семантики несоответствия реальности или норме (стандарту) СК разных частей речи – большинство префиксов и префиксоидов и в русском, и в чешском языках свободно сочетаются и с существительными, и прилагательными (окказионально также и с наречиями и глаголами). Например, в первых ста документах в НКРЯ встретилось приблизительно равное количество имен существительных и прилагательных (по 30 производных) с приставкой *псевдо-*: *псевдобог*, *псевдобольшинство*, *псевдовещь*, *псевдовуз*, *псевдоготовность*, *псевдодемократ*, *псевдоисторик*, *псевдокамень*, *псевдокосточка*, *псевдоменьшинство* и др.; прилаг. *псевдоакустический*, *псевдоантичный*, *псевдоарабский*, *псевдовеликий*, *псевдовосточный*, *псевдовысший*, *псевдогерманский*, *псевдоготический*, *псевдодокументальный*, *псевдоиспанский*, *псевдоисторический*, *псевдокубический*, *псевдокультурный*, *псевдорелигиозный* и др.

В чешском языке среди первых ста вхождений в корпусе SYN2015 существительных встретилось приблизительно в 2 раза больше, чем прилагательных (45 / 23)¹. Например, сущ. (первые пять существительных и прилагательных имеют терминологический характер, в чешской выборке терминов оказалось больше, чем в русской): *pseudobazilika* ‘псевдобазилика’, *pseudocysta* ‘псевдокиста’, *pseudoefedrin* ‘псевдоэфедрин’, *pseudogotika* ‘псевдоготика’, *pseudokras* ‘псевдокарст’, *pseudoautorita* ‘псевдоавторитет’, *pseudoelita* ‘псевдоэлита’, *pseudohodnota* ‘псевдозначение, псевдоценность’, *pseudokomunikace* ‘псевдокоммуникация’, *pseudokultura* ‘псевдокультура’, *pseudokomunikace* ‘псевдокоммуникация’; прилаг.: *pseudoantropomorfni* ‘псевдоантропоморфный’, *pseudoizochromatický* ‘псевдоизохроматический’, *pseudogotický* ‘псевдоготический’, *pseudohexagonální* ‘псевдогексагональный’, *pseudoepigrafický* ‘псевдоэпиграфический’, *pseudohistorický* ‘псевдоисторический’, *pseudoinsitní* ‘псевдонаивный’, *pseudodokumentární* ‘псевдодокументальный’ и др.

4.2. Ядро ССК. Ядро соответствующей ССК в обоих языках образуют производные слова с греко-латинскими аффиксами *псевдо-*, *квази-*; *pseudo-*, *kvazi-*; в русском языке к ядру можно отнести также префиксоид *лже-*. Обращает на себя внимание полифункциональность этих морфем, отнесенных нами к двум семантическим разрядам – со значениями 1) фальсификации, подмены и имитации, 2) похожести с качественными отличиями.

Как показало исследование, наиболее универсальным выразителем значения несоответствия реальности (стандарту, представлениям говорящего о норме) в обоих языках выступает префикс *псевдо-*, *pseudo-*. Обладая

¹ Впрочем, если проанализировать все встретившиеся в корпусе слова с *pseudo-*, мы получим меньшую разницу: на 256 существительных приходится 155 прилагательных.

большим стилистическим и сочетаемым потенциалом, он участвует в образовании как терминов, так и оценочных номинаций. Эта морфема употребляется в обоих корпусах более чем в 2 раза чаще, чем следующий по частоте элемент (для чешского это *kvazi-*, для русского – *лже-*). При этом показательно, что из 437 обнаруженных лексем с префиксом *pseudo-* в чешском корпусе SYN2015 305 встречается всего 1 раз (70 %); частотность от 3 и выше имеют всего 74 лексемы (меньше 17 %). Для русского языка ситуация аналогичная: префикс *псевдо-* обладает практически свободной сочетаемостью, поэтому среди зафиксированных в НКРЯ производных с данным префиксом также преобладают слова с частотностью 1. Отметим, что большая часть низкочастотных дериватов с формантом *псевдо-* из обоих корпусов не зафиксирована в русских и чешских словарях (например, *псевдоулыбка*, *псевдолюбовь*, *псевдомолодежный*; *pseudoprobém* ‘псевдопроблема’, *pseudoreforma* ‘псевдореформа’, *pseudonaivní* ‘псевдонаивный’).

Этот префикс среди всех рассмотренных выше маркеров выступает наиболее однозначным показателем фальсификации и обмана, свободно соединяясь с номинациями разнообразных предметов, явлений и качеств, как в следующих примерах (из НКРЯ): *Если псевдоброкер навязывает вам единственный вариант, обзвоните нескольких его конкурентов – они будут рады сделать бесплатный расчёт по интересующим вас страховым компаниям* (Наука и жизнь, 2009); *Ещё одна зона потерь частных денег – псевдовысшее образование* (Итоги, 2003); *Одним словом, это не просто псевдосыр, имитирующий фету или брынзу, а плавленый сырок!* (Наука и жизнь, 2009).

Сходным образом данный префикс используется и в острых политических статьях, где анализируются приемы политических противников в «замещении реальности **псевдореальностью**» и создании фейков, см., например: *О том, как западные СМИ искажают информацию и создают таким образом псевдореальность, и о том, что Россия может этому противопоставить, говорили участники «круглого стола» в верхней палате парламента* (<http://vmeste-rf.tv/news/198952/>).

Приведем аналогичные чешские примеры из корпуса SYN2015 (отметим, что соответствующие русские переводные эквиваленты столь же вероятны, как и чешские оригиналы): *Přitom dokázat podniku či živnostníkovi nelegální podnikání, tedy to, že využívá místo řádných zaměstnanců pseudoživnostníky, nebude žádná legrace* (Hospodářské noviny, 2012). ‘При этом доказать, что предприятие или предприниматель занимаются нелегальной предпринимательской деятельностью, то есть используют вместо наемных работников **псевдопредпринимателей**, будет очень сложно’; *Jestliže nesnášíte křehčené a vodou napouštěné „pseudomaso“, zajed'te na ekofarmu* (Moje psychologie, 2013) ‘Если вы не выносите шприцованное, накачанное водой «**псевдомясо**», поезжайте на экоферму’.

Но в выборке из первых 100 примеров большая часть дериватов с *псевдо-* и *pseudo-* в обоих языках выражает скорее экспрессивную оценку несоответствия **представлениям** о норме и стандарте того объекта или свойства, которые называет производящее слово, чем фальсификацию, иными словами, «негативную оценку явлений» (Lotko 2009: 248): *Оказалось, что психология молодая и перспективная псевдонаука, в которой еще ничего толком не сделано* (Е. Завершнева, 2012). *Starosta se choval jako komunističtí pseudoarchitekti ve 30. letech, kteří volali: „Vše staré musí ustoupit novému...“* (Lidové noviny, 2010) ‘Мэр вел себя как коммунистические **псевдоархитекторы** в 30-е годы, восклицавшие: «Все старое должно уступить новому...»’.

Кроме того, в обоих языках встречается терминологическое употребление данного форманта со значением ‘почти’ (*псевдоакустический*; часто – в медицинской и биологической терминологии: *псевдоартроз, псевдоанемия, псевдоопухоль, псевдодемениция; pseudotuberkulóza* ‘псевдотуберкулез’, *pseudogen* ‘псевдоген’ и др.), а также со значением имитации, как, например, в следующем чешском примере и его русском переводе: *Všichni měli na sobě pseudovenkovské oděvy od Abercrombieho a Fitcha* (Е. Segal, 1996, корпус SYN2000) ‘На всех были **псевдодеревенские** наряды от Аберкромби и Фитч’.

В русском языке как маркер фальсификации, подмены и обмана активен также префиксоид *лже-*. Ср.: существ. *лженаука, лжесвидетельство, лжесвидетель, лжеученый, лжеучебник, лжепрофессор, лжеопыт, лжемелодрама, лжежена, лжедоказательство, лжедиссертация, лжецерковь, лжесоборность, лжеучитель, лжеправедность, лжеподвиг, лжедуховность, лжепредприятие, лжефильм, лжепроповедник, лжепредпринимательство*; прилаг. *лжекаракулевый, лжедуховный, лженаучный*. Ряд приведенных дериватов употреблены в экспрессивно-оценочном значении, но многие из них однозначно маркируют фальсификацию и обман, например: *Чтобы развестись с мадам Лыжиной-Шлиман, нанял лжесвидетелей* (Слава Сэ, 2010). *Тогда злоумышленники создали четыре лжепредприятия, расчетные счета которых были открыты в двух столичных банках* (коллективный форум, 2012). Однако возможно и терминологическое употребление этого префиксоида (со значением похожести): *лжеакация, лжежасмин, лжекувшинка, лжескорпион* и т. п.

В ядро изучаемых ССК в обоих языках входит также префикс *квази-*, *kvazi-*, толкование которого в словарях русского и чешского языков сходно с толкованием *псевдо-*, ср. также: «*псевдо-* – то же, что *квази-*» (РГ 1980: 244). Ср. примеры производных слов с *квази-* из НКРЯ, где в группах (а) производные имена существительные и прилагательные имеют терминологический характер и используются в научных текстах со значением ‘близкий по свойствам тому, что названо основой’, а в группах (б) дериваты имеют оценочное значение мнимости и несоответствия тому, что названо основой: существ. (а) *квазикристалл,*

квазиволна, квазипространство; (б) квазигоскомпания, квазиреальность, квазифольклор, квазиреволюция; прилагат. (а) квазиодномерный, квазикристаллический, квазустойчивый, квазистационарный, квазинейтральный, квазиготический, квазидивидендный, квазиотдаленный; (б) квазисуверенный, квазисудебный, квазинаучный, квазистатистический, квазиримский, квазисексуальный, квазигосударственный, квазирелигиозный, квазифундаментальный, квазипатриотический. Ср. пример (из НКРЯ) оценочного употребления квази-: *Ввиду сказанного считаю, что пока существует некий квазирынок в коммунальной сфере, нам приходится решать проблемы, которые вообще-то должно решать государство* (Новгородские ведомости, 2013). То же – и в чешском языке: существительные и прилагательные – термины (а) и оценочные дериваты (б). Существ.: (а) *kvazikrystal* ‘квазикристалл’, *kvazičástice* ‘квазичастица’, *kvazifrazém* ‘квазифразеологизм’, *kvaziprostor* ‘квазипространство’, (б) *quasi-manželka* ‘квазижена’, *kvaziterapeuta* ‘квазитерапевт’, *kvazidiskuse* ‘квазидискуссия’, *kvazimzda* ‘квазизарплата’, *kvazipokání* ‘квазипокаяние’, *kvazitotalitarismus* ‘квазитоталитаризм’; прилаг.: (а) *kvaziakustický* ‘квазиакустический’, *kvazicylindrický* ‘квазицилиндрический’, *kvazihyperbolický* ‘квазигиперболический’, (б) *kvazisoukromý* ‘квазичастный’, *kvazilidový* ‘квазинародный’, *kvazielitní* ‘квазиэлитный’, *kvazistátní* ‘квазигосударственный’, *kvazivědecký* ‘квазинаучный’, *kvazivládní* ‘квазиправительственный’, *kvazivýznamný* ‘квазизначительный’.

4.3. Частотность ядерных средств. По данным НКРЯ, наиболее употребительным формантом является *псевдо-*, затем по убывающей – *лже-* и *квази-*, причем частотность маркеров мнимого или не соответствующего норме положения дел *псевдо-* и *квази-* растет (с учетом и их терминологического употребления со значением ‘почти’).

Таблица 1

Морфема	Общий объем НКРЯ 283 431 966 словоупотреблений (в дальнейшем – сл.)	Период 1985–2000 гг. 44 946 429 сл.	Период 2000–2015 гг. 76 049 334 сл.
<i>псевдо-</i> кр. <i>псевдоним</i>	3 181 сл. 11,22 сл. на 1 млн сл.	506 сл. 11,26 сл. на 1 млн сл.	1 270 сл. 16,70 сл. на 1 млн сл.
<i>псевдо</i>	380 сл. 1,34 сл. на 1 млн сл.	24 сл. 0, 53 сл. на 1 млн сл.	184 сл. 2,42 сл. на 1 млн сл.
<i>лже-</i> кр. <i>лжец</i> (сущ. и прил.)	3 274 сл. 11,55 сл. на 1 млн сл.	510 сл. 11,34 сл. на 1 млн сл.	747 сл. 9,82 сл. на 1 млн сл.
<i>квази-</i>	886 сл. 3,13 сл. на 1 млн сл.	169 сл. 3,76 сл. на 1 млн сл.	565 сл. 7,43 сл. на 1 млн сл.
<i>квази</i> (раздельное написание и через дефис)	91 сл. 0,321 сл. на 1 млн сл.	8 сл. 0,178 сл. на 1 млн сл.	41 0,539 сл. на 1 млн сл.

Таблица 1 демонстрирует стабильный рост употребления производных с *псевдо-* в русском языке, особенно в период 2000–2015 гг. Мы видим также, что увеличивается количество дефисного или раздельного написания морфемы, которое может быть нескольких типов. Например: *Оно лишь наше представление о самих себе, наше псевдо- «я», которое хочет славы, утверждения за счет достижений других людей, за счет отождествления себя с группой людей* (Эксперт, 2013). *Она подняла голову. Её глаза расширились. Серая игольчатая радуга её глаз светилась просьбой о прощении и понимании. – Это – псевдо, – одним дыханием, без голоса добавила она.* (А. Солженицын. В круге первом, т. 1). Встречается и дефисное написание приставки (типа *псевдо-документ, псевдо-личность*), которая чаще пишется слитно. Употребление же префиксоида *лже-* в сопоставляемые пятнадцатилетние периоды уменьшилось (с **11,34** словоупотреблений на 1 млн слов до **9,82**). Но наибольший прирост количества употреблений дает префикс *квази-* – в два раза выросла его частотность в XXI веке по сравнению с предшествующим пятнадцатилетним периодом. Как показывает анализ примеров, это произошло в основном за счет терминологического использования.

Таблица 2 отражает результат сопоставительного исследования частотности, семантики и сочетаемости *псевдо-* и *pseudo-* по данным национальных корпусов и демонстрирует большую употребительность производных с анализируемым префиксом в русском языке, чем в чешском (начиная с 2000 г.). Это, по всей видимости, можно объяснить большим числом синонимичных оценочных средств в чешском языке, чем в русском (см. ниже).

Таблица 2

Морфемы	НКРЯ 1990–1999 гг.: 31 096 229 сл.	НКРЯ 2000–2009 гг.: 66 144 465 сл.	НКРЯ 2010–2014 гг.: 9 386 516 сл.
<i>псевдо-</i> (кр. <i>псевдоним</i>)	318 сл. 10,22 сл. на 1 млн сл.	1113 сл. 16,83 сл. на 1 млн сл.	144 сл. / 15,34 на 1 млн сл.
	SYN2000 (1990–1999 гг.): 100 061 381 сл.	SYN2005 (2000–2004 гг.): 101 355 116 сл.	SYN2010 (2005–2009 гг.): 101 219 603 сл.
			SYN2015 (2010–2014 гг.): 100 838 568 сл.
<i>pseudo-</i> (кр. <i>pseudonym</i> и дериваты)	1215 сл. 12,14 сл. на 1 млн сл.	1095 сл. 10,80 сл. на 1 млн сл.	1065 сл. 10,52 сл. на 1 млн сл.
		итого 2000–2009 гг. – 10,66 сл. на 1 млн сл.	1100 сл. 10,91 сл. на 1 млн сл.

4.4. Периферия ССК (ближняя и дальняя). Словообразовательный инвентарь ближней и дальней периферии данной ССК проявляет в русском и чешском языках черты как сходства, так и различия формантов

по происхождению, по семантике, по функциональной и стилистической нагрузке. В ближней периферии рассматриваемой ССК в русском языке находятся форманты, выражающие несоответствие реальности, имитацию и фальсификацию (префиксоиды *ложно-* и *мнимо-*), неполное подобие тому, что названо производящей основой (суффикс *-oid*) или недостаточность, неполное соответствие (*недо-*, *полу-*). Периферийные форманты характеризуются меньшей частотностью, чем рассмотренные выше ядерные, а также употреблением преимущественно либо в терминологической области, либо с оценочным (обычно негативным) значением.

Если префиксоид *ложно-* является частью прилагательных (*ложноклассический*, *ложномодернистский*, *ложнорусский*, *ложноположительный*, *ложноотрицательный*, *ложнопозитивный*, *ложнонегативный*, *ложнофилософский*, *ложноправильный*) и, реже, существительных-терминов (*ложноножка*, *ложнощитовка*, *ложноопенок*), то *мнимо-* используется, как правило, для создания оценочных имен прилагательных. При этом его написание не устоялось, поэтому в НКРЯ зафиксировано разные типы его орфографического оформления: 105 случаев слитного написания, в основном в современных текстах конца XX и начала XXI вв. (*мнимофедеративный*, *мнимопраздничный*, *мнимоправильный*, *мнимоматериалистический*, *мнимоисторический*, *мнимоинакомыслящий*, *мнимозначительный*, *мнимодетский*, *мнимоцельный*, *мнимофизический*, *мнимоединый*, *мнимоевропейский*, *мнимопатриотический*, *мниморелигиозный* и др.) и 324 случая написания через дефис или отдельного написания – в текстах преимущественно до 1980-х годов (*мнимо-скромна*, *мнимо-коллективна*, *мнимо-философский*, *мнимо-мертвая*, *мнимо утилитарные лозунги*, *мнимо научные теории*, *мнимо значительные лица*).

Именная приставка *недо-* со значением 'не обладающий полностью признаками того, что названо мотивирующим существительным' практически не употребляется для создания терминов, обычно используясь для выражения негативной оценки, например: *Все агрессивные национализмы, включая шовинизм, есть недохристианство, недочеловечность, недоинтеллигентность* (газ.) (Лопатин, Улукханов 2016; 576). Ср. также примеры из НКРЯ: *В советские времена, как любят теперь вспоминать, Прибалтика заменяла России границу. Поэтому в постсоветские годы её принято было трактовать как недозаграницу, такой самозванный Запад* (Известия, 2002); *Каким недочеловеком надо быть, чтобы покуситься на её жизнь!* (Н. Климонтович, 2001). Семантически приставке *недо-* подобен префиксоид *полу-* в одном из своих значений ('неполного обладания признаками того, что названо мотивирующим словом'). В то же время *полу-* не обязательно сопровождается негативной оценочностью: *Степанов все-таки был для нас почти полубогом* (LiveJournal, 2004). Если *недо-* актуализирует прежде всего недостаток неких свойств, то *полу-* наряду с этим может и отмечать близость тому, что названо мотивирующим словом.

Суффикс *-оид*, напротив, активен в терминологической области: «*сфер-оид* (спец.) ‘всякая поверхность, близкая к сфере’, *аффикс-оид* (спец.) ‘часть слова, близкая по своим функциям к аффиксу, но не являющаяся им в полной мере’» (Лопатин, Улуханов 2016). Его словарное толкование сходно с толкованием префикса *квази-* в терминологическом употреблении: ‘подобие тому, что названо мотивирующим словом, но имеющее отличия от него’. В НКРЯ также фиксируются преимущественно терминологические употребления данного суффикса (*сфероид*, *габброид*, *неоникотиноид*, *кристаллоид* и др.), хотя в отдельных примерах встречаются и в экспрессивно-оценочные номинации: *Это такой длинный скелетоид с рубильником?* (А. Иванов, 2012); *Вырастили поколение дебилов, которое теперь всё это снимает и показывает подрастающим дебилоидам* (интернет-форум, 2009–2011).

В дальней периферии изучаемой ССК, по всей видимости, располагаются суффиксоиды *-видный*, *-образный*, *-подобный*, а также заимствованные из немецкого языка префиксоиды *фальш-* и *эрзац-* и устаревший исконный префикс *па-*. Производные с суффиксоидами *-видный*, *-образный*, *-подобный* имеют в основном терминологическое употребление, со значением подобия тому, что названо мотивирующей базой (*зонтиковидный*, *стекловидный*, *древовидный*, *ракообразный*, *квадратообразный*, *дискообразный*, *воднообразный*, *простудоподобный*, *графитоподобный*). Ср. примеры из НКРЯ: *Значительную часть тела ариокарпуса составляет огромный реповидный корень...* (Первое сентября, 2004); *При иммунизации морских свинок инВЭ наблюдали небольшое волнообразное повышение активности системы комплемента...* (Вопросы вирусологии, 2004); *Внешние возмущения скачкообразные* (Информационные технологии, 2004). *В число этих расстройств входят нарушения развития психомоторики, церебростенический, неврозоподобный, психопатоподобный, дизэнцефальный синдромы* (Вопросы психологии, 2004). В образовании оценочных номинаций данные форманты участвуют редко, ср.: *...стражник, огромный, бочкообразный, самовароподобный, закрыл собою выход, положив составчатую руку на крышу башни* (В. Аксенов, 1963).

Уже упоминавшиеся морфемы-германизмы *фальш-* и *эрзац-*, хотя по семантике и ближе к ядру изучаемой ССК, чем рассмотренные суффиксоиды, но все же, по нашему мнению, находятся за рамками центра ССК и даже ближней периферии, так как обладают низкой частотностью. Префиксоид *эрзац-* толкуется следующим образом: ‘являющийся неполноценным заменителем чего либо’ (*эрзацискусство*, *эрзацкофе*, *эрзацлитература*, *эрзацтовар* и т. п.) [Ефремова 2000: 1063]. Он участвует в основном в создании негативно окрашенных окказионализмов: *Среди тех, с кем общаюсь я, совсем немного эрзац-патриотов, поддерживающих войну* (А. Рыклин, 2003); *Мертвые пластмассовые десны хитроумно обрамлены бутафорски-сплошными, бравыми, эрзац-голливудскими зубами* (М. Палей, 2008). При этом в НКРЯ зафиксировано его написание как через дефис (*эрзац-суп*, *эрзац-спектакль*), так и слитное (*эрзацваленок*, *эрзацфеномен*, *эрзацсукно*, *эрзацсигарета*, *эрзацпоэзия*,

эргацища). Встречается также использование его как существительного с отдельным написанием.

Формант *фальш-* участвует в образовании как терминов (*фальшборт, фальшкиль, фальшстена, фальшдекольте*), так и оценочных номинаций, ср. примеры из Интернета: *Эти две фальшидеологии* (псевдофашизм и псевдокоммунизм. – Е. П., Д. П.) *работают только на либералов, это их инструментарий* (А. Дугин); *...поддержим кандидата от фальшпартии фальшпенсионеров!* (интернет-форум).

Специализированной морфемой, слова с которой «называют предмет, явление, похожее на то, что названо мотивирующим словом» (РГ 1980: 229), является префикс *па-*. Как справедливо отмечает «Русская грамматика», тип с данным префиксом «непродуктивен и объединяет в основном слова, носящие диалектную окраску» (РГ 1980: 229): *паклен, паужин, паветер, пагруздь, паценок* (прост.); существительные с префиксом *па-* и суффиксом *-ок* могут также иметь значение неполноты признака (*пасынок, патрубок, падымок*) (РГ 1980: 233). В силу абсолютной непродуктивности мы относим этот префикс к дальнейшей периферии анализируемой ССК.

Принцип функционирования рассматриваемой ССК в чешском языке тот же: интернациональные полифункциональные элементы *pseudo-* и *kvazi-* находятся в ее центре, далее – собственно чешские морфемы (*pa-, lži-, rádoby-* и др.), которых значительно больше, чем в русском языке, затем – аффиксы и аффиксоиды, составляющие ядро смежных категорий (противоположности и противодействия, более низкого положения в иерархии и т. д.).

Префикс *pa-* в чешском языке, в отличие от своего русского структурного соответствия, сохраняет продуктивность (хотя отмечается ее снижение (Lotko 2009: 240)) и может иметь сразу несколько значений, выражая: «(1) негативную оценку явления (*pachuť, paumění, patok/patoky*), включая ее акцентирование (*pablb*), и очень близкое значение (2) подражания, имитации, поддельности (*paklíč, pavěda*). В специальной терминологии приставка не имеет функции оценки, выражая, как правило, значение (3) подобия (*pakiň, paježura, paryba, pajasan, paspárek, pahrb, paroh, panožka*); в этом значении присоединение префикса может сопровождаться изменением рода: *louka* → *palouk*» (Slovník afixů 2016: 463).

Именно семантически и функционально, таким образом, чешское *pa-* тождественно русскому *лже-*¹, сочетая в себе значение подобия в широком смысле (сопровожаемое либо не сопровождаемое оценочностью), которое может включать в себя и фальсификацию, подделку; кроме того, как и *лже-*, *pa-* является терминологическим маркером (*pajasan* – псевдоклен); в этом оно приближается к центральному элементу рассматриваемой категории – *pseudo-*. Отметим, что толкование дериватов с *pa-* в некоторых словарях осуществляется через синонимы с *pseudo-*: *rabásník* – *pseudobásník* ‘псевдопоэт’; *pakultura* –

¹ В некоторых случаях наблюдается и устойчивая терминологическая или околотерминологическая эквивалентность: так, понятию [буржуазная] лженаука в чешском языке устойчиво отвечает именно [buržoazní] pavěda (не živěda).

lžikultura, pseudokultura ‘псевдокультура’; *paliteratura – pseudoliteratura* ‘псевдолитература’ (SSJČ). В отличие от *лже-*, однако, мы относим *pa-* не к центру, а к ближней периферии ССК: несмотря на семантическую (совмещение в себе значений фальсификации, несоответствия представлениям говорящего о норме и похожести) и стилистическую (возможность маркировать и терминологические, и экспрессивно-оценочные номинации) полифункциональность, характерную для центральных элементов категории, продуктивность *pa-* постепенно снижается, что отражается и на частотных показателях: в корпусе SYN2015 нам встретилось ок. 30 производных с этим префиксом.

Большинство из них относится к терминам (*pacibulka* ‘луковица’, *pajasan* ‘айлант’, *pakomár* ‘комар-звонец’, *pakobyłka* ‘палочник’, *palist* ‘прилистник’, *panožka* ‘ложноножка’, *pakiň* ‘антилопа гну’, *pakloub* ‘ложный сустав’, *paovce* ‘гривистый баран’, *paroh* ‘олений рог’, *paryba* ‘хрящевая рыба’) или частотным общеупотребительным словам (*paklič* ‘отмычка’, *pablb* ‘глупец’, *pablesk* ‘отблеск’, *pachut* ‘привкус’, *pahorek* ‘пригорок’, *palouček* ‘полянка’, *razvuk* ‘отзвук’). Напротив, примеры оценочного употребления с малой частотностью – единичны (*paakt* ‘псевдоакт’, *pahodnota* ‘псевдоценность’, *pakultura* ‘псевдокультура’, *paslovo* ‘псевдослово’, *patvar* ‘псевдоформа’, *paumění* ‘псевдоискусство’, *pavěda* ‘псевдонаука’). В то же время в базе Neomat зафиксировано 47 неологизмов (*paargument* ‘псевдоаргумент’, *panovinář* ‘псевдожурналист’, *paotázka* ‘псевдовопрос’, *papřevrat* ‘псевдопереворот’, *pašlechta* ‘псевдодворянство’, *paruský* ‘псевдорусский’ и др.), что свидетельствует лишь об ограниченном снижении продуктивности этой морфемы.

Препозитивный элемент *lži-*, при полном структурном и генетическом соответствии русскому *лже-*, отнесенному нами к ядру ССК, обладает меньшим функциональным объемом, отвечая исключительно за значение ложности, фальсификации – в том числе по отношению к одушевленным объектам, в образовании терминов не участвует и регулярно несет негативную оценочность.

Словари толкуют эту морфему как привносящую значение ‘относящийся ко лжи, лживый, ненастоящий’ (Slovník afixů 2016: 341), в том числе – ‘выдающий себя за кого-л.’ (*lžibásník* ‘лжепоэт’, *lžikrál* ‘лжекороль’, *lžirevolucionář* ‘лжеревolucionер’ и др., примеры из (SSJČ)). Количество зафиксированных в том же словаре производных невелико (20, среди них – 2 прилагательных). При этом неологический материал демонстрирует продуктивность этого аффикса – хотя и несравнимую с продуктивностью греко-латинских морфем. В базе Neomat зарегистрировано 84 неологизма, все они имеют оценочный характер. Наиболее обширен семантический разряд наименований лиц, в т. ч. собственных (*Lžiludvík* ‘Лжелюдвик’, *Lžiwaldemar* ‘Лжевальдемар’; *lžiadvokát* ‘лжеадвокат’, *lžibiskup* ‘лжеепископ’, *lžikandidát* ‘лжекандидат’, *lžikomunista* ‘лжекоммунист’, *lžikouč* ‘лжекоуч’, *lžimagistr(a)* ‘лжемагистр’, *lžiprofesor* ‘лжепрофессор’), затем – организаций (*lžiškola* ‘лжешкола’, *lžikabinet (ministrů)* ‘лжекабинет (министров)’, *lžisupermarket*

‘лжесупермаркет’, *lžitribinál* ‘лжетрибунал’), территориальных образований (*lžistát* ‘лжегосударство’, *Lžimakedonie* ‘Лжемакедония’), артефактов (*lžinálepka* ‘лженаклейка’, *lžiraketa* ‘лжеракета’, *lžized* ‘лжестена’) и абстрактных сущностей (*lžiideologie* ‘лжеидеология’, *lžifaktor* ‘лжефактор’, *lžikariéra* ‘лжекарьера’, *lžimorálka* ‘лжемораль’). Окраинно засвидетельствовано образование новых относительных прилагательных (*lžigenerálský* ‘лжегенеральский’, *lžirasistický* ‘лжерасистский’) и даже глагола (*lžistudovat* ‘лжеизучать’).

Как было сказано выше, чешский язык располагает несколькими собственными препозитивными элементами, предназначенными для выражения рассматриваемой нами семантики. Их структурные соответствия отсутствуют в русском языке. Это: *rádoby-* ‘мнимо, притворно, якобы, с претензией на что-л.’ (SSJČ); *také-/taky-* ‘тоже, также’, в качестве префиксоида – ‘ненастоящий, мнимый, не отвечающий требуемому уровню чего-л. или представлению о чем-л.’ (SSJČ); *jako-/jakoby-* ‘будто’; *skoro-, téměř-* ‘почти, недо-’, ср.: *O tom <...> asi slyšel každý, kdo jen trochu sleduje <...> cirkus zvaný svět českých rádobycelebrit* (J. Folný, 2013) ‘Об этом, наверное, слышал каждый, кто следит за цирком под названием мир чешских **псевдозвезд**’; *Internetové debaty i některé rádobyseriózní příspěvky se omezují na argument „my jejich dluhy platit nebudeme“...* (Reflex, 2011) ‘Интернет-дебаты и некоторые **псевдосерьезные** посты ограничиваются аргументом «мы их долги платить не будем»’; *Zapomeňte přitom na pomalé a nepřesné levné tablety čínských takyznaček se starou verzí Androidu...* (Computer, 2010) ‘При этом забудьте о медленных и неточных дешевых планшетах китайских **псевдомарок** со старой версией Андроида...’; *kromě nezapomenutelně výmluvných songů si v ní napsal i jakobyepitaf na tato moje slova...* (L. Kundera, 2005) ‘кроме незабываемо красноречивых сонгов, он написал в ней и **что-то вроде эпитафии** на эти мои слова’; *A naprosto zparchantělou jakožerakouštinou jsem tu odrecitoval pár vět* (Reflex, 2013) ‘И я прочел ему пару предложений на совершенно похабном **квазиавстрийском**’; *V dobách, kdy ještě žirafy neměly dlouhý krk a vypadaly spíš jako skorokoně nebo skoroosli, říkala jsem mu, se najednou jeden žirafák narodil s ohromně dlouhým krkem...* (S. Thomas, 2011) ‘Во времена, когда у жирафов еще не было длинной шеи и когда они выглядели скорее как **почти лошади** или **почти ослы**, говорила я ему, один жираф вдруг родился с очень длинной шеей’.

Как видно из приведенных примеров, почти все эти префиксоиды могут нести негативную оценочность, а слова с ними относятся к экспрессивной лексике (вопрос о том, ингерентная ли это экспрессивность или адгерентная, текстовая, оставляем в стороне – но отметим, что ни один из этих элементов, в отличие от ядерных компонентов поля, не может участвовать в образовании терминов). Данные об их продуктивности, как уже указывалось в работе (Поляков 2018a), можно обнаружить в базе неологизмов Neomat: *rádoby-* – 338, *skoro-* – 252, *těměř-* – 12, *taky-/také-* – 104/38, *jako-/jakoby-/jakože-* – 22/11/1 (ср. *pseudo-* – 925 неологизмов, *kvazi-/quasi-* – 286/15); о частотности ряда из них в современных текстах см. (Šmídová 2003: 180–181; Lotko 2009: 246–247; Niševa 2014: 124).

Хотя эти префиксоиды – одно из устойчивых средств экспрессивной номинации, их частотность в корпусе SYN2015 невелика. Наиболее распространенные из перечисленных морфем – *rádoby-* и *skoro-* встречаются, соответственно, в 62 и 67 лексемах, частота остальных префиксоидов не превышает 10.

Семантически к *skoro-* и *téměř-* примыкает морфема *půl-/polo-*, которая, как и русский префиксоид *полу-*, имеет в том числе значение неполноты признака: «*poloprázdný* ‘полупустой’ – наполовину или частично пустой, *poloepický* ‘полуэпический’ – довольно-таки, частично эпический, *polobláznivý* ‘полусумасшедший’ – почти сумасшедший» (SSJČ). Ср. Примеры из корпуса: *Byla jsem obklopena polovzdělanci, kteří mysleli jen na peníze a na slávu* (M. Gavran, 2009) ‘Я была окружена **полуобразованными** людьми, которые думали только о деньгах и о славе’; *Dnes je tomu přesně 25 let, kdy se v Polsku uskutečnily první polosvobodné volby ve východním bloku* (Metro, 2014) ‘Сегодня прошло ровно 25 лет с того дня, когда в Польше состоялись первые **полусвободные** выборы в Восточном блоке’. Как отмечал П. Гаусер, некоторые слова с этим префиксоидом в «дискредитирующем» значении (*polovzdělanec* ‘полуобразованный’, *polověda* ‘полунаука’, *poloučenec* ‘полуученый’, *polokultura* ‘полукультура’) близки по смыслу приставочным дериватам с *pa-* (*pavěda* ‘лженаука, псевдонаука’, *pakultura* ‘псевдокультура’) (Hauser 1972: 144).

В отличие от не участвующих в образовании терминов *skoro-*, *téměř-* и *půl-/polo-*, преимущественно именно в терминосфере (Slovník afixů 2016: 420–421) функционирует интернациональный суффикс *-oid*, обозначающий, как и в русском языке, похожесть на объект, названный мотивирующим словом, при сохранении отличий от него (*krystaloid* ‘кристаллоид’, *planetoid* ‘планетоид’, *bazaltoid* ‘базальтоид’, *parazitoid* ‘паразитоид’ и др.): *V řečtině odpovídá našemu písmenu S znak sigma, a proto byly tyto útvary nazvány sigmoidy* (Vesmír, 2011) ‘В греческом языке нашей букве S отвечает знак сигма, поэтому эти образования были названы **сигмоидами**’; *Rotace a re-scaling hlavních os mění elipsu (elipsoid) na kružnici (sféroid)* (J. Zima et al., 2004). ‘Вращение и перемасштабирование главных осей превращает эллипс (**эллипсоид**) в окружность (**сфероид**)’.

Употребление этого суффикса за рамками специальной терминологии в корпусе почти не зафиксировано (ср.: *vejcoïd* ‘яйцоид’, *zajícoid* ‘заяцоид’, *zrůdozoid* ‘монстроид, почти чудовище’). Отдельного упоминания заслуживает «составной суффикс» (Slovník afixů 2016: 421) *-oidní*, в последнее время ставший одним из распространенных разговорно-экспрессивных средств выражения значения подобия (Světlá 2005: 116, 117). Выделение особого, составного форманта возможно, поскольку мотивирующим для ряда сформированных с его участием прилагательных является не слово на *-oid*, а исходное существительное без значения подобия и сходства: *seriáloïdñi* ← (**seriáloïd*) ← *seriál* ‘сериалоидный ← (*сериалоид) ← сериал’. В пользу этого говорит намного бо́льшая частотность прилагательных на *-oidní*, чем существительных на *-oid*, в базе Neomat (не менее чем в 2 раза), ср.: *bublinoidní* ‘пузыреподобный’, *hororoidní* ‘ужасоподобный’, *hračkoidní* ‘похожий на игрушку, игрушкоподобный’,

kalkulačkoidní ‘калькулятороподобный’, *mačoidní* ‘мачоподобный’, *proletaroidní* ‘похожий на пролетария’, *vysavačoidní* ‘пылесосоподобный’ и др. Встречаются примеры экспрессивно-разговорных употреблений суффикса и в корпусе SYN2015: ...*vymírající veteráni* <...> *měli ten zastaralé broukoidní tvar, nejmiň dvacet let služby na krku, sklápěcí sedátka pro ŠEST pasažérů a renomované jméno New York Checkercab* (I. Pekárková, 2001) ‘...вымирающие ветераны <...> имели эту устарело жуковидную форму, минимум двадцать лет службы за плечами, откидные сидения для ШЕСТИ пассажиров и уважаемое имя New York Checkercab’; *Počítám s tím, že 16. června jim osvěžím jejich sardinkoidní mozky – zapálím totiž byt* (M. Barbery, 2013) ‘Я рассчитываю на то, что 16 июня освежу их сардиноподобные мозги: я подожгу квартиру’; *Krabicoidní stavba vozu je cítit při naklání auta do ostrých zatáček* (Víkend HN, 2013) ‘Коробочная форма кузова чувствуется при наклоне автомобиля на крутых поворотах’; *Doufám, že v tom není to, co si myslím, mamí. Protože Eleanor mi přijde kapku – Lesboidní* (D. Winslow, 2012) ‘Надеюсь, это не то, что я думаю, мама. Потому что Элеанор кажется мне немного... похोजей на лесбиянку’.

Устойчиво разговорный характер имеет формант *-ózní* в сочетании с нетерминологическими основами; одним из его значений является подобие, схожесть с объектом, названным мотивирующим словом: *Její klidný, hranatý obličej a silné, krabicózní tělo představovaly lidský ekvivalent hliněných cihel* (Neomat; Neviditelný svět, 1999) ‘Ее спокойное квадратное лицо и крепкое, похोजее на коробку тело являли собой человеческий эквивалент глиняных кирпичей’.

Наконец, по-прежнему продуктивны собственно чешские форманты прилагательных, выражающие значение подобия (Šmilauer 1971: 121–122), прежде всего – *-ovitý* (Světlá 2005: 116): *kulovitý* ‘шаровидный’, *obrovitý* ‘огромный, подобный великану’, *kašovitý* ‘кашеобразный’, *mýdlovitý* ‘мылообразный’, *spirálovitý* ‘спиралеобразный’, *medúzovitý* ‘медузоподобный’ и мн. др. В отличие от русских формантов *-подобный*, *-образный*, *-видный*, он продуктивен и в терминологии, и в общепотребительной лексике, включая разговорно-экспрессивную: ...*do příchodu Španělů těmto elegantním velbloudovitým kopytníkům* <...> *nehrozilo vážnější nebezpečí* (J. Moravec, 2009) ‘...до прихода испанцев этим элегантным верблюдоподобным копытным <...> не грозило серьезной опасности’; *Mezi dva zuby se mu zachytil trojúhelníkovitý cár papíru* (I. McEwan, 2009) ‘Между двумя зубами у него застрял треугольный (букв. – похожий на треугольник) клочок бумаги’; *Je štíhlý a uvolněný, zároveň však jaksí těstovitý* (B. Kučerová, 2007) ‘Он стройный и непринужденный, но при этом какой-то тестообразный’.

Рассмотренные периферийные форманты в своих употреблениях по семантике ближе всего к значению ядерных элементов данной ССК, выражающей несоответствие действительности, норме или стандарту того, что названо мотивирующей основой, в том числе и его фальсификацию. Но с данной категорией и ее ядром взаимодействует также целый ряд других СК,

но не целиком, а отдельными своими словообразовательными типами и производными, поэтому мы их рассматриваем на периферии данной ССК. Речь идет о таких формантах (и образованных с ними производных), как *суб-*, *пара-*, *анти-*, *мета-*, *не-*; *sub-*, *para-*, *anti-*, *meta-*, *ne-* и других аффиксах со значением отрицания.

Для многих из них, в частности интернациональных префиксов, как *мета-*, *суб-*, *пара-*; *meta-*, *sub-*, *para-*, характерно терминологическое использование в сфере естественных наук, прежде всего медицины, физиологии, биологии и химии. Так, приставка *пара-* (от греч. *παρά-* 'около'), так же как и *суб-* (лат. *sub-* 'под'), входя в состав терминов, выражает смежность, нахождение рядом с чем-либо (напр., *парацентромерный*, *парагенетический*, *паралингвистика*, *паращитовидный*; *paratext* 'паратекст', *paramagnetismus* 'парамагнетизм', *parasymptický* 'парасимпатический', *paranazální* 'параназальный'). Интернациональные приставки *суб-*, *пара-*, а также *анти-* в сочетании с некоторыми основами и обычно в публицистическом дискурсе могут приобретать значение несоответствия норме, эталону, часто с отрицательной оценкой, например в составе таких слов, как *паралитература*, *сублитература*, *паракультура*, *субкультура* в значении 'псевдокультура' (чеш. *paraliteratura*, *sublitteratura*, *parakultura*). Приставка *анти-*, помимо основных значений 'противоположность чему-л.', 'направленность против чего-л.' может также совмещаться с негативной оценочностью, сближаясь тем самым с *псевдо-* и *квази-* (Lotko 2009: 240–241). В неологизмах типа *антикафе*, *антиняня*, *антишкола* префикс имеет более сложное значение: противоположность совмещается с семантикой замены (подробнее см. (Петрухина 2017; Поляков 2018б)). Синонимические отношения данных префиксов с ядерными маркерами несоответствия реальности и представлениям о норме заслуживают отдельного рассмотрения.

5. Выводы

В русском и чешском языках в ядро ССК, выражающей несоответствие реальности и представлениям о норме, стандарте, включает в себя интернациональные словообразовательные форманты *псевдо-*, *квази-*, *pseudo-*, *kvazi-*, а в русском языке также исконный префиксоид *лже-* – как самые частотные форманты, обладающие четкой семантикой и характеризующиеся двумя основными типами употребления, а именно терминологическим (в значении похожести с качественными отличиями) и оценочным. Несответствие как фальсификацию и обман наиболее последовательно и однозначно в обоих языках выражает префикс *псевдо-*, *pseudo-*, что обуславливает его высокую употребительность в современной публицистике. В этой функции с ним сближаются в русском языке форманты *квази-*, *лже-*, а в чешском – *kvazi-*, *pa-*, *rádoby-*. В целом же ядерные форманты имеют реализующиеся в разной степени три типа значений: 1) терминологическое (похожесть с качественными отличиями);

2) несоответствие реальности, фальсификация и обман; 3) несоответствие представлениям о норме или стандарту. У периферийных элементов данной категории (-*oid*, -*видный*, -*образный*, -*подобный*, -*oid* и др.), помимо их меньшей частотности в сравнении с ядерными, меньше также семантический потенциал, который ограничивается либо терминологическим использованием (с единичными оценочными окказионализмами), либо оценочным употреблением со значением несоответствия норме или стандарту (особенно таких элементов много в чешском языке: *rádoby-*, *skoro-*, *téměř-*, *taky-/také-*, *jako-/jakoby-/jakože*). В чешской ССК разговорно-экспрессивных элементов со значением несоответствия норме в целом больше, чем в соответствующей русской категориями: помимо перечисленных формантов с оценочной семантикой используются также аффиксы -*ovitý*, -*oidní*, -*oid*, *pa-*. Можно также заключить, что образование дериватов словообразовательным способом сращения (с формантами *rádoby-*, *skoro-*, *také-/taky-*, *téměř-*, *jako-/jakoby-/jakože-*) является специфической чертой чешского языка.

Дальнейшим перспективным направлением исследования считаем анализ семантики чешских словообразовательных формантов, конвертированных из дискурсивных элементов-частиц, в сравнении с синтаксическими способами выражения сходных элементов смысла, с учетом также сопоставления с русским языком, в котором много таких дискурсивных элементов (*типа*, *как бы*, *яко бы*, *тоже мне*), которые не стали словообразовательными формантами.

Сопоставительное исследование частотности производных слов с ядерными интернациональными формантами *псевдо-*, *pseudo-* в русском и чешском национальных корпусах в пересчете на 1 мл словоупотреблений выявило их бóльшую активность в русском языке: в чешском языке в период с 2000 по 2009 гг. этот показатель составил 10,66 слов, с 2010 по 2014 гг. – 10,91 слов, тогда как в русском языке в эти же периоды показатели почти на 50 % больше, соответственно 16,83 (2000–2009) и 15,34 (2010–2014)¹. Столь значительное различие частотности производных с данным интернациональным префиксом, по всей видимости, можно объяснить большим числом синонимичных формантов (в основном исконных префиксоидов) с оценочным значением в чешском языке, чем в русском.

Были выявлены функционально-стилистические различия между изоструктурными русскими и чешскими аффиксами: невозможность образования терминов с *lži-* в чешском языке – в то время как в русском это один из распространенных терминомаркеров (*лжеакация*, *лжелиственница*), а также маргинальный характер *pa-* (*пагруздь*) в русском при более широком функционировании аналогичного форманта в чешском, включая возможность образования неологизмов (*paargument*, *paslovo*).

¹ Некоторое снижение частотности в НКРЯ, по всей видимости, можно объяснить изменением жанрового соотношения текстов и увеличения числа текстов неформальной компьютерной коммуникации при сокращении публицистики.

Рассмотренные словообразовательные форманты выступают как типовые маркеры распознанного несоответствия реальности и норме (или представлениям говорящего о норме) по отношению не только к речевым произведениям, информационным сообщениям и артефактам, но и к другим областям человеческой деятельности, ее результатам и качеству. В обоих сопоставляемых языках словообразовательные форманты, которые мы отнесли к ядру или ближней периферии данной категории, как интернациональные (*псевдо-, квази-, pseudo-, kvazi-*), так и исконные (*лже-, lži-, pa-*), употребляются для маркировки распознанной фальсификации, обмана и создания фейков и симулякров. При этом в последние десятилетия и в русском, и в чешском языках растет употребительность интернациональных формантов, что можно рассматривать как результат процесса глобализации в информационной сфере и его отражения в славянских языках.

Литература:

АГ, 1970 – *Грамматика современного русского литературного языка*. Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Москва: Наука.

В. В. БАРАНОВ, 1996 – *История словообразования префиксальных существительных в русском языке XVIII–XX вв. (на материале производных с приставками анти-, контр-, против-, де-/дез-, дис-, а-, лже-, псевдо-, квази-)*: Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

БАС, 2012 – *Большой академический словарь русского языка: В 30 т. Т. 21*. Горбачевич К. С. (ред.). Санкт-Петербург: Наука.

Харальд ВАЙНРИХ, 1987 – *Лингвистика лжи. Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы*. Петров В. В. (общ. ред.). Москва: Прогресс, 44–87.

Е. И. ГОЛАНОВА, 1975 – Об одном типе препозитивных единиц в современном русском языке (на материале имен существительных с префиксами *квази-, лже-, псевдо-*). *Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова*. Земская Е. А. (отв. ред.). Москва: Наука. С. 160-174.

Т. Ф. ЕФРЕМОВА, 2000 – *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Т. 2. Москва: Русский язык.

Е. А. ЗЕМСКАЯ, 1996 – Активные процессы современного словопроизводства. *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Земская Е. А. (отв. ред.). Москва: Языки русской культуры, 90–141.

Э. П. КАДЬКАЛОВА, 1994 – Семантика как фактор развития словообразовательных структур. *Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции*. Материалы Всесоюзной научной конференции. Москва – Ужгород.

Э. П. КАДЬКАЛОВА, 1994 – Развитие отношений между словообразовательными моделями одной словообразовательной категории: принципы и перспективы изучения. *Исследования по историческому словообразованию*. Москва: Русский язык, 62–78.

Е. И. КОРЯКОВЦЕВА, 1998 – *Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика*. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Е. И. КОРЯКОВЦЕВА, 1999 – Единицы диахронического описания словообразовательной системы: словообразовательная категория. *Новые пути изучения словообразования славянских языков*. *Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen*. Band 3. Беленчиков Р. (ред.). Frankfurt am Mein: Peter Lang, 295–305.

Е. И. КОРЯКОВЦЕВА, 2008 – Инновации на периферии семантико-словообразовательной категории (Innowacje na peryferii kategorii semantyczno-słowotwórczej). *Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов. Доповіді: Тематичний блок на XIV Міжнародний з'їзд славістів, 10.09–16.09.2008, Охрид, Республіка Македонія*. Карпіловська Є. А. (ред.). Київ. С. 99–115.

А. В. ЛЕНЕЦ, 2008 – Отечественные и зарубежные теории лжи и речевого обмана. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. № 26 (127), 80–88.

Уолтер ЛИППИМАН, 2004 – *Общественное мнение*. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение».

В. В. ЛОПАТИН, И. С. УЛУХАНОВ, 2016. – *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва: Азбуковник.

А. П. ОГУРЦОВ, 2010 – Симулякр. *Новая философская энциклопедия*. 2-е изд. Москва: Мысль. Режим доступа: <https://iph.ras.ru/elib/2722.html> (дата обращения – 19.07.2018).

М. В. ПАНОВ, 1971. Об аналитических прилагательных. *Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А.Реформатского*. Ф. П. Филин (ред.). Москва: Наука, 240–253.

Н. Н. ПАНЧЕНКО, 2005. Обман. *Антология концептов*. Карасик В. И., Стернин И. А. (ред.). Том 1. Волгоград: Парадигма.

Е. В. ПЕТРУХИНА, 2001. Словообразование в университетском курсе русского языка: дискуссионные вопросы. *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве*. Москва: Издательство Московского университета, 416–431.

Е. В. ПЕТРУХИНА, 2017. Семантико-словообразовательная категория со значением несоответствия стандарту в русском языке как когнитивная структура. *Когнитивные исследования языка* 29, 368–378.

Д. К. ПОЛЯКОВ, 2018а – К проблеме взаимодействия интернациональных и исконных префикс(оид)ов в словообразовательных системах чешского и русского языков. *Contributions to the 21st Annual Scientific Conference of the Association of Slavists (Polyslav)*. Gutiérrez Rubio E. et al. (eds.). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 211–220.

Д. К. ПОЛЯКОВ, 2018б – Об антикафе, антимагазинах и других антиобъектах. *Русская речь*. № 6, 80 – 89.

Л. В. РАЦИБУРСКАЯ, 2009 – Специфика словообразовательных процессов в современном русском языке. *Opera Slavica*. Ї. 2, 1–10.

РГ, 1980 – Русская грамматика. Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Т. I. Москва: Наука.

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 1979 – *Русский язык: Энциклопедия*. Филин Ф. П. (ред.). Москва: Советская энциклопедия.

Milos DOKULIL, 1962 – *Tvoreni slov v cestine. Teorie odvozovani slov*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.

Zeki HAMAWAND, 2013 – *The Semantics of English Negative Prefixes*. London: Equinox Pub.

Přemysl HAUSER, 1972 – Složená slova s *polo-*, *polou-*, *půl-*. *Naše řeč*. Č. 2–3, 141–144.

Elena KORIAKOWCEWA (ed.), 2009 – *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej.

Edvard LOTKO, 2009 – *Srovnávací a bohemistické studie*. Olomouc: Univerzita Palackého.

Božana NIŠEVA, 2014. *Inovační procesy v české a bulharské jazykové situaci (na materiálu jazyka médií)*. Praha: Karolinum.

Olga MARTINCOVÁ, 1997 – Na okraj konkurence slovtvorných prostředků (u příležitosti životního jubilea M. Dokulila). *Slovo a slovesnost*. Č. 3, 161–164.

Olga MARTINCOVÁ, 2017a – Afixoid. *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*. Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. (eds.) URL: <https://www.czechency.org/slovník/PREFIXOID> (poslední přístup: 19.7.2018).

Olga MARTINCOVÁ, 2017b – Prefixoid. *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*. Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. (eds.) URL: <https://www.czechency.org/slovník/PREFIXOID> (poslední přístup: 19.7.2018).

Ingeborg OHNHEISER, 2003 – *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. I. Slowotwórstwo / Nominacja*. Ohnheiser I. (red.). Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.

SLOVNÍK AFIXŮ, 2016 – *Slovník afixů užívaných v češtině*. Šimandl J. (ed.). Praha: Karolinum.

SSJČ, 1960–1971 – *Slovník spisovného jazyka českého*. Havránek B. (hl. red.). Praha: Nakladatelství Československé akademie věd. URL: <https://www.ssjc.ujc.cas.cz> (poslední přístup: 19.7.2018).

Jindra SVĚTLÁ, 2005 – Nová adjektivní pojmenování. *Neologizmy v dnešní češtině*. Martincová O. a kol. Praha: Academia, 99–118.

Pavla ŠMÍDOVÁ, 2003 – Ke vztahu juxtapozice a prefixace u neologizmů. *Varia X. Zborník materiálů z X. kolokvia mladých jazykovedcov*. Nábělková M., Šimková M. (zost.). Bratislava: Veda, 179–183.

Vladimír ŠMILAUER, 1971 – *Novočeské tvoření slov*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.

Источники

Национальный корпус русского языка. 2003–2018 / <http://www.ruscorpora.ru>.

SYN2015: reprezentativní korpus psané češtiny. Křen M., Cvrček V. et al. Ústav Českého národního korpusu FF UK. Praha, 2015. Dostupný z WWW: <http://www.korpus.cz>.

Databáze excerpčního materiálu Neomat (2015) [online]. Verze 3.0. Praha: Oddělení současné lexikologie a lexikografie Ústavu pro jazyk český AV ČR. Cit. 2018-01-07. <http://neologismy.cz/>.

PAZDZEJ 8

GLOBALNO IN NACIONALNO: SLOVENSKE USTREZNICE ZA CITATNO ANGLEŠKO BESEDO *TROUBLEMAKER* S PERSPEKTIVE KOGNITIVNEGA PRISTOPA

Irena Stramljič Breznik

Univerza v Mariboru (Maribor, Slovenija)

irena.stramljic@um.si

Prispevek razmerje globalno – nacionalno aplicira na primeru leksema citatno – domače in skuša odkriti, katera merila prevladujejo, ko rojeni govorniki presojajo, kateri je najprimernejši slovenski izraz za angleško citatno besedo *troublemaker*. Pri tem je uporabljenih dvanajst predlaganih ustreznice, dosegljivih na portalu Fran, o katerih (ne)primernosti so se z argumentacijo opredeljevali anketiranci. Pri interpretaciji rezultatov so uporabljena tri merila, ki so v kognitivni slovnici še posebej relevantna za besedotvorje, in sicer strukturalna razvidnost, družljivost in produktivnost sestavin tvorjenke.

Ključne besede: kognitivna slovnica, besedotvorje, novotvorjenke, strukturalna tvorjenke, družljivost morfemov, produktivnost

The treatise attempts to find out which criteria prevail when the native speaker estimates what is the most appropriate Slovenian term within the relationship globally–nationally in the case of citation–domestic lexeme for the English citation word *troublemaker*. Twelve proposed equivalents–accessible on the Fran portal–are presented, as well as the argumentations for their (non)eligibility as defined by the respondents. When interpreting the results, three criteria are used, which are–in cognitive grammar–especially relevant for word-formation, namely structural evidence, compatibility, and productivity of the components of compounds.

Key words: cognitive grammar, word-formation, new compounds, structure of compounds, compatibility of morphemes, productivity

1 Uvod

Vpliv globalnega jezika je danes dejstvo, na katerega opozarjajo številne lingvistične študije posameznih jezikov, ki se pogosto ukvarjajo s preučevanjem vpliva angleške leksike na spremembe nacionalnih leksikalnih sestavov. Najcelovitejši pregled porajajočih se leksikalnih sprememb v vseh slovanskih jezikih (Ohnheiser 2003) ali le kateremu izmed njih (Waszakowa 2005, Korjakowcewa 2013) na prelomu tisočletja najbolje ilustrira dihotomija med tendenco internacionalizacije po eni in tendenco nacionalizacije po drugi strani. Kot kaže (Petruhina 2010), so zaradi jezikovne globalizacije zlasti bogati novi besedotvorni pojavi v slovanskih jezikih, ki na obilici aktualnega jezikovnega

gradiva kažejo močan vpliv angleščine. Uporabljeni analitični, protistavni in teoretični pristopi odpirajo celo vrsto novih vidikov, ki odkrivajo nove vloge besedotvorja v posameznih slovanskih jezikih, saj so razdelana vprašanja tvorbenih analogij, pojavi novih besedotvornih elementov, tvorbenih inovacij, hibridizacije ter razmejevanja uzualnega od okazionalnega v tvorbi besed.

Velika leksikalna nasičenost nacionalnega jezika s prevzetimi prvinami iz globalnega jezika pa lahko spodbudi tudi obrambne mehanizme, ki spodbujajo tvorbo vzporednih domačih izrazov za nove prevzete citatne besede, ki še niso vstopile v proces adaptacije in imajo zato več možnosti, da se nadomestijo z domačo ustreznico, v idealnem primeru, tvorjeno v »duhu tvorbene tipike in predstavnega sveta nacionalne kulture«.

S tega vidika se prispevek osredinja na tisti pol antiglobalizacijskih pojavov, ki postanejo motivator za tvorbo domačih namesto sprejetih citatnih angleških izrazov. Pri tem se na široko odpirajo vprašanja, kateri jezikovni vzvodi delujejo v procesiranju novega izraza in katera merila so odločilna, da je novonastali izraz sprejemljiv za materno govorce. Take in podobne odgovore pa skuša danes dati kognitivna slovnica.

2 Kognitivni pristop v besedotvorju

Žarišče sodobnega lingvističnega raziskovanja je kognitivni pristop, ki se vse bolj uveljavlja tudi v besedotvorju. Kognitivni teoretični in interpretativni okvir besedotvornih kategorij je razvit zlasti v angleškem govornem okolju (Onysko/Michel 2010: 1–12). Glede na morfološko in tvorbeno gibkost slovanskih jezikov pa lahko še večjo izrabo teoretičnih možnosti kognitivne slovnice na področju besedotvorja prispeva njena aplikacija v ruskem jezikoslovju, ki na tem področju izpostavlja naslednje poudarke (Abrosimova 2014: 7–14).

Tvorbeni proces s perspektive kognitivizma ne pomeni zgolj rojstvo nove besede, ampak tudi tvorbo novega smisla oz. pomena. Tvorjenka tako ne pomeni zgolj razširitve leksikalnega fonda, marveč tudi sredstvo utrditve pomena oz. pomenov v besedi, ki so odsev nove vrednosti v kulturi in znanju.

Po mnenju kognitivistov je pri tvorbi besed zelo pomemben človeški dejavnik, saj se v tvorjenki odsliekava razmerje med subjektom in predmetom poimenovanja.

Preučevanje besedotvorja vključuje sinhrono-diahroni pristop. Na nastanek nove besede in pomena v jeziku vplivajo tako zunajjezikovni (nova znanja in nova predmetnost) kot znotrajjezikovni dejavniki (funkcijski vidik, merila regularnosti, pogostost).

Raziskovanje besedotvornih procesov predpostavlja razmerje med besedo in strukturo znanja, oz. vedenja, zato je mogoče besedotvorje predstaviti skozi proces modeliranja. Besedotvorje tako vključuje ne samo opis na ravni morfološke, ampak tudi pomenske strukture.

Kognitivni pristop pri preučevanju besedotvorja izhaja iz predpostavke, da je besedotvorje sistem. Zato je največja pozornost posvečena besednim družinam kot kompleksnim enotam, temelječim na motivirajoči besedi, ki so sposobne

predstaviti kognitivno naravo in mehanizme tvorbe. Tvorjenke tako prehajajo po eni strani v kompleksnejše sestave, npr. besedne družine, in po drugi strani je tudi sama tvorjenka kompleksno strukturirana, tj. iz preprostejših sestavin, imenovanih morfemi. Tvorjenka, po mnenju kognitivistov, ni zgolj rezultat sistematizacije in hrambe človekovega vedenja, ampak predstavlja tudi informacijo o vrednotenju tega vedenja.

Avtorica (Abrosimova 2014: 13) zato meni, da besedotvorja ni mogoče raziskovati zgolj z vidika formalnih procesov, temelječih na modeliranju morfemskih struktur, ampak je treba k besedotvorju pristopiti s perspektive kulturno pogojenih vzorcev v jezikovni sliki sveta. Taka perspektiva pa daje možnost razumeti besedotvorne procese kot rezultate sociokulturnih dejavnikov.

3 Predlagane slovenske ustreznice za angleško citatno besedo *troublemaker*

Slovenski portal *Fran*¹ ponuja možnost, da k izbranemu naboru okrog sto citatnih besed iz angleščine uporabniki predlagajo slovenske ustreznice. Do že obstoječih predlogov se lahko tudi opredelijo z glasovanjem, hkrati pa jih lahko delijo prek Twitterja ali Facebooka. S tem sestavljavci slovarjev želijo okrepiti zavedanje govorcev o njihovem aktivnem vplivu na rabo in nastajanje slovenskega besedja.

V luči aktualnega kognitivnega pristopa skušamo interpretirati primernost predlaganih slovenskih ustreznice za angleško besedo *troublemaker*.

Na omenjenem portalu je predstavitev besede naslednja:

troublemaker -ja cit. [tráβəlmêjker] m, člov. (â-é)

'kdor povzročá težave': Ščasoma si je pridobil svojevrsten sloves nenehnega troublemakerja, s katerim je nekako pač treba živeti E ← agl. *troublemaker* iz *trouble* 'težava' + tvor. od *make* 'delati'.

Za omenjeno besedo je bilo podanih 12 predlogov: *težavar*, *zdrahar*, *težavnik*, *težavodejnež*, *težavočitelj*, *težavotvorec*, *težavodelnik*, *problemodajalec*, *problematik*, *težavodelnež*, *zmešnjavec*, *avšak*².

Prva značilnost je, da je izvorna angleška beseda, kot je pojasnjeno v etimologiji (E) citatne besede, po svoji strukturi zloženka.

Predlogi uporabnikov pa kažejo, da je izmed dvanajstih predlaganih besed polovica strukturiranih kot enopodstavne tvorjenke, tj. izpeljanke (*težavar*, *zdrahar*, *težavnik*, *problematik*, *zmešnjavec*, *avšak*), in prav tako 6 predlogov kot dvopodstavne tvorjenke, tj. zloženske (*težavodejnež*, *težavočitelj*, *težavotvorec*, *težavodelnik*, *problemodajalec*, *težavodelnež*). Tako razporeditev je mogoče interpretirati na dva načina. Prva razlaga lahko izhaja iz dejstva, da je v slovanskih

¹ Portal *Fran* združuje slovarje, slovenistične jezikovne vire in portale, ki so nastali ali še nastajajo na *Inštitutu za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU*, ter slovarje, ki so v okviru dela na tem inštitutu dobili digitalno obliko. Omogoča tudi iskanje po drugih izbranih slovenskih jezikovnih korpusih. Namen portala je omogočiti dostop do slovarskih informacij čim širšemu krogu uporabnikov, zato omogoča tako povsem preproste kakor tudi zelo kompleksne poizvedbe.

² Upoštevani so podatki in stanje predlogov 30. aprila 2018.

jezikih in še posebej slovenščini, pogostejša tvorba z izpeljavo kot zlaganjem (Bajec 1950: 81, Stramljič Breznik 2004). Druga razlaga, da je delež predlaganih izpeljank in zloženik izenačen, pa kaže morda na to, da je uporabnike k predlaganim zloženkam morda napeljala tudi slovarska razlaga angleškega izraza kot dvosestavinske strukture (*trouble* 'težava' + tvor. od *make* 'delati') in so svoje odločitve o primernosti izraza oblikovali spodbujeni s težnjo po čim večji podobnosti po načelu kalkiranja.

4. Metodološko-teoretični pristop

Tudi tokrat (Stramljič Breznik 2016: 387–403) sta se o ustreznosti oz. neustreznosti predlaganega izraza z zapisom argumentov za svojo odločitev izjasnjevali dve skupini anketirancev. Manjšo skupino je predstavljalo 8 študentov 1. letnika 1. bolonjske stopnje študija neslovenističnih smeri. Drugo, večjo pa skupina 15 študentov 3. letnika 1. bolonjske stopnje, ki imajo študijsko vezavo s slovenistiko.¹ Ker je vzorec anketiranih majhen, ne more biti reprezentativen, zato njihove odgovore uporabljamo le kot usmeritev pri interpretaciji posameznih meril za večjo oz. manjšo primernost predlaganega izraza.

Preglednica 1: Ocena primernosti predlaganega slovenskega izraza od najbolj do najmanj primerne za citatno besedo *troublemaker*

Zaporedje	Skupna razvrstitev	Študenti slovenisti	Študenti neslovenisti
1.	<i>problematik</i>	<i>težavar, težavnik, problematik</i>	<i>problematik</i>
2.	<i>težavotvorec</i>	<i>težavotvorec</i>	<i>težavotvorec</i>
3.	<i>težavar</i>	<i>težavodelnik</i>	<i>težavodelnež</i>
4.	<i>težavnik</i>	<i>zdrahar</i>	<i>težavar</i>
5.	<i>težavodelnik</i>	<i>problemodajalec</i>	<i>težavodelnik</i>
6.	<i>težavodelnež</i>	<i>težavodelnež</i>	<i>zdrahar, težavnik, težavodejnež, problemodajalec</i>
7.	<i>zdrahar</i>	<i>težavodejnež</i>	<i>zmešnjavec, avšak</i>
8.	<i>problemodajalec</i>	<i>zmešnjavec</i>	
9.	<i>težavodejnež</i>	<i>težavočitelj, avšak</i>	
10.	<i>zmešnjavec</i>		
11.	<i>avšak</i>		
12.	<i>težavočitelj</i>		

Za teoretični okvir in interpretacijsko izhodišče jemljemo temeljne principe preučevanja besedotvorja znotraj kognitivne slovnice (Taylor 2015: 145–158), ki kot bistvene elemente izpostavlja razpoznavno strukturo tvorjenke, družljivost in produktivnost sestavin.

¹ Anketa je bila izvedena 15. maja 2018.

5 Razpoznavna struktura tvorjenke

Jezik z vidika kognitivne slovnice ni poljuben, ampak strukturiran sistem enot, ki so povezane v mreže. Povezave potekajo po načelih del – celota, shema – primer in podobnost. Za novotvorjene besede je bistveno, da govorec jezika prepozna in identificira posamezne dele besed, saj mu šele to omogoči njihovo razumevanje. Razvidnost besedotvorne motivacije pri novih besedah, ki imajo navadno nizko frekvenco, je temeljna informacija, ki uporabniku pomaga razbrati njen leksikalni pomen. Bolj kot beseda postaja splošnejša in zato frekvenčnejša, manjša je pomembnost njene besedotvorne motivacije, ki postopoma lahko slabi in vodi celo do demotivacije (Furdik 2004: 24). Razstavljivost jezikovne enote velja tako za fonološko, semantično in simbolno jezikovno strukturo. Primer: fonološki sestav *zobar* se da razstaviti na glasove *z, o, b, a, r* tako kot simbolno enota *zobar* 'kdor se poklicno ukvarja s popravljanjem zob' na morfeme *zob-* + *-ar*. Podobna razstavljivost je značilna tudi za zloženske, npr. *zobotrebec* 'navadno lesena paličica za odstranjevanje ostankov hrane iz zobovja', ki je strukturirana iz posameznih morfemov *zob-o-treb-ec* ← *to, s čimer se trebi zobe*, izhodiščni pa sta dve podstavni besedi (*trebiti, zob*). Pri tem govorec priklicuje in prepozna znane enote, da bi jih vzporejal s tistimi, ki še niso v njegovi mentalni slovnici, npr. individualno tvorjena nova beseda **zobopulec* za 'zobozdravnik, zobar': *zob-o-pul-ec* ← *tisti_{+z}, ki puli zobe* govorcju slovenščine ne more predstavljati večje zadrege pri razumevanju, saj jo nasloni na analogijo že obstoječe besede, ki je sicer slab.(šalnica), *zoboder* 'zobar, zobozdravnik': *zob-o-der-0* ← *tisti_{+z}, ki (iz)dre zob*. Obe tvorjenki *zoboder* in **zobopulec* predpostavljata podobno strukturirani glagolski besedni zvezi, to sta (*iz*)*dreti zobe* oz. *puliti zobe*.

Prvih šest najsprejemljivejših besed glede na skupne rezultate obeh skupin anketirancev si delijo: *problematik, težavotvorec, težavar, težavnik težavodelnik* in *težavodelnež*. Delež izpeljank (3) in delež zloženk (3) je izenačen.

Po svoje presenetljiv je izbor vseh anketiranih, da je najboljša ustreznica *problematik*. Beseda namreč še ni uslovarjena. Če izhajamo iz najlogičnejše tvorbene interpertacije (da gre za *problematično osebo* so zapisali večkrat tudi anketiranci), po kateri gre za izpridevniško samostalniško izpeljanko s skladijsko podstavo (*problematičen človek*), se pokaže, da je zaradi pojava depalatalizacije struktura tvorjenke nekoliko zakrita (*problematik-0*).

Vprašani so jo argumentirali kot besedo, ki najjasneje izrazi bistvo citatnega izraza (*traublemaker*), je uveljavljena in pogosto rabljena,¹ vsi poznajo njen pomen, je razumljiva, enostavna, beseda jim zveni naravno.

Študenti slovenistike so z enakim številom odgovorov in s tem k prvouvrščenim besedam poleg *problematika* uvrstili še besedi *težavar* in *težavnik*. Prvo besedo so argumentirali kot skladno z besedotvorno in jezikovno normo,² ker

¹ Očitno v pogovorni rabi, saj korpusno ni potrjena.

² Slovenski pravopis 2001 besedo *problem* označuje kot knj.(ižno) pog.(ovorno) in jo razloži z nadrejenim sinonimom *težava*. Glede na to, da je izraz *problem* tujka prevzeta iz nemščine gre očitno tudi za puristični vidik po načelu domače pred prevzetim.

ima tipično obrazilo *-ar*, ki je značilno za tvorjenke s pomenom oseb, nastale iz samostalnika, in ima razviden pomen. Pri tvorjenki *težavnik* pa so vzpostavljali analogijo z *zdravnik* (čeprav je prva lahko le izpridevniška in druga le izglagolska tvorjenka), izpostavili razvidnost pomena, ki je jasen in tvorbeno povezan z besedo *težava*, vendar je zaradi obrazila (*-ik*) za nekatere slabši izraz v primerjavi s tistim z *-ar*. Kot slabo so pri besedi *težavnik* v odnosu do *težavar* argumentirali, da prej priklicuje pomen predmeta kot osebe oz. da kaže bolj na lastnost osebe (*težavna oseba*), ne pa na njeno aktivnost (*oseba, ki dela težave*).

Po primernosti drugouvrščena beseda vseh anketiranih je *težavotvorec* zaradi razvidnosti pomena in razvidne aktivne vloge (*tvoriti težave*), kar jo najbolj približuje angleškemu izvornemu izrazu, čeprav so nekateri menili, da je preveč dobesedna, torej tvorjena s kalkiranjem, in opozorili na neumestnost glagolskega dela zloženke: v slovenščini ni običajna zveza *tvoriti težave*, marveč prej *delati težave*.

Tretjeouvrščena beseda je *težavar* in četrtoouvrščena *težavnik*. Za slednjo so študenti neslovenisti argumentirali, da je sicer manj ustrezna, ker jim bolj priklicuje pomen za osebo, ki jo je »težko prenašati« kot pa za osebo, ki dela težave, oz. se jim zdi, da se beseda ne nanaša nujno na osebo.

Peto- in šestouvrščeni sta *težavodelnik* in *težavodelnež*, ki kot zloženki jasno izražata sestavini *delati* in *težava*. Prvo večkrat povezujejo z vzorcem, kot ga ima beseda *čudodelnik*, čeprav je enega izmed anketirancev zmotil ravno drugi del tvorjenke *-delnik*, ki ni pogost. Medtem ko je *težavodelnež* pri enem izmed anketirancev sprejemljivejši prav zaradi pripone *-ež*. Slednja tvorjenka je, zanimivo, za sloveniste manj sprejemljiva kot prva, ker se jim zdi, da gre za dobesedni, sestavinski prevod; nekdo je besedo asociiral z *dobrodelnež*, ki ima pozitivni pomen, *težavodelnež* pa naj bi kot beseda označevala človeka z negativno lastnostjo.

Med besedami, uvrščenimi od sedmega do dvanajstega mesta (*zdrahar*, *problemodajalec*, *težavodejnež*, *zmešnjavec*, *avšak* in *težavočitelj*), so anketiranci sestavinsko nerazvidnost najbolj problematizirali pri tvorjenki *težavočitelj*, saj so le redki prepoznali tvorbeni postopek, po katerem je beseda tvorjena. Gre namreč za sklop dveh krnov¹ s skupno prekrivno črko, ki lahko signalizira analogijo z zložensko medpono *-o-*, in sicer *težavo* + (*povzr*)*očitelj* → *težavočitelj*. Torej je tak tip nesistemske tvorbe za novonastala poimenovanja neodobran zaradi nepredvidljivosti, ki govorniku ne omogoča vzpostavljati analogije z že znanimi tvobenimi vzorci. *Težavodejnež* se večni ne zdi sprejemljiv, ker je zelo uraden, torej knjižen, kar sklepajo na podlagi sestavine *-dejnež*. Eden izmed anketirancev jo vzporedi z besedo *blagodejnež* (iz pridevnika *blagodejen* 'tak, ki ugodno, blago deluje'), ki ima pozitivni pomen. Zato meni, da tak tvorbeni vzorec ni primeren za tvorjenko, s katero se poimenuje človeka, ki dela težave. Predlagana beseda *problemodajalec* pa za vprašane ni bila problematizirana z vidika strukturne, ampak pomenske kombinatorike sestavin, kar bomo obravnavali v nadaljevanju.

¹ Angleški izraz za tak tip tvorbe je *blending*.

6 Družljivost sestavin in določanje profila

Poleg razpoznavanja posameznih sestavin v novotvorjenki, na podlagi katerih se rekonstruira njen pomen, je bistvena tudi ustrezna kombinacija sestavin. Taylor (2015: 153–154) pri prepoznavanju delov posamezne tvorjenke izpostavlja več meril, primernih za analizo tvorjenk. Glede na rezultate ankete sta se pokazali kot pomembni dve, selekcija oz. izbirnost sestavin in določanje profila.

Pri izbiri sestavin je tehtna zmožnost kombiniranja posameznih sestavin v smislu, kaj se s čim lažje kombinira, kateri morfemi (besedotvorni in korenski) imajo širšo in kateri manjšo povezovalnost (kolokabilnost). Tako so anketiranci opozorili, da beseda *problemodajalec* ni primerna, ker ne izrazi pomenskega bistva. Oseba, ki namreč dela *težave* ali *probleme*, ni tista, ki jih *daje*. Glagolska besedna zveza *dajati probleme*, na kateri temelji zloženka, je neprimerna. Korpusno preverjanje potrди intuicijo vprašancev, da zveza *dajati problem(e)* ni potrjena. Posebej so opozorili, da sestavina *-delnež* v zloženki *težavodelnež* ni primerna. Korpus Gigafida prav tako potrjuje tudi to njihovo opažanje, saj je sestavina *-delnež* povezovalnostno omejena na naslednje besede (*brezdelnež*, *dobrodelnež*, *čudodelnež*, *nedelnež*, *hudodelnež*, *enodelnež* in *škododelnež*). Podobno opažanje se je nanašalo na *-delnik* v besedi *težavodelnik*. Dejansko ima tudi ta sestavina v zloženkah zelo omejeno povezovalnost, zgolj v naštetih tvorjenkah (*čudodelnik*, *dobrodelnik*, *hudodelnik*, *brezdelnik*, *škododelnik*).

Čeprav je *težavotvorec* visoko na lestvici primernih izrazov, ne gre prezreti opozorila posameznih anketirancev, da je glagolska zveza *tvoriti težave* neprimerna, saj je za pomen angleškega izraza umestnejša raba glagola *povzročiti* oz. *povzročati težave* in v milijardnem korpusu zveza *tvoriti težav(o/e)* tudi ni potrjena.

Posebej zanimiva so opozorila vprašancev o primernosti izraza z vidika poimenovanja osebe glede na njeno aktivnost oz. pasivnost ter primernost obrazila, kar sodi v kategorijo določanja profila. Za kognitivni opis je razumevanje razmerja lik – ozadje, tj. profiliranje, izrednega pomena. V tvorjenkah se profil kaže skozi obrazilo, saj se z njim nakazuje, ali gre za osebo, prostor, predmet, lastnost, dejanje ipd. Anketiranci so posebej problematizirali pripono *-ik* pri besedah *težavodelnik* in *težavnik*, ker jim obrazilo priklicuje prej pomen neživega kot živega. Eden izmed vprašanih je celo zapisal, da mu *težavnik* asociira ime sklona in ne na osebe. V zvezi z obrazilno razvrstitvijo pri poimenovanju oseb pa so nekateri anketiranci opozorili še na razmerje aktivno proti pasivno, kar bi se lahko povezovalo s kognitivnim vidikom lika prvega in lika drugega plana. Navajali so, da *težavnik* pomeni *težavno osebo*, torej osebo, ki je nosilec določene lastnosti, in ne poimenuje osebe, ki je aktivna, tj. *povzroča težave*, kot to kaže angleška beseda. Enako opažanje je bilo tudi za tvorjenko *problematik*, ki prej pomeni *problematično osebo*, tj. nosilca lastnosti, kot pa tistega, ki naj bi povzročal probleme, tj. vršilca dejanja oz. povzročitelja.

7 Produktivnost

Kot ugotavlja Taylor (2005: 155) se pod tem pojmom pogosto obravnava produktivnost besedotvornih morfemov. Vendar to ne pomeni toliko v smislu, kako pogosto se določen morfem pojavlja, ampak bolj v smislu, kolikšen je njegov potencial za tvorbo novih besed. Gre torej za produktivnost sheme, znotraj katere se najpogosteje uporablja določeni besedotvorni (verjetno tudi korenski) morfem, in pri tem igra pomembno vlogo pogostost kombinacije.

S perspektive produktivnosti lahko interpretiramo v anketi zaznana dva pojava. Najprej opažanje anketiranih, da je pri določenih predlaganih besedah *-ar* primernejše obrazilo kot *-ik*. To se povezuje z njihovo prepoznavo, ki je tudi potrjena (Stramljič Breznik 1991), da je namreč obrazilo *-ar* v slovenščini najtipičnejše za shemo izsamostalniške samostalniške tvorjenke s pomenom osebe (samostalnik: S-*ar*), torej za tip *težav-ar*, nekoliko manj za izglagolske samostalniške tvorjenke s pomenom osebe (samostalnik: G-*ar*) in najmanj oz. praktično neproduktivno za izpridevniške samostalniške tvorjenke s pomenom osebe (samostalnik: P-*ar*).

Drugi pojav pa se nanaša na skupino najmanj primernih izrazov, tj. tistih, ki so po oceni anketirancev razvrščeni v drugi polovici lestvice (*zdrahar*, *problemodajalec*, *težavodejnež*, *zmešnjavec*, *avšak* in *težavočitelj*). Omejili se bomo le na interpretacijo treh izrazov, ki jih doslej še nismo omenjali, in to so *zdrahar*, *zmešnjavec*, *avšak*. Izraz *zdrahar* (kljub jasno razvidni strukturi in regularnosti tvorbenega vzorca *zdrah-ar* ← *tisti+z*, *ki je povezan (dela, povzroča) z zdrahami*)¹ so anketiranci razvrstili šele v drugo polovico primernih vzporednic, pogosto z argumentacijo, da je nejasen pomen besede *zdraha* 'nesoglasje, prepir, ki ga kdo povzroči s svojimi besedami, ravnanjem med dvema ali več osebami; razprtija'. Očitno je anketiranci ne uporabljajo, pa tudi njena korpusna frekvenca je relativno nizka, saj se pojavi le 4494-krat in je v primerjavi s frekvencama besed *težava* (593570 pojavitev) in *problem* (347260 pojavitev) zanemarljiva. *Zmešnjavec* se nahaja še bolj proti dnu lestvice, najpogostejši odklonilen razlog je, da pomensko ni mogoče enačiti besede *zmešnjava* 1. 'stanje, ko so dane, postavljene skupaj stvari, ki po lastnostih, značilnostih ne spadajo skupaj' (7010 pojavitev) in *težava* 2. 'kar povzroča, da je komu življenje bolj težko', saj je le beseda *težava* primerna ustreznica za angleško besedo *trouble*. Hkrati pa je *zmešnjavec* glasovno zelo blizu *zmešanec*, kar se popolnoma oddaljuje od pomena angleške besede *troublemaker*. Na predzadnje mesto (pred besedo *težavočitelj*, ki smo jo omenjali pri kategoriji nejasno razvidne strukture besede) se je glede primernosti uvrstila beseda *avšak*, ki jo lahko izpeljujemo kot maskulativ k besedi *avša* ekspr.(esivno) 'neumna, nespametna ženska'. Glavne argumentacije za neprimernost so bile: nejasen pomen, neknjižni izraz (verjetno zaradi zaznamovanosti), ni logične pomenske povezave z besedo *težava*. Drugi, dodaten razlog pa je verjetno tudi redkost tvorbene sheme, tj. tvorba moškega poimenovanja (maskulinativa) iz ženske oblike, saj je za slovenščino običajnejša

¹ Beseda *zdrahar* ekspr.(esivno) 'kdor dela, povzroča zdrahe' je tudi že uslovarjena v *Slovarju slovenskega knjižnega jezika*.

tvorba feminativov, tj. ženskih oblik, iz moških. Nezanemarljivo je tudi dejstvo, da je korpusna frekvenca besede *avša* zelo nizka (267 pojavitev).

8 Sklep

Kognitivna slovnica izhaja iz predpostavke, da jezik omogoča govorcu predstavljati svoje misli, namere in tudi izražanje konceptov s pomočjo inventarja simbolnih povezav med obliko enote (fonološka struktura) in enotami pomena (semantična struktura), zato je preučevanje njunih medsebojnih razmerij bistveno. Kognitivni pristop pri tem izhaja iz konkretnih primerov rabe, ki vodijo k postopnemu posploševanju določenih shem. Uveljavitev le-teh pa je odvisna od stopnje njihove sprejetosti, ki se lahko razlikuje od uporabnika do uporabnika jezika.

To potrjuje tudi opravljena manjša anketa, v kateri so se rojeni govorniki slovenščine opredeljevali o primernosti dvanajstih predlaganih izrazov za angleško citatno besedo *troublemaker*. Pokazalo se je, da pri odločitvi za najprimernejši izraz govorniki upoštevajo več meril. Mednje kot pomembno sodi strukturna razvidnost tvorjenke. Zato ni presenetljivo, da med prvimi šestimi izrazi nastopajo kar tri zloženske. Čeprav je za slovenščino pogostejša izpeljava pred zlaganjem, se je pokazalo, da je pri novotvorjenkah bistvenega pomena jasna razvidnost sestavin, ki je pri zloženkah zaradi večsestavinskosti večja kot pri izpeljankah.

Kot drugo pomembno merilo se je znotraj zloženk pokazala ustreznost pomensko-skladenjska razmerja, ki kaže na bistvo poimenovanja. Nekateri anketiranci so namreč problematizirali skladijski zvezi *dajati probleme* ali *tvoriti probleme* kot sestavinsko neprimerno zapolnjena sicer regularna vzorca glagolske besedne zveze s tožilniško vezavo). Tretje pomembno merilo se je pokazalo kot omejena povezovalnost (kolokabilnost) nekaterih sestavin (npr. *-delnik*, *-delnež*).

Četrto merilo predstavljata ustrezna izbira obrazilne in podstavne sestavine. Za obrazilo je bistveno, da mora izražati ustrezen profil, tj. v tem primeru pomen osebe. Pri izbiri ustrezne podstave pa je lahko odločilno tudi puristično načelo (npr. študenti slovenistike so celo dali prednost domači besedi *težava* pred prek nemščine prevzeti tujki *problem*). Za anketirance manjša sprejemljivost nekaterih podstavnih besed (*zdraha*, *zmešnjajava*) pa je celo sovpadala z redkejšo rabo, potrjeno z nizko frekvenco v korpusu, oz. tudi s hkratno nizko frekvenco in še ekspresivnostjo izraza (*avša*).

Odgovori anketirancev so potrdili, da je v novotvorjen izraz vgrajeno tudi vrednotenje poimenovanega. Anketiranci so osebo, ki dela težave, ovrednotili kot negativno, zato so odklanjali vzorec tvorjenke, ki so ga glasovno in strukturno naslonili na analogno tvorjenko s pozitivno konotacijo (npr. tvorjenka *težavodejnež* je bila prepoznana kot neprimerna, ker vzbuja neumestno pozitivno konotacijo, izhajajočo iz najbližje analogne tvorjenke *blagodejnež* s pozitivno konotacijo, ki jo ima podstavni pridevnik *blagodejen* 'ki blago, ugodno deluje').

Literatura in viri:

Лариса АБРОСИМОВА, 2014: Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/507/Abrosimova%20L_7-14.pdf.

Dostopno 29. 6. 2018.

Fran, slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, 2014–, različica 3.0, www.fran.si. Dostop 30. 4. 2018.

Juraj FURDIK, 2004: *Slovenska slovotvorba*. Prešov: Nauka.

Elena KORJAKOWCEWA (ed.), 2013: *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich*, red. Elena Koriakowcewa, Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 9–39.

Korpus Gigafida, <http://www.gigafida.net/>. Dostop 10. 5. 2018.

Ingeborg OHNHEISER (ed.), 2003: *Komparacja współczesnych języków słowiańskich. 1 Słowotwórstwo/ Nominacja*. Opole: Universität Innsbruck, Institut für Slawistik: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej.

Alexsander ONYSKO, Sascha MICHEL, (ed.), 2010: *Cognitive Perspectives on Word Formation*. Berlin/New York: Walter de Gruyter.

Elena PETRUHINA (ed.), 2010: *Novye javlenija v slavjanskom slovoobrazovanii: sistema i funkcionirovanie*. Trudy i materialy "Slavjanske jazyki i kul'tury v sovremennom mire": doklady XI Meždunarodnoj naučnoj konferenciji Komissii po slavjanskomu slovoobrazovaniju pri Meždunarodnom komitee slavistov. Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M. V. Lomonosova, Filologičeskij fakultet.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 1991: *Prva in druga pomenska skupina samostalniških izpeljank in zloženek iz glagolske, pridevniške in samostalniške podstave: magistrsko delo*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2004: *Besednodružinski slovar slovenskega jezika: poskusni zvezek za iztočnice na B*. Maribor: Slavistično društvo.

Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2017. Uvid v nastajanje leksike v spletnem slovarju "žive slovenščine" (s prvinami kognitivnega pristopa). V: TOŠOVIĆ, B., WONISCH, A. (ed.). *Wortbildung und Internet*. Graz: Institut für Slawistik: Kommission für Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee.

John R. TAYLOR, 2015: Word-formation in cognitive grammar. V: MÜLLER, P., OHNHEISER, I., OLSEN, S., RAINER, F. (ed.) *Word-formation: an international handbook of the languages of Europe*, (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015, vol. 1, str. 145–158.

Krystyna WASZAKOWA, 2005: *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. Warszawa: WUW.

ЗАКЛЮЧЭННЕ

Уплыў англійскай мовы на сучасныя славянскія мовы і іх словаўтварэнне з’яўляецца толькі адным з прыватных аспектаў уздзеяння працэсаў глабалізацыі і міжнароднай інтэграцыі на сістэмы нацыянальных моў і іх функцыянаванне ва ўнутрынацыянальных сферах камунікацыі і знаходзіць адлюстраванне ў інтэнсіўным папаўненні лексіконаў сучасных славянскіх моў значнай колькасцю англа-амерыканізмаў, якія актыўна функцыянуюць у самых разнастайных маўленчых сферах і ў значнай ступені фарміруюць “моўны твар” сучасных нацыянальных камунікатыўных сфер. У словаўтварэнні гэтыя працэсы праяўляюцца перш за ўсё ў актыўным уключэнні англамоўных запазычанняў у словаўтваральны працэс, а таксама павелічэнні дэрывацыйнай прадуктыўнасці словаўтваральных фармантаў, як спрадвечных, так і іншамоўных. Відавочным становіцца і папаўненне нацыянальных сістэм славянскага словаўтварэння новымі словаўтваральнымі сродкамі і спосабамі.

Прадстаўлены і даследаваны ў манаграфіі моўны матэрыял яскрава паказвае, што большасць словаўтваральных інавацый у сучасных славянскіх мовах знаходзяцца ў межах сфарміраваных і нарматыўна замацаваных словаўтваральных спосабаў і сродкаў словаўтварэння. Уключэнне новых англамоўных запазычанняў у лексічныя і словаўтваральныя сістэмы славянскіх моў, інтэнсіўнае ўтварэнне на базе гэтых запазычанняў цэлых радоў матываваных адзінак, павелічэнне словаўтваральнай варыянтнасці і дублетнасці сведчыць перш за ўсё пра развіццё намінацыўных магчымасцей славянскіх моў, актыўную адаптацыю іншамоўнай лексікі і не стварае ў цэлым пагрозы нівеліравання нацыянальнай адметнасці сучасных славянскіх моў, у тым ліку і іх сістэм словаўтварэння. Разам з тым названыя працэсы аказваюць заўважны ўплыў на стылістычную дыферэнцыяцыю нацыянальных лексіконаў, культуру публічнага маўлення і патрабуюць пільнай увагі спецыялістаў.

Аляксандр Лукашанец

РЭЗІЮМЭ

ГЛАБАЛІЗАЦЫЯ І СЛАВЯНСКАЕ СЛОВАЎТВАРЭННЕ

УВОДЗІНЫ.

Манаграфія “Глабалізацыя і славянскае словаўтварэнне” прысвечана даследаванню сучасных інавацыйных з’яў у словаўтваральных сістэмах славянскіх моў, звязаных з сусветнымі працэсамі інтэграцыі і глабалізацыі жыцця сучаснага грамадства, якія знаходзяць адлюстраванне ў славянскіх мовах перш за ўсё ў інтэнсіўным павелічэнні колькасці англамоўных запазычанняў і іх актыўным уключэнні ў словаўтваральны працэс. Таксама разглядаюцца асаблівасці актуалізацыі інавацыйных працэсаў у словаўтваральных сістэмах сучасных славянскіх моў, абумоўленых інтра- і экстралінгвістычнымі фактарамі (спецыфікай фарміравання літаратурных норм, асаблівасцямі моўных сітуацый, характарам міжславянскага моўнага збліжэння і адштурхоўвання і г.д.).

Манаграфія з’яўляецца вынікам абмеркавання названых праблем на пасяджэнні тэматычнага блока падчас XVI Міжнароднага з’езда славістаў у Бялградзе (Сербія, 19–27 жніўня 2018).

РАЗДЗЕЛ 1. Праявы моўнай глабалізацыі ў славянскім словаўтварэнні: сутнасць, маштаб і ўплыў на сістэму (Аляксандр А. Лукашанец)

Мэта даследавання. Мэтай даследавання з’яўляецца ўстанаўленне сутнасці ўплыву працэсаў глабалізацыі на сістэмы сучасных славянскіх моў і іх функцыянаванне ў нацыянальных соцыумах; вызначэнне асноўных тэндэнцый развіцця сістэмы словаўтварэння славянскіх моў; тыпалогія інавацыйных працэсаў у славянскім словаўтварэнні і іх ролі ў развіцці нацыянальных лексіконаў славянскіх моў, а таксама распрацоўка крытэрыяў іх ацэнкі.

Выкарыстаныя метады вырашэння настаўленых задач. Даследаванне будзе пераважна на беларускім моўным матэрыяле з прыцягненнем фактаў іншых славянскіх моў. Крыніцай фактычнага матэрыялу паслужылі сучасныя слоўнікі беларускай мовы, у тым ліку «Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў» (Мн., 2013), Нацыянальны корпус беларускай мовы, а таксама беларускамоўныя інтэрнэт-рэсурсы. Пры даследаванні былі выкарыстаны апісальны і параўнальна-супастаўляльны метады, метад сінхроннага словаўтваральнага аналізу.

Асноўныя вынікі. Глабалізацыя – сусветны працэс палітычнага, эканамічнага, культурнага і духоўнага аб’яднання і ўзаемапранікнення – знаходзіць сваё праяўленне ва ўсіх сферах жыцця сучаснага грамадства

(<https://www.calc.ru/Globalizatsiya-Protsess-I-Posledstviya.html>) і самым непарэдным чынам уплывае на нацыянальныя мовы і іх функцыянаванне ў нацыянальных соцыумах.

З сучаснымі працэсамі глабалізацыі звязана актыўнае пранікненне сусветных моў, у першую чаргу англійскай, у сферу ўнутрынацыянальнай камунікацыі, што ў перспектыве можа ствараць пагрозу выцяснення нацыянальных моў на этнакультурную перыферыю.

Працэсы глабалізацыі таксама непасрэдна ўплываюць на сістэмы нацыянальных моў, у першую чаргу на іх лексічны склад і словаўтварэнне.

У сферы славянскага словаўтварэння моўная глабалізацыя знаходзіць сваё выразненне ў:

а) інтэнсіўным пашырэнні словаўтваральнай базы за кошт уключэння англамоўных запазычанняў у словаўтваральны працэс (*камп'ютар – камп'ютаршчык, камп'ютарны, камп'ютарызаваць, камп'ютарызацыя* і г.д.);

б) істотным павелічэнні аб'ёму матываванай лексікі з іншамоўнымі асновамі і актуалізацыяй словаўтваральных сродкаў іншамоўнага паходжання (напрыклад, *інтэрнэт – інтэрнэтчык, інтэрнэтны, інтэрнэт-камунікацыя, інтэрнэт-магазін, інтэрнэт-канферэнцыя* і г.д.);

в) пашырэнні рэестра словаўтваральных спосабаў і сродкаў (напрыклад, гібрыднае словаўтварэнне: *VIP-персона*) і г.д.

Адзначаныя працэсы забяспечваюць патрэбы намінацыі, аднак вядуць да істотнай інтэрнацыяналізацыі лексіконаў сучасных славянскіх моў, нівеліравання іх нацыянальнай адметнасці і стрымлівання ўнутраных намінацыйных магчымасцей.

Адваротны бок уплыву працэсаў глабалізацыі на славянскае словаўтварэнне, т. зв. “антыглабалізацыя” знаходзіць сваё ўвасабленне ва ўзмацненні моўнага этнапурызму і актывізацыі ўласных словаўтваральных рэсурсаў мовы: *сеціва = інтэрнэт, далькажык = мабільнік* ‘мабільны тэлефон’, *пляцак = рукзак* і інш.

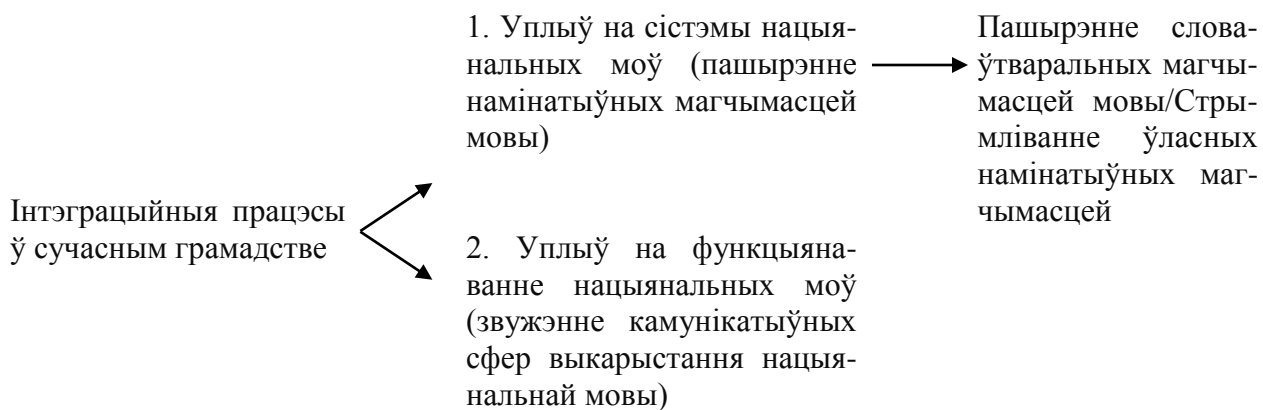
Суіснаванне ў лексіконах славянскіх моў англамоўных запазычанняў і вытворных на іх базе адзінак, з аднаго боку, і спрадвечнай, у тым ліку вытворнай, лексікі, з другога, вядзе да канкурэнцыі словаўтваральных тыпаў і стылістычнай дыферэнцыяцыі сінанімічных намінатыўных адзінак.

Мэтазгоднасць праведенага даследавання, яго арыгінальнасць. У даследаванні паказваецца месца інавацыйных працэсаў у словаўтварэнні сучасных славянскіх моў у агульным кантэксце моўнай глабалізацыі, характарызуюцца праявы “антыглабалізацыі” як тэндэнцыі да нацыяналізацыі і моўнага этнапурызму.

Вывады

1. Сучасныя працэсы глабалізацыі закранаюць не толькі сістэмы нацыянальных моў, але і ўплываюць на іх функцыянаванне ў нацыянальным соцыуме. Інавацыйныя працэсы ў словаўтварэнні сучасных славянскіх моў з'яўляюцца толькі адной з праяў моўнай глабалізацыі.

2. Працэсы глабалізацыі ў славянскім словаўтварэнні характарызуюцца супярэчлівасцю і неадназначнасцю ацэнак. З аднаго боку, актыўнае папаўненне лексіконаў славянскіх моў іншамоўнай лексікай і яе ўключэнне ў словаўтваральны працэс забяспечвае патрэбы сучаснай намінацыі і пашырае словаўтваральныя магчымасці мовы. З другога боку, абмяжоўвае рэалізацыю ўласнага намінатыўнага патэнцыялу, у тым ліку і словаўтваральнага.

3. Неабходна бачыць і адваротны бок працэсу глабалізацыі ў славянскім словаўтварэнні – своеасаблівую “антыглабалізацыю”. Інтэнсіўнае папаўненне сучасных лексіконаў славянскіх моў цэлымі гнёздамі вытворных слоў на базе іншамоўных запазычанняў стымулюе актывізацыю ўласнага намінатыўнага патэнцыялу і вядзе да паралельнага ўтварэння аналагічнага раду вытворных адзінак на базе нацыянальных моўных рэсурсаў. Вынікам гэтага становіцца істотнае пашырэнне лексічнай і словаўтваральнай сінаніміі, а таксама стылістычнае размежаванне запазычанай і спрадвечнай лексікі, у тым ліку вытворнай.

4. Асноўнымі крытэрыямі сучасных дынамічных працэсаў у словаўтварэнні славянскіх моў трэба лічыць: а) адпаведнасць агульным тэндэнцыям моўнага развіцця, б) актуальнасць; в) намінатыўную мэтазгоднасць; г) уключанасць у сістэму.

РАЗДЗЕЛ 2. Язык современных славянских СМИ в эпоху глобализации: инновационные словообразовательные процессы (диахронический аспект) (Koriakowsewa Elena)

Цель исследования. Выявление структурно-семантических особенностей и прагматико-стилистических свойств неадериватов, появившихся в результате инновационных словообразовательных процессов в текстах российских, польских и чешских СМИ в постсоциалистическую, постмодернистскую эпоху (конец XX века – первое и начало второго десятилетия XXI века). Исследование ориентировано на изучение и описание функционирования словообразовательных единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней.

Использованные методы исследования. Основной метод, применяемый в работе, – это синхронно-диахронический анализ

словообразовательных инноваций – русских, польских и чешских медийных неологизмов, созданных с помощью интернациональных греко-латинских терминоэлементов, а также интернациональных формантов англо-американского происхождения. Для определения степени эмпирической продуктивности используется количественный анализ медийных неодериватов, а также «индуцированных» ими окказионализмов, возникших в языке реципиентов текстов российских, польских и чешских СМИ.

Основные результаты. I. Проведенный нами синхронно-диахронический анализ показал, что с начала XXI века категория абстрактных существительных активно пополняется прежде всего за счет новых медийных *nomina actionis*, как правило, отыменных процессных имен, созданных с помощью интернациональных формантов *-изация/-izacja/-izace*, *-инг/-ing/-ink*, имеющих автономное процессуальное значение. В медийных текстах на русском, польском и чешском языках систематически растет продуктивность суффиксальных терминоэлементов *-изация/-izacja/-izace*, *-инг/-ing/-ink*, с помощью которых лингвокреативные журналисты активно образуют семантически регулярные отыменные *nomina actionis*. Продуктивность этих суффиксальных терминоэлементов, обусловленная стремлением к унификации словообразовательных связей, к автоматизации процесса словопроизводства, свидетельствует об усилении агглютинативности в семантике производных имён действия.

Инновационный словообразовательный процесс образования отыменных *nomina actionis* с помощью новых интернациональных формантов *-инг/-ing/-ink* активно стимулируется англо-американским лингвокультурным влиянием.

II. Появление русских, польских и чешских универбатов – *nomina abstracta* –, значение которых поддается дешифровке только во внешнем контексте (типа рус. *индивидуалка*, польск. *rozwojówka*, чешск. *individuálka*), связано не только с тенденцией к речевой экономии, но и с тенденцией к «национализации» лексической семантики, которая проявляется в стремлении закодировать значение мультивербизма, «свёртываемого» в универбат, понятный только носителям языка.

В инновационных процессах деривации медийных неологизмов – *nomina abstracta* – активно реализуются системные потенции русского, польского и чешского языков, а также находят свое выражение такие противоположные тенденции развития, обусловленные разнокультурным синкретизмом общества, как «стремление к коммуникативной выразительности» и «экономизация», «национальная спецификация» и «интернационализация», «интеллектуализация» и «демократизация».

III. В ходе проведенного анализа были определены также активные инновационные языковые средства, которые обеспечивают способность неологизмов к лингвокультурной адаптации, в частности, был уточнен словообразовательный статус заимствованных структурных элементов *-гейт*, *-gate*, *-завр/-zaur/-saurus*, *-(о)голик/-(о)holik*, *-оуд/-oid*, *-(о)номика/-(о)nomika*,

обладающих значительным потенциалом для семантико-стилистической спецификации и языкового манипулирования. Переосмысление значений этих суффиксоидных терминологических элементов, а также изменение их прагматико-стилистических и валентностных свойств стимулировало деривационные процессы, в результате которых возникли новые словообразовательные типы и классы эмоционально окрашенных существительных, а именно:

1) отонимические пейоративные названия тенденций в экономике, сгенерированных ходом общественно-политических реформ (*гайдарономика, грефономика, ельциномика...*; *kaczoronomika, tuskonomika...*);

2) отонимические пейоративные названия сторонников политических деятелей (с формантами *-завр/-зaur/-saurus, -оголик/-oholik, -oid/-oid*);

3) экспрессивные названия общественно значимых скандалов (с формантами *-гейт, -gate*).

Новые форманты, созданные или освоенные журналистами, достаточно активно вовлекаются реципиентами медиатекстов в новые деривационные процессы, в которых эксплицируются новые мотивационные отношения. Национальное же словообразование с помощью интернациональных морфем ведет к появлению таких моделей, мотивационная база или формант которых находится за пределами заимствующего языка, что ведёт к появлению всё новых связанных основ, часть из которых обнаруживает тенденцию к превращению в словообразовательные элементы переходного типа – амфиксоиды.

Выводы. Деривационная активность славянских журналистов, базирующаяся на «деавтоматизации» восприятия словообразовательной структуры производного слова и актуализации словообразовательных средств, объясняется стремлением преодолеть рамки традиционного газетно-публицистического стиля, найти новые средства авторизации текстов. Высокая эмпирическая продуктивность моделей, по которым были созданы медийные неодериваты, обусловлена тенденциями к языковой экономии, к большей выразительности, к систематизации словарного состава, а также стремлением к унификации знаковых средств выражения.

В медийных неодериватах отражаются способы и механизмы приспособления общенародного языка к условиям его функционирования, изменяющимся под влиянием внешних факторов. Учитывая тот факт, что большинство номинативных стимулов поставляют социальная, политическая, научно-техническая, культурная сферы деятельности человека, следует подчеркнуть, что на современном этапе развития славянской дериватологии возникает необходимость комплексного изучения словообразовательных процессов в их функциональном взаимодействии с процессами социокультурными.

Целесообразность проведенного исследования, его оригинальность

Оригинальность исследования заключается в использовании многоаспектного диахронического анализа новых специализированных

словообразователних типов, возникших на рубеже XX –XXI века в русских, польских и чешских масс-медийных текстах.

РАЗДЕЛ 3. Македонскиот јазик низ процесот на глобализацијата од зборообразувачки аспект (Лидија Аризанковска)

Цел. Поттикнати од потребата за брза и ефикасна комуникација во современиот јазик, македонскиот јазик се обидува да ги следи современите тенденции за збогатување на својот лексички фонд, користејќи го притоа свој расположлив зборообразувачки потенцијал, но не останувајќи недопрен од тенденциите на современиот глобален свет, кои од друга страна пак, се одразуваат воедно и на неговата национална специфика.

Метод. Во прилогот ќе се задржиме на македонскиот јазик низ процесот на глобализацијата разгледуван од зборообразувачки аспект, односно во колкава мера глобализацијата влијае на промените на националната специфика на еден јазик, односно неговиот јазичен и културен идентитет, кои се позитивните, а кои се негативните страни од тој процес и како во тој процес на глобализација да се остане недопрен, односно да се зачува идентитетот на јазикот. Следењето на современите зборообразувачки тенденции кои се дел од тенденциите на современиот глобален свет во ерата на брзиот технолошки развој е неминовен процес, но како ќе се справат неговите корисници во тој контекст е едно од клучните прашања во интерес на зачувувањето на јазичниот израз на јазикот, поставен меѓу традицијата и современите текови. Таквите промени најчесто се поттикнати од прагматизмот, нагласената комуникациска функција на јазикот, брзата и ефикасна потреба за пренос на информациите. Во таа насока значајна улога играат медиумите и интернетот, чие влијание врз јазикот е особено изразено и остава свои траги, секако, и во процесот на зборообразувањето. Наша цел е преку примери кои ја отсликуваат современата состојба на македонскиот јазик да ги покажеме тие промени настанати пред сè под туѓо влијание, а сè со цел да се биде присутен во глобалниот свет.

Резултати. Глобализацијата и јазикот

1. Јазикот е дел од постојаните развојни процеси кои се обусловени од низа општествени, културни и други фактори кои ја наметнуваат потребата од обогатување на лексичкиот фонд како дел од следењето на актуелните современи тенденции и потреби за опстанок во глобалниот прагматички свет. Тој е дел од сите тие процеси, а зборообразувањето е само еден од механизмите за остварувањето на потребните и посакуваните цели, кои сакале или не, сè повеќе стануваат дел од потребата на развиениот современ свет. Впрочем самиот поим глобализација значи “Меѓусебноповрзување на целиот свет”. (в. Дигитален речник на македонскиот јазик, www.makedonski.info)

“Јазиците не постојат во вакуум-простор, јазичниот контакт игра значајна улога во промените на јазиците (Jones-Singh, 2005: 29). Од У. Вајнрајх наваму, проучувањето на јазиците во контакт е издигнато на

повисоко рамниште и се проследуваат интеракциите на сите јазични рамништа, но денешниот контакт ја носи спецификата на интернетот, медиумите за масовна комуникација и сл., како начин за посредно влијание, но и како начин на создавање нови лексеми и денотати, предмет на понатамошно заемање.” (Карапејовски, 2012: 240, пристапено преку www.academia.edu).

2. “Друштвените мрежи создадоа т.н. глобален интернет-јазик со кој комуницираат и можат да се разберат младите од целиот свет. Но, младите забораваат да говорат! Се одвикнуваат од тоа да разговараат директно со некого, да разменуваат мислења, ставови!” (<http://republika.mk/310420/> објавено 05.09.2014/ пристапено на 14.02.2018)

“Не можам да ти кажам, ќе ти пишам на "Фејсбук" кога ќе дојдам дома - ова е најчестиот разговор на денешните млади луѓе. Социјалните мрежи го зазедоа местото на комуникацијата во четири очи. Младите избираат разговор на "Фејсбук", "Скајп", "Вибер", повозрасните се решаваат на комуникација преку е-пораки.” / објавено 05.09.2014/ пристапено на 14.02.2018)

3. Крајниот резултат се промените кои ги трпи јазикот во процесот на глобализацијата кои незабележително се сместуваат некаде главно во лексичкиот систем на македонскиот јазик. Преголемата желба за соодветен статус во семејството на активни јазици кои уживаат одделен респект, во случајов македонскиот јазик, изразено и преку општествените настани кои имаат свое влијание и врз развојот, односно неминовната надоградба на самиот јазик, го чинат своето. Во недостиг на време за соодветна адаптација на лексика која доаѓа со брзиот, пред сè технолошки развој, преземањето на туѓата лексика е наједноставен модел, евентуално адаптиран на зборообразувачкиот систем на македонскиот јазик, а самото тоа значи “модернизација”, односно осовременување на македонскиот јазик. Веќе постоечката лексика во македонскиот јазик, како и системот на образување нова лексика, особено преку калкирање, значи “тубење време” преку формирање термилошки речници, соодветен медиумски пласман, со други зборови бара средства, за кои ниту еден систем во глобалниот свет не е подготвен, бидејќи комуникацијата во истиот тој свет се сведува на англискиот јазик како *lingua franca*.

4. Барањето да се биде во една поголема општествена групација, подразбира и целосна адаптација на сите сегменти од општествениот систем, односно подготовка на целата барана документација и законска легислатива на македонски јазик, што значи развој на преведувачката дејност која во раце го има сиот потенцијал на македонскиот јазик, мислејќи пред сè на зборообразувачкиот, во насока на оформување на соодветна македонска терминологија. Како една од стратегиите во оваа дејност е калкирањето (*стакленички гасови* ← *green house gasses*; *одржлив развој* ← *sustainable development*). Искуството покажува дека кога има калкирање, секогаш се употребуваат веќе постоечките зборообразувачки модели, односно

зборообразувачкиот потенцијал на македонскиот јазик кој е веќе нормиран во јазикот, или со други зборови тоа се главно формантите од словенско и од латинско потекло, како и некои од турско потекло, употребувани главно зависно од функционалниот стил. Сепак, како наједноставна стратегија е директното преземање на туѓа лексика (*третман; фактор; миграција; адаптација, варијанти: адаптираност, адаптирање*). Новата лексика која директно се презема поради брзиот технолошки развој и развојот на интернет ерата е главно од англиско потекло, односно латинско, но примена преку англискиот јазик, со кој современиот човек е во секојдневен допир. Во тој контекст во прилогов ќе се задржам на терминологијата, претставајќи неколку примери од интерно изработени термилошки глосари и поимници, што ја отсликуваат состојбата на македонскиот јазик од современ аспект во однос на проблемите кои се јавуваат под влијание на глобализацијата во однос на формирањето и употребата на соодветна терминологија од дадена област.

5. За функционалните стилови и зборообразувањето веќе стана збор во некои од моите излагање (в. Аризанковска 2013: 135-145). Заклучокот од таквото истражување е дека современата актуелна состојба на македонскиот јазик, која се развива под медиумско влијание, како и останатиот јазичен свет, и е резултат на општиот процес на глобализацијата, како начин на обединување и олеснување во процесот на посредување информации, при што главна улога на јазик-посредник има англискиот јазик, говори за процес на создавање нови функционални стилови, кои главно ги користат постоечките зборообразувачки модели на јазикот или во интерес на прагматиката се користат со директно преземање на туѓи лексеми (евентуално нивно фонетско адаптирање, па дури и преиначување) или создавање хибридни форми преку калкирање, односно преведување на дадени именски синтагми или нивно комбинирање со задржување на оригиналната (во писмена форма латинична) форма. Сето тоа е резултат на потребата од задоволувањето на основната функција на јазикот, комуникациската, потребата од економија во изговорот и пред сè од потребата за ефектно пренесување на пораката. Зборообразувањето и ресурсите на македонскиот јазик се само во служба на спроведувањето на целите. Резултат од сето ова се новите функционални стилови, настанати како резултат на настанатите промени во веќе стандардизираните постоечки стилови и губењето на острата граница меѓу нив (Аризанковска 2013:144).

5.1. И колку што од една страна уметничкиот стил оди во насока на креирање на нови зборови со цел одржување на постоечката традиција (пр. сложенки од типот: *тешкорак* ← тешка + рака 'кој има тешка рака', *долгозаб* ← долг + заб 'кој има долги заби', *белобрад* ← бела + брада 'кој има бела брада', *милолик* ← мил + лик 'кој има мил лик', *рженокоса* ← (ржена + коса 'кој има долга коса како стеблото на ржот или со боја на рж; *мудроумен* ← мудар + умен 'оној кој е мудар и умен', *словенољубивост* ← Словен + љуби 'кој е пристрасен кон Словените, односно сè што е словенско', *каменорезец*

← камен + реже ‘кој обработува камен’, *очebol* ← око + боли ‘болка во очите’, *тресионашка* ← тресе + опашка ‘жена која флертува, предизвикува маж’ (Јаневски Славко, Тврдоглави, 1990), толку разговорниот и публицистичкиот, поточно новинарскиот стил одат во другата крајност (в. Аризанковска 2013).

Заклучок. Од изложеното погоре, накусо би заклучиле дека глобализацијата носи нови зборови, но нивното продирање во лексичкиот систем преку користењето на потенцијалот на зборообразувачките модели во македонскиот јазик значи навраќање на традиционалниот принцип на образување зборови, особено со повторно активирање на формантите кои претставуваат стилско обележје токму на македонскиот јазик, особено кај процесот на суфиксацијата, мислејќи на суфиксите од словенско и од турско потекло (*твитерџија*, *теретанџија*, *компјутерџија*, *моторџија*) како дел од разговорниот стил, како и од латинско потекло, особено кај стручната терминологија и стандардните форми (имплементира, аклиматизира; адаптибилност, аклиматизација; адаптација). Глобализацијата значи културно доближување, но и сè поголема доминација на прагматизмот, како олеснета форма на директно преземање на форми од јазикот којшто ја држи доминацијата во спроведувањето на комуникацијата, што е резултат, пак, токму на процесот на глобализацијата.

РАЗДЕЛ 4. Slovotvorná adaptace nových anglicismů v češtině (Bozděchová Ivana)

Ve většině moderních jazyků se v posledních několika desetiletích intenzivně a dynamicky přejímají a adaptují lexikální prostředky z angličtiny. Příspěvek se proto zaměřuje na slovotvornou utvářenost nových anglicismů v současné české slovní zásobě jako na výsledek slovotvorné adaptace, k níž vzhledem k typové vzdálenosti angličtiny a češtiny často při přejímání dochází (spolu s jejich adaptací formální a gramatickou). Problematika je ilustrována na slovotvorné realizaci onomaziologické kategorie děje, primárně pojmenované slovesem. Přejímání anglických sloves do češtiny znamená nutnou morfologickou adaptaci pomocí (domácího) kmenotvorného sufixu; jím se také tvoří česká slovesa od anglických jmen (substantiv). Jak uvádí Martincová, s. 132 (Martincová, O.: Nová slovesná pojmenování. In: Neologizmy v dnešní češtině. Praha 2005, s.119–133), přejímání a odvozování se prolínají a existuje mezi nimi napětí, poukazující na tendenci češtiny k slovotvorně strukturované stavbě nových lexémů.

Cíl. Cílem příspěvku je analýza slovesných neologických anglicismů z hlediska slovotvorné adaptace posuzované v analogii s domácím tvořením sloves. Slovesa jako primární prostředek pojmenování děje představují základ výpovědi, na jejich novém tvoření se pokoušíme posoudit roli slovotvorby při uspokojování nových komunikačních potřeb a ověřit aktuálnost přejímek z angličtiny i jejich uplatňování v současné české komunikaci.

Metoda. Analýza tvoření sloves z anglických základů byla provedena na neologickém materiálu, jeho hlavními zdroji byly databáze Neomat (202 340 hesel, excerpovaných nejvíce z textů publicistiky, řidčeji z beletrie a překladové literatury, a to v rozmezí let 1991–2005) a korpus syn v6 Českého národního korpusu (velikost 4 834 739 998 pozic). Z databáze Neomat jsme vyexcerpovali všechny lexémy označené jako anglicismy a z nich vybrali slovesa a jim příbuzná substantiva verbální a deverbativní substantiva pojmenovávající (široce pojatý) děj. Zaznamenali jsme také verbální substantiva s formantem *-ing/-ink* (původem neurčité slovesné formy tzv. anglického gerundia, např. *searching, twisting*), užívaná v obdobné funkci jako domácí substantiva verbální zakončená na *-ní* a *-tí* (tj. primárně ve smyslu onomaziologické transpozice).

Výsledky. Analyzovaný korpus tvoří slovesa utvořená od 112 kořených morfémů z angličtiny. Doložená slovesa vidově protikladná, včetně reflexivních byla uspořádána podle těchto kořenů (*chipovat – chipnout; skypovat – odskypovat – proskypovat – zaskypovat – zaskypovat si – skajpnout si*), a tak bylo zaznamenáno celkem 206 sloves slovotvorně odlišných (pojetí lexému a slovesného tvaru ve vztahu k slovesnému vidu bylo záměrně zjednodušeno, protože se zabýváme slovotvornou a onomaziologickou stránkou sloves). Z tohoto počtu je 102 imperfektiv a 104 perfektiv, a to bez formálně odlišného vidového protikladu 62 imperfektiv a 25 perfektiv.

Vzhledem k typologické povaze analytické angličtiny bývá v mnoha případech obtížné či nejednoznačné určit, ke kterému slovnímu druhu patří slovo, jímž bylo přejaté sloveso fundováno, tj. především rozhodnout, zda bylo do češtiny nejprve přejato substantivum, nebo sloveso. V naší klasifikaci neologických sloves anglického původu jsme u konkrétních případů vycházeli z (ne)existence lexémů obou slovních druhů v angličtině a z významu českého slovesa (strukturního i na něm založeného lexikálního). V materiálu jsme zaznamenali:

1. desubstantiva: 33 sloves; motivující syntaktické substantivum apelativní, příp. propriální, tj. jednoslovný lexém (*brunch, banner, hipster, style, copyright, friendzone, Twitter*) kolokace (*high line, fast food, Old Spice*) nebo zkratka (*ICQ, IT, NATO*)

2. deverbativa: 61 sloves (*leak, meet, release, search, stand-up*)

3. slovesa s dvojí motivací: 18 sloves (*dislike, forecast, hype, request, stream*)

V kapitole 3.2 jsou klasifikovány a charakterizovány jednotlivé zaznamenané slovotvorné afixy a jejich významy/funkce (přehled uvádí Tabulka 1). Strukturní významy sloves dané užitím příslušných afixů se často lexikalizují v lexikálně sémantické odstíny, resp. významy. Uvedený přehled tedy slouží pouze k dokumentaci zaznamenaných slovotvorných postupů a prostředků a k ilustraci významových změn s nimi spojených. Jako slovotvorné afixy se v excerpovaném materiálu uplatňují především:

I. kmenotvorné formanty

U neologických sloves zcela převažuje kmenotvorný formant *-ova-*, v menší míře jsou doložena neologická slovesa s formanty *-izova-*, *-i-*, *-nou-*, *-a-*

(*upgradovat, fastfoodizovat, spoilereit, sharnout, talkat*). Formantem -ova- je z angličtiny adaptována do češtiny naprostá většina sloves, a to od substantiv i od sloves, imperfektiv i perfektiv. Vyjadřují především následující slovo tvorné významy: 1) ‚používat jako nástroj nebo metodu to, co označuje základové substantivum‘ (*bookmarkovat, cashbackovat, skypeovat, twitterovat*), 2) ‚vytvářet, dělat, provádět, provozovat to, co označuje základové substantivum, realizovat, projevodat činnost pojmenovanou základovým substantivem‘ (*dumpingovat, branchovat, snackovat*), 3) ‚opatřovat tím, co označuje základové substantivum‘ (*hashtagovat, likovat, pricovat, copyrightovat*), 4) ‚být tím, koho (co) označuje základové substantivum‘ (*cosplayovat, fangirlovat, spoilerovat*).

II. Prefixy, cirkumfixy

Slovo tvorné prefixy sloves modifikují lexikální význam základových (do češtiny adaptovaných) sloves, a to ve většině případů zároveň s významem dokonavosti (imperfektiva se perfektivizují). V excerpovaném materiálu byly doloženy následující prefixy s uvedenými obecnými významy: *na-* (komplexnost děje s důrazem na jeho završení: *nabriefovat, nalajnovat*), *za-* (prostě vidový význam: *zasejfovat, zasupportovat*), *za-* *si* (malá míra děje; uspokojení: *zashortovat si, zaspoilovat si*), *o-* (prosté dokonání děje: *ofejkovat, očekovat*), *vy-* (vidové protějšky základových sloves, příp. velká míra děje: *vydriftovat, vytweetovat*), *u-* (konec existence, aktivní, záměrná činnost vedoucí k unavení, vyčerpání, vysoká míra děje: *udriftovat, ulajkovat*), *od-* (pohyb směrem pryč: *odcentrovat, odskypeovat*), *pro-*, *pro-* *se* (‚provést děj důkladně, zcela, ve vysoké míře po značnou dobu‘: *prosérčovat, proskypeovat*), *roz-* *-it* (‚provedení/rozpoutání změny stavu spjaté se základovým slovem‘: *rozlajnit, roztwitterovat*). Popis tvoření neologických sloves je v příspěvku doplněn přehledem a charakteristikou slovo tvorných typů a variant imperfektiv a perfektiv (kap. 3.3 a 3.4).

Substantiva verbální zakončená *na -ní/-tí* (*copyrightování, voipování, přebookování, leaknutí, tweetnutí*) se v češtině tvoří v rámci transpoziční kategorie paradigmaticky (kap. 4, přehled Tabulka 2); u přejatých sloves bývají jedním z ukazatelů stupně (míry) jejich adaptace. Kromě nich nebo někdy spolu s nimi (jako varianty) se vyskytují i přejatá substantiva verbální zakončená *-ing* (*forecasting, uploading; brainstormování – brainstorming, twistování – twisting, uploadování – uploading*). Méně zastoupena jsou v excerpovaném neologickém materiálu deverbativní jména, tvořená slovo tvorným sufixem *-(iz)ace* (*youtubizace, twitterizace*; viz kap. 5). Jen pro doplnění obrazu slovesných anglicismů v češtině (kap. 7) byly uvedeny ilustrativní doklady sémantického tvoření na základě anglických sloves (anglické neosémantismy a kalky víceslovných spojení se slovesem být: *těžít, být čistý*).

Slovesné neologické anglicismy byly konečně posouzeny podle užívání v textu a v komunikaci a podle jejich vidové a stylové platnosti (kap. 8). V excerpovaném materiálu jsou doloženy především v publicistických textech (v českých denících, časopisech, na sociálních sítích), v závislosti na oboru se objevují v širě i úzce tematicky zaměřených textech, nejčastěji v člancích, reportážích, fejetonech, glosách, recenzích, rozhovorech, diskusích, anketách apod.

Vedle novosti a cizosti jazykového původu mívají často stylový příznak, příznak slangovosti, profesionalismů nebo expresivity.

Závěr. Analýza slovesných neologických anglicismů z databáze Neomat a korpusu syn v6 potvrdila aktuálnost a četnost přejímek z angličtiny i jejich uplatňování v současné české komunikaci. Jejich neologický charakter se poměrně výrazně projevuje ve formální neustálenosti (mnohé se vyskytují ve dvou i více formálních variantách); tato rozkolísanost úzu odráží vedle časové novosti i odlišnost zdrojové angličtiny a cílové češtiny nejen typologickou, ale především v poměru psané a mluvené podoby jejich výrazových prostředků. Variantní jsou většinou podoby slovotvorných základů (vesměs kořenů), vlastní slovotvorné formanty jsou analogické s formanty užívanými při tvoření z domácích základů. Podle mechanismů adaptace neologických anglických sloves byla zaznamenána u 30 % sloves motivace anglickým substantivem, u 54 % slovesem a u 16 % substantivem i slovesem.

Jedinou zjištěnou slovotvornou analogií s angličtinou je přejímání a užívání původních gerundiálních podob zakončených na *-ing* paralelně vedle českých substantiv verbálních zakončených na *-ní/-tí*; lze je považovat za projev vyrovnávacích tendencí v současném jazyce (srov. Martincová, O.: Internacionalizace a vyrovnávací tendence. In: Internacionalizmy v nové slovní zásobě. Praha 2003, s. 17–22). Potvrzuje se již dříve zaznamenaný kvantitativní nárůst substantiv s formantem *-ing*; Mravinacová je označuje jako výrazný přejímaný strukturní typ (Mravinacová, J.: Přejímání cizích lexémů. In: Neologizmy v dnešní češtině. Praha 2005, s. 187–211); v analyzovaném materiálu se objevují u více než čtvrtiny imperfektiv (27,5 %). Zatímco substantiva verbální s formantem *-ní/-tí* ve vyšší míře uchovávají dynamické, procesuální aspekty lexikálního významu, substantiva s formantem *-ing* se užívají především jako názvy procesů, postupů, metod, disciplín, a tím se vzájemně diferencují. Za podpůrný faktor této diferenciaci lze považovat typologickou avidovost substantiv s formantem *-ing*, resp. systémovou obouvidovost jejich anglických motivujících sloves. Ta se projevuje i při tvoření deverbativních substantiv s formantem *-(iz)ace*.

РАЗДЗЕЛ 5. Допринос глобализације банализацији лексичког фонда српског језика (Драгићевић Рајна)

Циљ истраживања. Истраживачи свих савремених словенских језика запажају да је у јавној употреби језика све присутнији немар, бахатост и снижавање језичке културе свођењем свих функционалних стилова на разговорни стил. Општа је оцена да је овим процесима допринела и глобализацијска стихија. У раду се, зато, полазиод закључака истраживања на материјалу руског, као највећег словенског језика (В. В. Химик), затим од резултата упоредне анализеграђе из руског као источнословенског језика са пољским и чешким као западнословенским језицима (Е. Корјаковцева) и бугарског као јужнословенског језика у односу на чешки као западнословенски језик (Ц. Аврамова). Да би се приказала ситуација у

словенским језицима у обзир се узимају и резултати истраживања других аутора – И. Онхајзер, Г. Нешчименко, С. Козинеца, који су у својим анализама дошли до сличних закључака. Затим се представљају опште оцене стања у српском језику и резултати истраживања српских лингвиста П. Пипера и Т. Прћића.

Општа оцена стања у словенским језицима условила је циљеве истраживања:

- 1) установити на који начин се последице глобализације рефлектују на лексику савременог српског језика;
- 2) утврдити како настају и шта значе нове речи у српском језику;
- 3) одредити могу ли се установити тенденције за будућност лексичких промена у српском језику.

Методe. Лексичка грађа је ексцерпирана углавном из новинских текстова у периоду од маја 2017. до маја 2018. године. Највише грађе добијено је из српских дневних новина Данас, Политика, Блиц, Курир, као и са сајтова телевизија РТС и N1. Добијена грађа сортирана је, прво, по начину творбе, а затим и према значењу. Обрађена је на основу творбених и семантичких класификација.

Резултати истраживања. Показало се да нова лексика углавном спада у оцазионализме и да се њена експресивност темељи на потреби за обезвређивањем, пејоративизацијом људи, појава, идеја и др. Убедљиво највећи број оцазионализама у медијском језику има управо ту улогу. Ако је настала творбом речи, а обично јесте, таква лексика је мотивисана баналним појавама из свакодневног живота, па је и сама банална. На основу тога закључујемо да се, судећи према новим речима, лексички фонд српског језика све више банализује.

Установљено је неколико типова оцазионализама из српских медија и свака група је анализирана у раду. Многе од тих група се преплићу, а преплићу се и семантичко-творбени критеријуми на основу којих је класификована прикупљена лексика.

1. У првој групи налазе се оцазионализми који су повезани у једну групу на основу тога што представљају пејоративне називе за особе: фејсбуковац, паткар, кликтач, кокаколичар. Нека од оваквих именована појављују се у савременом српском језику као чланови све уобичајенијих синтагми, нпр. *имачи (мишљења), носачи (ковчега), дувачи (у пиштаљку)*.

2. У посебну подргрупу у оквиру наведене групе сврстали смо и детаљно анализирали оне оцазионализме чија се експресивност постиже употребом турских суфикса, нпр: *харвардлија* [професор са Универзитета Харвард], *факултетлија* [студент], *интернетлија* [особа која се служи интернетом]. Сличну експресивну вредност има суфикс *-ија* у неким примерима, рецимо, *новинција* [новинар].

3. Посебно смо издвојили експресиве, међу којима је највише оних на турски суфикс *-лук*, у којима суфикс губи прецизно значење, па дериват према потреби може означавати скуп људи, особине, стил

итд: *коментаторлук* [коментатори], *коректлук* [политички коректлук = коректност], *балегарлук* [цео тај балегарлук и сплачинарство око Ђурићевог хапшења = скуп поступака], *доконлук* [агресивни доконлук = докони људи].

4. Обезвређивање процеса, покрета, идеја и њихових носилаца: *овцеизација* [заглупљивање], *дизнилендизација* [назив за појаву да челници града улажу новац само у садржаје који ће привући туристе], *орбанизација* [политика затварања земље за мигранте], *циркусијада* (Вучићева циркусијада), *вучићевићијада* [манифестација у част новинара Вучићевића, иронично], *ударијада* (државна ударијада) [избор најбољег државног удара, иронично].

5. „Ономатопејска творба“ у сврху обезвређивања: *цик-цак политика* [политика Србије и према Истоку и према Западу], *тути-фрути партија*, *пинг-понг дипломатија*, *бла-бла-блаови* (учествује у Вучићевим дијалозима о разним бла-бла-блаовима).

6. Блендирање у сврху пејоративизације: именица *преститутка* настала је сливањем глагола *преступ(ити)* и именице *проститутка*, а означава новинара, медиј, блогера који намерно прекраја информације да би се улагивао некој политичкој групацији. *Трампокалипса* = Трамп + апокалипса; *кукупедија* = кукати + енциклопедија; *дновинарство* = дно + новинарство; *дновинари* = дно + новинари; *daytonarije* = Dayton+ детињарије; *уитопија* = Yugoslavia + утопија.

7. Пејоративизација образовањима мотивисаним личним именима: *трампоидан* (о фризури, начину размишљања), *палмоидан* (о решавању проблема). У сличном духу настао је и придев *аланфордовски* (од имена јунака стрипа Алан Форд): *аланфордовски хумор*, апсурд, језик, професија; *орбанизација* (орбанизација Словеније). Аркан је надимак једног од најпознатијих криминалаца у Србији деведесетих година XX века, а његово име је употребио један интелектуалац пишући о арканској пракси, назвавши тако насилнички тип понашања и решавања проблема.

8. Вишеделне синтаксичке јединице у служби одредбеног члана са пејоративним значењем: *од тих у-исти-кош утрпаних жена; госпођица „свезнасемдапева“; то је такоеснеесовскобајатовићевски!*

9. Сензационализам, претеривање и надувавање у служби пејоративизације: *гигаконференција*, *турбо-сега-мега-пунк средња класа*, *турбопатриотски* (турбопатриотска опозиција), *турбоевропски* (турбоевропска позиција), *велеобрт*, *хиперстабилан*, *хиперсензибилан*, *хиперпосматрач*, *хиперпокретљивост*, *хипербрз*, *хиперкритички*.

Оригинално истраживање. Истраживање је потпуно оригинално и спада у истраживања вођена корпусом.

Закључци. У раду се долази до неколико закључака:

1. Главни утицај глобализације на српски језик исти је као утицај и на све остале словенске језике, а то је снижавање језичке културе и свођење многих функционалних стилова на разговорни.

2. Главна тенденција у мотивацији за настајање нове лексике jeste експресивizacija.

3. Неологизми су по правилу оцаионализми. Највише их је у језику медија. Може се претпоставити да је мала вероватноћа да ће много такве лексике завршити у основном лексичком фонду. То је лексика која припада периферији лексичког система српског језика. Дobar део те лексике везан је само за тренутни друштвени тренутак, неће постати фреквентан и ускоро се више неће употребљавати.

4. Циљ експресивizације новонастале лексике је најчешће обезвређивање (пејоративizација) људи, идеја, појмова итд.

5. Пејоративizација се најefектније постиже изналажењем мотивације у речима које означавају вулгарне и баналне садржаје. Због тога се може закључити да су основне тенденције новонастале српске лексике: експресивizација – пејоративizација – банализација.

PAЗДЗЕЛ 6. Rola słowotwórstwa w stabilizowaniu się zapożyczeń angielskich w polszczyźnie (Magdalena Pastuch)

W językoznawstwie istotne jest, aby wskazywać zarówno zjawiska nowe w języku, jak i te, które świadczą o stabilności danych tendencji, rozumianych jako najważniejsze kierunki zmian. Jak piszą autorzy książki Składnia średniowiecznej polszczyzny „opis historyczny – nastawiony na wyjaśnianie – [...] uwypukla w danym momencie dziejowym warstwowość chronologiczną języka będącą konsekwencją jego ewolucyjnego charakteru i ujawniającą się w każdym tekście” (Krażyńska, Mika, Słoboda 2015, 8). Następstwem takiego podejścia jest poszukiwanie przyczyn stabilności, także w warstwie leksykalnej. Ponowna lektura opracowań leksykograficznych sprzed kilkunastu lat daje asumpt do rozważań na temat czynników umacniających stabilność wyrazów zapożyczonych w polszczyźnie. Tematem rozdziału są tylko te czynniki, które mają swoje źródła w płaszczyźnie słowotwórczej

Cele badawcze. Artykuł ma charakter diachroniczny, co w tym przypadku oznacza, że porównuję dwie płaszczyny czasowe, odległe od siebie o około 20 lat. Na podstawie tego porównania próbuję wskazać, które zapożyczone jednostki leksykalne przetrwały w polszczyźnie, a które okazały się jedynie efemerydami. Nie jest moim zadaniem pełna analiza statystyczna, a jedynie wskazanie faktorów wpływających na „zdolność przetrwania” obcych jednostek w polszczyźnie.

Stawiam sobie dwa podstawowe pytania badawcze:

1. Jakie czynniki natury słowotwórczej wspomagają stabilizację zapożyczeń angielskich w polszczyźnie?

2. Czy płaszczyna derywacyjna może uchronić dane zapożyczenie przed losem efemerydy?

Metoda. Źródłem materiału jest opracowanie Elżbiety Mańczak-Wohlfeld z roku 1994 pt. Angielskie elementy leksykalne w języku polskim oraz wydany w 2010 roku pod redakcją tej samej autorki Słownik zapożyczeń angielskich w polszczyźnie. Posługuję się również ogólnymi leksykonami polszczyzny

współczesnej oraz historycznej. Dodatkowym, pomocniczym kryterium jest moja kompetencja jako rodzimego użytkownika języka.

Różnica pomiędzy latami wydania tych leksykonów wynosi 16 lat, a jak wskazują badania (Smólkowa 1998) okres 15-18 lat to jedno pokolenie językowe. Można zatem uznać, że poddane analizie leksemy przetrwały pokolenie i uprawnia to do uznania ich za stabilne. Obserwacji poddane zostały te jednostki, które w opracowaniu Mańczak-Wohlfeld uważane są za pochodzące bezpośrednio z języka angielskiego (bez języka medium) i opatrzone kwalifikatorem ang.

Interesują mnie tylko zapożyczenia właściwe (Witalisz 2016, 37), nie zajmuję się natomiast anglicyzmami semantycznymi, kalkami czy cytatami.

Wyniki badań. Na podstawie przeprowadzonego porównania stwierdzić można, że w polszczyźnie ogólnej (wykluczam terminologię) przetrwało tylko około 15% z zanotowanych w opracowaniu z 1994 roku anglicyzmów. Ogląd ustabilizowanych leksemów z perspektywy słowotwórczej doprowadził do następujących wyników:

1. Większą szansę na stabilizację mają jednostki, które zawierają w sobie rdzenie o proveniencji klasycznej (łacińskiej lub greckiej). W najnowszym słowniku zapożyczeń angielskich (Mańczak-Wohlfeld, 2010) wśród ok. 2000 haseł 105 ma genezę łacińską lub grecką (21%). Wszystkie te, które oparte są na internacjonalnych rdzeniach, przetrwały. Przykładowo można podać: *aborcja, aktywizować, binarny, bonus, kemping, edytor, egoista, export, elastyczny, eskalacja, generatywizm, komiks, kompakt, kompost, komputer, konsulting, lobby, metalik, mobbing, plastik, relaks, seks, sensor, tutor.*

1.1. Stabilizację wspomaga także obecność morfemów pobocznych o genezie łacińskiej. Najwyraźniejszym przykładem jest *-cja*, który powszechnie jest rozpoznawany jako właściwy pożyczkom łacińskim. Nie bez znaczenia jest też fakt, że pożyczki łacińskie o tym zakończeniu należą do najstarszych i najliczniejszych. Notuje je już Słownik staropolski, a w Słowniku polszczyzny XVI wieku (SXVI) jest ich już blisko 600 (587 zakończonych na *-cyja* + 3 na *-cja*). Słownik pod redakcją Doroszewskiego notuje ich zaś prawie 2000 (1950) i te dane liczbowe pozwalają na stwierdzenie, że zakończenie *-cja*, sprzyja stabilizacji leksemu, wpisując go w ogromny zasób pożyczek o genezie łacińskiej.

1.2. Pożyczki angielskie tworzą grupy, które łączy taki sam prefiks o znanej, czytelnej wartości semantycznej. I tym razem wywodzi się on z łaciny, np. *detoks, dewaluacja; autokar, autokemping, autostop; interfejs, interkom.* Na gruncie polszczyzny wiele z nich nie jest już konstrukcjami słowotwórczymi, tym niemniej przez odwołanie bądź do elementów tego samego gniazda (np. *dezodorant – odór; detoks - toksyny*), bądź przez analogię z innymi derywatami utworzonymi za pomocą tych samych elementów słowotwórczych wywodzących się z łaciny mechanizmów (np. *interkom* vs. *interaktywny, interdyscyplinarny*) możliwa jest prawidłowa ich interpretacja. I tym razem można mówić o wpisywaniu się zapożyczeń z języka angielskiego w istniejące, oparte na morfemach łacińskich, wzorce słowotwórcze.

2. Rozbudowane (rzeczywiste lub potencjalne) gniazdo słowotwórcze

Większość z 15% leksemów, które przetrwały próbę czasu, stworzyła gniazda derywacyjne. Podajmy dla przykładu: *esej* (*eseistyczny, esejowaty*), *hobby* (*hobbysta, hobbystyczny, hobbystycznie*), *reporter* (*radioreportaż, radioreporter, reportażyk, reportażysta, reporterskość, reportażyowy, reportażyowo, reporterka, reporterstwo, reporterzyna, reportaż, reporterski, test* (*testowy, testować, tester*).

3. Wsparcie historyczne

Czynnikiem stabilizującym nową pożyczkę może być wcześniejsza warstwa zapożyczeń. Przykładem jest XX-wieczne zapożyczenie *adpter* 1. ‘gramofon’, 2. ‘łącznik umożliwiający połączenie się dwóch niekompatybilnych urządzeń elektrycznych’, które wsparło się obecnym już w XVII wieku czasownikiem *adaptować* i jego formą imiesłowową *adaptowany*.

Polszczyzna przejmowała angielskie jednostki leksykalne w różnych momentach swojej historii. Każda kolejna „warstwa” zapożyczeń była wspierana przez te już istniejące, por. przykłady: *barman, biznesplan, bizneswomen, drenaż, farmerki, mikсовать, parking*.

4. Skład morfemowy jako czynnik wspomagający stabilizację zapożyczenia

Na stabilność zapożyczenia wpływa także jego skład morfemowy. Jeśli istnieją w nim morfemy istniejące także w języku-biorcy, to wówczas szansa na stabilizację jest większa, por. np. przykłady *serial* i *recital*. O ile w przypadku pierwszego można by pokusić się o reinterpretację i motywować *serial* *serią*, choć zbudowanie poprawnej parafrazy słowotwórczej nie byłoby proste, to *recital* jest na gruncie polszczyzny z pewnością niemotywowany. Istnienie rodzimych derywatów, w których ten sufix się wyodrębnia (np. augmentatywne *nochal, brzydal* czy homonimiczne *-al* w terminach chemicznych (*chloral, amonal, magnal*) z pewnością sprzyja stabilizacji. Podobnie jest w *adwentysta* czy *metodysta* – tu jeszcze wtórne nawiązanie do nazw doktryn na *-izm*. Drugą, znacznie większą liczbowo grupą są zapożyczenia z zakończeniem *-er* (np. *bokser, gangster, hacker, partner*), które doskonale wpisały się kategorię nazw wykonawców czynności niemotywowanych w polszczyźnie (*zecer, tapicer, oficer, szofer*) lub opartych na obcych rdzeniach, ale mających w polszczyźnie długą tradycję (np. *aranżer, monter, kolekcjoner*).

Konkluzje. 1. Na nowe zjawiska w języku należy spoglądać również z perspektywy diachronicznej, bo to ona pozwala weryfikować sądy i umożliwia wskazywanie tendencji.

2. Płaszczyzna słowotwórcza jest ważnym czynnikiem stabilizującym leksem zapożyczony w polszczyźnie.

3. Na stabilizację jednostki leksykalnej w języku-biorcy mają wpływ między innymi następujące czynniki:

- a. obecność klasycznego rdzenia,
- b. obecność innych morfemów o proveniencji klasycznej,
- c. rzeczywiste lub potencjalne gniazdo słowotwórcze,
- d. obecność w języku-biorcy wcześniejszych zapożyczeń opartych na tym samym rdzeniu,
- e. odpowiedniość (rzeczywista lub tylko formalna) pomiędzy składem morfemowym leksemu zapożyczonego a leksemu rodzimego.

РАЗДЕЛ 7. Интернациональные и национальные аффиксы для выражения псевдореалий в русском и чешском языках (Е.В. Петрухина, Д.К. Поляков)

Вступление. В докладе анализируется система типовых маркеров, позволяющих фиксировать и классифицировать несоответствие действительности или представлениям о норме в русском языке в сопоставлении с чешским. В славянских языках большую роль в данной семантической области играют словообразовательные средства, обладающие целым рядом особенностей в сравнении с лексическими показателями.

В XX в. в лингвистике сформировалось целое направление, изучающее языковые средства выражения обмана и несоответствия действительности – «лингвистика лжи». В эпоху глобализации, информационного общества и развития новых компьютерных технологий данная проблема, тесно связанная с медиа- и интернет-средой, становится все острее. В специальных работах, посвященных концепту обмана, анализируется целый ряд номинаций лжи и фальсификации: *ложь (lež)*, *обман (klam, podvod)*, *неправда (nepravda)*, *фальшивь (faleš)*, *фейк (fake, fake news)*, *фальшивка, фальсификат (falzifikát, falzum)*, *контрафакт, подделка (padělek, podvrh)*, *имитация (napodobenina)*, *фикция (fikce)*, *симулякр (simulakrum)* и др. Но в работах данного направления обычно не рассматриваются словообразовательные средства со значением несоответствия действительности (норме, стандарту) и фальсификации. Между тем именно аффиксы и аффиксоиды выступают как типовые маркеры данной семантики – они и являются объектом нашего изучения.

Цели и задачи. Исследование направлено на выявление специфики выражения в сопоставляемых языках несоответствия действительности и норме словообразовательными средствами, что предполагает решение нескольких взаимосвязанных задач: 1) установить типы распознанного несоответствия; 2) определить центральные (ядерные) и периферийные словообразовательные средства выражения семантических типов по данным национальных корпусов русского и чешского языков; 3) сопоставить частотность ядерных средств; 4) изучить в каждом языке соотношение заимствованных и исконных формантов; 5) исследовать взаимодействие формантов из смежных словообразовательных категорий и деривационные механизмы их функционального сближения в рамках соответствующей семантико-словообразовательной категории и др.

В обоих языках в выражении псевдореалий преобладают интернациональные аффиксы греческого или латинского происхождения (такие как префиксы *квази-, quasi-/kvazi-, псевдо-, pseudo-, пара-, para-, суб-, sub-* и др., суффикс *-оид, -oid*), свидетельствующие о том, что проблемы фикции, а также несоответствия норме издавна волновали человечество. Наше исследование показало, что в последние десятилетия их употребительность в русском и чешском языках растет. Активизация подобных префиксов отмечается и в английском языке (Z. Hamavand. *The Semantics of English Negative Prefixes*. London, 2009). Все это соответствует тенденциям глобализации лексики в

современных славянских языках и подтверждает новый этап «внутриславянского объединения», особенно ярко выраженного в словообразовании (I. Ohnheiser (red.) *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. I. Słowotwórstwo / Nominacja*. Opole, 2003. S. 334). В данной семантической области вместе с интернациональными активизируются и исконные форманты (рус. *лже-*, *недо-*, *вместо-* и др.; чешск. *lži-*, *pa-*, *rádoby-*, *také-/taky-* и др.), функциональным и стилистическим особенностям которых в докладе также уделяется большое внимание.

Методы и языковой материал. Основным материалом для исследования послужили национальные корпуса русского и чешского языков. Для анализа русского материала был использован Национальный корпус русского языка (НКРЯ) объемом более 283 млн. слов. Чешский материал почерпнут преимущественно из репрезентативного корпуса SYN2015, включающего в себя более 100 млн. слов (из текстов 2010–2014 гг.). При анализе частотности учитывались и другие подкорпуса, входящие в Чешский национальный корпус, а также чешская база неологизмов Neomat, где фиксируется новая лексика с начала 1990-х гг. Кроме того, был использован поиск в Интернете. Соответственно, при изучении частотности формантов и образованных с их помощью слов мы применяли методы корпусного анализа, позволившие объективировать наблюдения об активизации некоторых словообразовательных моделей, их конкуренции и стилистических особенностях.

Результаты. Комплекс интернациональных и исконных аффиксов и аффиксоидов обеспечивает детальную сегментацию маркировки несоответствия реальности или норме и позволяет компактно, словообразовательными средствами выразить актуальные смыслы. Несоответствие может быть нескольких типов: как 1) фальсификация, подмена или качественное несоответствие эталону, имитация (*псевдо-*, *лже-*, *квази-*, *вместо-*, *недо-*, *фальш-*; *pseudo-*, *kvazi-*, *lži-*, *rádoby-*, *také-/taky-*); 2) похожесть с качественными отличиями (*квази-*, *псевдо-*, *-oid*, *эрзац-*; *kvazi-/quasi-*, *pseudo-*, *-oid*, *pa-*, *skoro-*, *téměř-*); 3) более низкое или смежное положение в иерархии (*суб-*, *под-*, *пара-*, *около-*; *sub-*, *pod-*, *para-*); 4) отрицание тождества и противоположность (*не-*, *анти-*, *противо-* и др.; *ne-*, *bez-*, *anti-*, *proti-*, *kontra-*, *vzdoro-*, *truc-*); 5) качественно иная последующая фаза существования (*мета-*, *пост-*, *после-*; *post-*, *po-*); 6) выход за онтологические рамки стандарта (*гипер-*, *транс-*, *сверх-*; *hyper-*, *nad-*, *trans-*). Взаимодействие и конкуренция данных формантов описывается с использованием понятия семантико-словообразовательной категории (в дальнейшем ССК), которая формируется группой словообразовательных категорий на основе семантической общности (Э.П. Кадькалова. Семантика как фактор развития словообразовательных структур // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции. Ужгород, 1991).

Как показало исследование, наиболее универсальным выразителем значения несоответствия реальности (стандарту, представлениям говорящего о норме) в обоих языках выступает префикс *псевдо-* (*pseudo-*). Обладая большим стилистическим и сочетаемостным потенциалом, он участвует в образовании как

терминов, так и оценочных номинаций. Эта морфема употребляется в обоих корпусах более чем в 2 раза чаще, чем следующий по фреквенции элемент (для чешского *это kvazi-/quasi-*, для русского – *лже-*). При этом показательно, что из 543 обнаруженных лексем с префиксом *pseudo-* в чешском корпусе SYN2015, 417 встречается всего 1 раз (77%). Для русского языка ситуация аналогичная: префикс *псевдо-* обладает практически свободной сочетаемостью, поэтому среди зафиксированных в НКРЯ производных с данным префиксом также преобладают слова с частотностью 1. Отметим, что большая часть низкочастотных дериватов с формантом *псевдо-* из НКРЯ не зафиксирована в русских словарях (например, *псевдоулыбка*, *псевдолюбовь*, *псевдомолодежный*).

Были выявлены функционально-стилистические различия между изоструктурными русскими и чешскими аффиксами: невозможность образования терминов с *lži-* в чешском языке – в то время как в русском это один из распространенных терминомаркеров (*лжеакция*, *лжелиственница*), а также маргинальный характер *на-* (*нагруздь*) в русском при более широком функционировании аналогичного форманта в чешском, включая возможность образования неологизмов (*paargument*, *paslovo*). Специфической структурной чертой чешского языка является наличие ряда незаимствованных префиксоидов, конвертированных из других частей речи и не участвующих в образовании терминов. Наиболее частотными среди них являются *rádoby-* и *skoro-*: *rádobyherec* ‘псевдоактер’, *skoromanžel* ‘почти муж’, затем следуют *také-/taky-*, *téměř-*, *jako-/jakoby-*, различающиеся степенью экспрессивности.

Выводы. В обоих языках названные словообразовательные форманты и модели могут выражать несоответствие реальности или норме любых объектов или свойств, которые называет мотивирующая база производного слова, тонко дифференцируя возможные типы несоответствия. Эта важная черта словообразовательных средств выражения анализируемой семантики объясняет их высокую употребительность в обоих сопоставляемых языках. Ядро соответствующей СКК образуют производные слова с греко-латинскими аффиксами *псевдо-*, *квази-*, *pseudo-*, *kvazi-/quasi-*, в русском языке к ядру можно отнести также префиксоид *лже-*.

Словообразовательный инвентарь ближней и дальней периферии данной СКК проявляет в русском и чешском языках черты как сходства, так и различия формантов по происхождению, по семантике, по функциональной и стилистической нагрузке.

Изучаемые аффиксы могут семантически сближаться, образуя синонимичные производные, которые могут называть один и тот же объект и употребляться даже в рамках одной синтагмы (например, многочисленны случаи такого употребления лексем *псевдонаука*, *квазинаука*, *ненаука*, *лженаука*, *антинаука*, в чешском языке соответственно *pseudověda*, *pavěda*, *antivěda*, *nevěda*). Изучение словообразования на семантической основе выявляет также возможность сближения и пересечения в рамках рассматриваемой семантико-словообразовательной категории производных слов из других СКК. В обоих

языках растёт активность некоторых моделей, в частности с приставкой *анти-*, *anti-*, имеющей значение ‘отрицание тождества при наличии сходства’, нередко с положительной оценкой и дальнейшей терминологизацией (*антишкола*, *антикафе*, *anticirkus*, *antiromán*).

Осмысление того, какими способами в языке объективируется семантика неправдоподобия и несоответствия норме, особенно актуально сейчас, когда любая информация может быть сконструирована – а главное, тиражирована – вне зависимости от ее истинности. Наше исследование способствует изучению тонко дифференцированной системы маркировки такого несоответствия в русском и чешском языках.

РАЗДЕЛ 8. Globalno in nacionalno: slovenske ustreznice za citatno angleško besedo *troublemaker* s perspektive kognitivnega pristopa (Irena Stramljič)

Cilj raziskave. Prispevek razmerje globalno – nacionalno aplicira na primeru leksema citatno – domače in skuša odkriti, katera merila prevladujejo, ko rojeni govorcei presoajo, kateri je najprimernejši slovenski izraz za angleško citatno besedo *troublemaker*. Pri tem je uporabljenih dvanajstih predlaganih ustreznice, dosegljivih na portalu Fran, o katerih (ne)primernosti so se z argumentacijo opredeljevali anketiranci. Pri interpretaciji rezultatov so uporabljena tri merila, ki so v kognitivni slovnici še posebej relevantna za besedotvorje, in sicer strukturna razvidnost, družljivost in produktivnost sestavin tvorjenke.

Teoretično-metodološka izhodišča. Vpliv globalnega jezika je danes dejstvo, na katero opozarjajo številne lingvistične študije posameznih jezikov, ki se pogosto ukvarjajo s preučevanjem vpliva angleške leksike na spremembe nacionalnih leksikalnih sestavov. Najcelovitejši pregled porajajočih se sprememb v vseh slovanskih jezikih (Ohnheiser 2003) ali le v katerem izmed njih (Waszakowa 2005, Korjakowcewa 2013) na prelomu tisočletja najbolje ilustrira dihotomija tendence internacionalizacije po eni in tendenca nacionalizacije po drugi strani. Kot kaže (Petruhina 2010), so zaradi jezikovne globalizacije zlasti bogati novi besedotvorni pojavi v slovanskih jezikih, ki na obilici aktualnega jezikovnega gradiva kažejo močan vpliv angleščine.

Velika leksikalna nasičenost nacionalnega jezika s prevzetimi prvinami iz globalnega jezika pa lahko aktivira tudi obrambne mehanizme, ki spodbujajo tvorbo vzporednih domačih izrazov za nove prevzete citatne besede, ki še niso vstopile v proces adaptacije in imajo zato več možnosti, da se nadomestijo z domačo ustreznico, ki je v idealnem primeru tvorjena v »duhu tvorbene tipike in predstavnega sveta nacionalne kulture in znanja«.

S tega vidika se prispevek osredinja na protiglobalizacijski pojav, ki se kaže kot motivator za tvorbo domačih namesto citatnih angleških izrazov. Pri tem pa se na široko odpirajo vprašanja, kateri jezikovni vzvodi delujejo v procesiranju novega izraza in katera merila so odločilna, da je novonastali izraz sprejemljiv za materno govorce. Take in podobne odgovore pa skuša danes dati kognitivna slovnica.

Na slovenskem portalu *Fran* je v razdelku *Zbirke* pod naslovom *Predlagajte nove slovenske ustreznice* ponujena možnost, da k izbranemu naboru okrog sto citatnih besed iz angleščine uporabniki predlagajo slovenske ustreznice. S tem sestavljavci

slovarja želijo okrepiti zavedanje govorcev o njihovem vplivu na rabo in posledično sodelovanju pri normiranju slovenskega besedja. Za angleško citatno besedo *troublemaker* je bilo podanih 12 slovenskih ustreznice (*težavar, zdrahar, težavnik, težavodejnež, težavočitelj, težavotvorec, težavodelnik, problemodajalec, problematik, težavodelnež, zmešnjavec, avšak*).

O ustreznosti oz. neustreznosti predlaganih izrazov sta se z zapisom argumentov za svojo odločitev izjasnjevali dve skupini anketirancev. Manjšo skupino je predstavljalo 8 študentov 1. letnika 1. bolonjske stopnje študija neslovenističnih smeri. Drugo, večjo pa skupina 15 študentov 3. letnika 1. bolonjske stopnje, ki imajo študijsko vezavo s slovenistiko. Ker je vzorec anketiranih majhen, ne more biti reprezentativen, zato njihove odgovore uporabljamo le kot usmeritev pri interpretaciji posameznih meril za večjo oz. manjšo primernost predlaganega izraza.

Rezultati raziskave. Rezultati ankete so pokazali, da pri odločitvi za najprimernejši izraz govorci upoštevajo več meril. Mednje kot pomembno sodi strukturna razvidnost tvorjenke. Zato ni presenetljivo, da med prvimi šestimi najsprejemljivejšimi izrazi nastopajo kar tri zloženske. Čeprav je za slovenščino pogostejša izpeljava pred zlaganjem, se je pokazalo, da je pri novotvorjenkah bistvenega pomena jasna razvidnost sestavin, ki je pri zloženkah zaradi večsestavinskosti večja kot pri izpeljankah.

Kot drugo pomembno merilo se je znotraj zloženk pokazala ustreznost pomensko-skladenjska razmerja, ki kaže na bistvo poimenovanja. Nekateri anketiranci so namreč problematizirali skladenjski zvezi *dajati probleme* ali *tvoriti probleme* kot sestavinsko neprimerno zapolnjena sicer regularna vzorca glagolske besedne zveze s tožilniško vezavo. Tretje pomembno merilo se je pokazalo kot omejena povezovalnost (kolokabilnost) nekaterih sestavin (npr. *-delnik, -delnež*).

Četrto merilo predstavljata ustrezna izbira obrazilne in podstavne sestavine. Za obrazilo je bistveno, da mora izražati ustrezen profil, tj. v tem primeru pomen osebe. Pri izbiri ustrezne podstave pa je lahko odločilno celo puristično načelo (npr. študenti slovenistike so celo dali prednost domači besedi *težava* pred prek nemščine prevzeti tujki *problem*). Za anketirance manjša sprejemljivost nekaterih podstavnih besed (*zdraha, zmešnjava*) pa je celo sovpadala z redkejšo rabo, potrjeno z nizko frekvenco v korpusu oz. celo nizko frekvenco in ekspresivnostjo izraza (*avša*).

Hkrati pa je anketa potrdila, da je v novotvorjen izraz vgrajeno tudi vrednotenje poimenovanega. Anketiranci so osebo, ki dela težave, ovrednotili kot negativno, zato so odklanjali vzorec tvorjenke, ki so ga naslonili na analogno tvorjenko s pozitivno konotacijo (npr. tvorjenka *težavodejnež* je bila prepoznana kot neprimerna, ker zaradi naslonitve na tvorjenko *blagodejnež* vzbuja pozitivno konotacijo, ki v tem primeru ni ustrezna).

Originalnost raziskave. Originalnost raziskave izhaja iz uporabe interpretacijskih okvirjev kognitivne slovnice in njene metodološke aplikacije na tvorbo besed, ki je aktualna v angloameriškem in tudi ruskem jezikoslovju, v slovenistiki pa ta pristop v besedotvorju predstavlja šele začetke.

ЗАКЛЮЧЭННЕ

Уплыў англійскай мовы на сучасныя славянскія мовы і сістэмы славянскага словаўтварэння з'яўляецца толькі адным з прыватных аспектаў уздзеяння працэсаў глабалізацыі і міжнароднай інтэграцыі на сістэмы нацыянальных моў і іх функцыянаванне ва ўнутрынацыянальных сферах камунікацыі і знаходзіць адлюстраванне ў інтэнсіўным папаўненні лексіконаў сучасных славянскіх моў значнай колькасцю англа-амерыканізмаў. У сферы словаўтварэння гэтыя працэсы праяўляюцца ў актыўным уключэнні англамоўных запазычанняў у словаўтваральны працэс, а таксама павелічэнні дэрывацыйнай прадуктыўнасці словаўтваральных фармантаў, як спрадвечных, так і іншамоўнага паходжання. Відавочным становіцца і папаўненне нацыянальных сістэм славянскага словаўтварэння новымі словаўтваральнымі сродкамі і спосабамі.

Прадстаўлены і даследаваны ў манаграфіі моўны матэрыял яскрава паказвае, што большасць словаўтваральных інавацый у сучасных славянскіх мовах знаходзяцца ў межах сфарміраваных і нарматыўна замацаваных словаўтваральных спосабаў і сродкаў словаўтварэння. Разам з тым, названыя працэсы аказваюць заўважны ўплыў на стылістычную дыферэнцыяцыю нацыянальных лексіконаў, культуру публічнага маўлення і патрабуюць пільнай увагі спецыялістаў.

SUMMARY

GLOBALIZATION AND SLAVIC WORD FORMATION

INTRODUCTION.

The present monograph “Globalization and Slavic Word-formation” is dedicated to the study of modern innovative phenomena in the word-formation systems of Slavic languages, which are related to the global processes of integration and globalization in the life of modern society and reflect primarily in the intensive increase in the number of English borrowings and their active integration into the word-formative process of Slavic languages. The peculiarities of innovative processes in the word formation systems of modern Slavic languages, determined by intra-linguistic and extra-linguistic factors, are also considered (specificity of establishment of literary norms, peculiarities of language situations, nature of the processes of Interslavic convergence and divergence, etc.).

This monograph is the result of the discussion of the above-mentioned issues at the meeting of the same-named thematic block during the XVI International Congress of Slavists in Belgrade (Serbia, August 19–27, 2018).

CHAPTER 1. Manifestations of Language Globalization in the Slavic Word-Formation: Their Nature, Scope and Impact on the System (Aliaksandr Lukashanets)

The purpose of the study. The study aims at defining the essence of globalization processes influence on the systems of modern Slavic languages and their functioning in national societies; determining the major development trends of the word-formation system of Slavic languages; considering the typology of innovation processes in the Slavic word-formation and their role in the development of national lexicons of Slavic languages, as well as elaborating criteria for their evaluation.

The methods used to achieve the objectives. The study is based mainly on the Belarusian language material, some facts of other Slavic languages being involved. Modern dictionaries of the Belarusian language, including “Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў” (“Belarusian-Russian Explanatory Dictionary of New Words and New Meanings of Words”) (Minsk, 2013), the National Corpus of the Belarusian Language and some Belarusian-language Internet resources, were a source of factual material. Descriptive and comparative methods, as well as the method of synchronous word-formation analysis were used for the study.

The main results. Globalization being a global process of political, economic, cultural and spiritual unification and interpenetration is manifested in all spheres of modern society (<https://www.calc.ru/Globalizatsiya-Protsess-I-Posledstviya.html>). It directly affects national languages and their functioning in national societies.

Modern processes of globalization are associated with the active penetration of world languages, primarily English, into the sphere of national communication, and this fact may create a threat of national languages displacement to the ethno-cultural periphery in the future.

The globalization processes also directly affect the systems of national languages, primarily their vocabulary and word-formation.

In the field of Slavic word-formation, language globalization is manifested in:

а) intensive expansion of the word-formation base by including English borrowings in the word-formation process (*камп'ютар – камп'ютаршчык, камп'ютарны, камп'ютарызаваць, камп'ютарызацыя*, etc.);

б) significant increase in amount of motivated words with foreign stems and actualization of word-formation means of foreign origin (i.e., *інтэрнэт – інтэрнэтчык, інтэрнэтны, інтэрнэт-камунікацыя, інтэрнэт-магазин, інтэрнэт-канферэнцыя*, etc.);

в) expansion of the list of word-formation methods and means (i.e., hybrid word-formation: *VIP-персона*), etc.

The above-mentioned processes provide the needs of nomination. However, they lead to significant internationalization of vocabularies of modern Slavic languages, levelling their national identity and containment of internal nominative capabilities.

The reverse impact of globalization processes on the Slavic word-formation, namely so-called “antiglobalization”, is manifested in the strengthening of linguistic ethnopurism and the activation of the languages own word-formation resources: *сеўіва = інтэрнэт, далькажык = мабільнік* ‘a mobile phone’, *пляцак = рукзак*, etc.

The coexistence of English borrowings and their derivatives in lexicons of the Slavic languages, on the one hand, and primordial vocabulary, including derivatives, on the other hand, leads to competition of word-formation types and stylistic differentiation of synonymous nominative units.

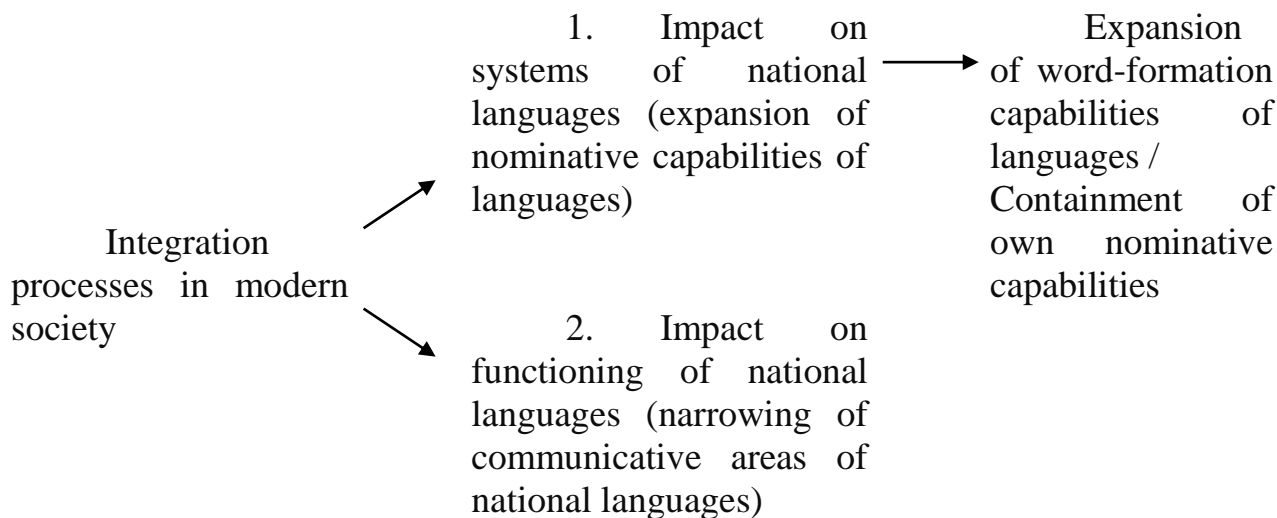
The expediency of the study, its originality. The study indicates the place of innovation processes in the word-formation of modern Slavic languages in the overall context of language globalization. It also characterizes manifestations of “antiglobalization” as the trend toward the nationalization and linguistic ethnopurism.

Conclusions.

1. Modern globalization processes affect not only systems of national languages, but also their functioning in national societies. Innovation processes in word-formation of modern Slavic languages are only one of the manifestations of language globalization.

2. Inconsistency and ambiguity of estimates are characteristic of the globalization processes in the Slavic word-formation. On the one hand, the active replenishment of Slavic lexicons with foreign vocabulary and inclusion of foreign units in the word-formation process provides the needs of modern nomination and

expands the word-formation capabilities of languages. On the other hand, it limits the realization of the languages own nominative potential, including the word-formation one.

3. One should also see the reverse side of the globalization process in the Slavic word-formation, namely a kind of “antiglobalization”. The intense replenishment of the modern Slavic languages with word-formation nests of derivatives based on foreign borrowings stimulates the activation of the own nominative potential of these languages and leads to the parallel formation of the analogous derivatives based on the national language resources. It results in a substantial expansion of the lexical and word-formation synonymy and in stylistic differentiation between borrowed and primordial vocabulary, including a derived one.

4. We distinguish the following major criteria of modern dynamic processes in the word-formation of Slavic languages: a) compliance with the overall trends of language development; b) relevance; c) nominative expediency; d) inclusion in the system.

CHAPTER 2. The language of modern Slavic media in the era of globalization: innovative word-building processes (Elena Koryakovtseva)

Research goals. The author hopes to demonstrate that the functional side of word formation is significantly more complex than simple naming and/or syntactic recategorization, etc. This becomes particularly evident as a creator ventures beyond the rather stable area of the lexicon and its conventionalized word-stock, and begins to consider active coining of novel lexical items, something that depends heavily on contextual factors, including the semantic, stylistic, textual and social environments in which they occur.

Nature, essence and features of the functioning of the derivative neologisms of the late 20th – early 21st century in Russian, Polish and Czech mass media are almost unexplored in the comparing aspect. The paper aims to examine the

processes of productivity and to highlight creativity in word formation with respect to functional discourse roles.

The author focuses primarily on new functional mass media style, and such productive word-formative processes as compounding and affixation in modern Russian, Polish and Czech languages. Based on large corpora and smaller hand-collected samples of electronic texts, the data has been drawn from daily press and the communicational sphere of Internet.

Methods. Having studied the material by using general scientific methods of classification and interpretation along with the linguistic methods of conceptual and diachronic analysis, the author examines the potential advantages and disadvantages of including neologisms in the mass media texts. Instead of reflecting upon this topic from the perspective of “a word”, the language user’s social and psychological requirements for devising neologisms are being used. This methodology introduces to regarding the user’s inner motivations for devising and using neologisms. Although “functional” and/or “denotative” descriptions of neologisms are mentioned, much regard is paid to distinct social and psychological needs of the ones devising neologisms. The author also uses statistical method beginning with the collection of data based on his hypothesis.

Research results. The reasons of the innovative processes of nomina actionis derivation with the help of Greco-Latin complex suffixes *-изация/-izacija/-izace* (<-is-acio), new international suffixes *-инг/-ing/-ink*, (<-ing) and the affixoids *-заур/-zaur/-saurus*, *-(о)голик/-(o)holik*, *-оид/-oid*, *-(о)номика/-(o)nomika* were discovered. In the diachronical and comparing aspects was studied the evolution of word-formative types of nouns with new international formants *-гейт* (<-gate) and *-(о)голик* (<-*(o)holic*), that can have a connecting vowel and express the complex concepts of attributive and contextual content. The emergence of new derivational affix *-гейт* /-gate as a case of grammaticalization and resemanticization was analysed. Composition of a new type of complex words corresponds to a historical drift in formation of analytic and agglutinative lines in Russian, Polish and Czech.

New Russian, Polish and Czech derivatives with formants *-инг/ -ing/-ink*, *-гейт/-gate*, *-(о)голик/-(o)holik* are characterized by connotative meaning. Most of them express a painful condition in a certain area of society: often these derivatives sound either very ironically or insulting. Lexical creativity in journalism and electronic communication is employed in order to achieve certain stylistic effects, such as humour or irony. It is also a device to convey to the reader a sense of the author’s learnedness, sophistication, distance, and so on. It manifests itself in puns and other kinds of word play, metaphorical extension, willful error and duplication of the role of an existing formation.

The author relies on a broad understanding of the communicative-pragmatic paradigm in modern linguistics as a direction that allows us to study the linguistic phenomena from the standpoint of "the speaking person", "person in language", "language in action" both in terms of selection and nomination of lexical units and from the standpoint of determining the appropriateness of their use in the process

of communication and, the refore, the effect of exposure to communicants, depending on the communicative situation, goals and objectives towards which they strive. The very act of forming a complex word serves a specific purpose in the textual and/or situational context. It is often that particular and specialized functions can be discovered, many of a metacommunicative nature.

Conclusion. In sum it can be said that a lot of mass media neologisms are not devised for the purpose of describing new objects, but are set up in accordance to user's descriptive tastes, social intentions and his sense of language. Mass media texts clearly shows the dynamics of the development of language in the verbal-semantic and pragmatic and cognitive levels, which make up the overall picture of language space. Thus, the relevance of the complex study of mass media neologisms is due, on the one hand, the need to study neologisms as the means of reflecting changes that occur in the modern Slavic linguaculture under the influence of various socially significant factors, such as computerization, globalization, etc. And, on the other hand, during the change of linguistic paradigm at the turn of the millennium, as well as the continuous updating and expansion of the lexical structure of the language, there is an urgent need for a theoretical understanding of constantly appearing neological language material.

The originality of the study. This chapter proposes a new research perspective towards the reasons for innovative word-building processes and devising neologisms in modern Slavic media. The originality of the study consists in its use of the multiaspectual analysis of new specialized word-formative types in Russian, Polish and Czech.

CHAPTER 3. Word-formation in Macedonian language through the process of globalization (Lidija Arizankovska)

Aim. Motivated by the need for quick and efficient communication in these modern times, in which English is the language connecting the global world, the Macedonian language tries to catch up with the contemporary tendencies of enriching its lexical pool by using all its word-formation potential available. However, Macedonian language cannot remain uninfluenced by the tendencies in the modern global world, which on the other hand also affect its national specifics.

Method. In this chapter we will focus on Macedonian language through the process of globalization, analyzed from a word-formation point of view, and we will try to determine to what extent globalization changes the national specifics of a language, such as its linguistic and cultural identity and what are the positive and negative aspects of that process. Further on we try to determine how in this process of globalization a language can remain unaffected, preserving its linguistic identity. It is inevitable to follow the contemporary word-formation tendencies which are part of the modern global tendencies in the era of rapid technological development. But what its users will do in this context is one of the key questions aimed at preserving the linguistic expression of a language, positioned between the tradition and these contemporary phenomena. Such changes are most frequently pragmatically motivated, by the underlined communication function of the

language and the need for fast and efficient transfer of information. In this regard very important is the role of the media and the internet, which linguistic influence is significant and leaves marks on word-formation as well. Our objective is through examples to illustrate the current situation in the Macedonian language and to show those changes taking place above all under foreign influence, with the objective to be present in the global world.

Results. Globalization and language.

1. Languages are part of the constant development processes which are conditioned by a series of social, cultural and other factors which impose the need to enrich the vocabulary as part of the effort to keep the pace with the contemporary tendencies and needs for survival in the global pragmatical world. Language is part of all these processes and word-formation is only one of the mechanisms available to achieve the necessary and wanted objectives, which, whether we like it or not, are becoming a necessity in the developed modern world.

The term globalization means “Interconnection of the whole world” (see the Digital Dictionary of the Macedonian Language, www.makedonski.info).

“Languages do not exist in a vacuum, the linguistic contact has an important role in linguistic changes” (Jones-Singh, 2005: 29). Since U. Wainwright on, examining languages in contact is raised to a higher level and interaction is analyzed on all linguistic levels. Today’s contact is marked by the specifics of the internet, mass communication media etc. and they are a source of indirect influence, but also a way of creating new lexemes and denotates, which are subject to further linguistic borrowing.“ (Karapejovski, 2012: 240, accessed via www.academia.edu).

2. “Social media have created the so called global internet language which is used by young people around the world which communicate and understand each other. But young people forget how to talk! They lose the habit of talking directly with somebody, exchanging opinions, attitudes!“ (<http://republika.mk/310420/> published on 05.09.2014/ accessed on 14.02.2018)

“I can’t speak, I will write on Facebook when I get home – this is the most frequent discussion of today’s young people. Social networks have taken the place of tete a tete communication. Young people choose to talk via Facebook, Skype, Viber and the grown-ups decide to talk via e-mails.“ (<http://republika.mk/310420/> published on 05.09.2014/ accessed on 14.02.2018)

3. The final result are the changes suffered by the language in the globalization process which seamlessly position themselves somewhere in the lexical system of the Macedonian language, which is mostly affected. The extensive wish of Macedonian language to have an appropriate status in the family of active languages which are respected worldwide, expressed also through social events which all affect the development as well, and their inevitable upgrade on the language itself takes its toll. When there is not sufficient time to appropriately adapt lexemes, which arrive with the fast, above all, technological development, taking over foreign words is the simplest model. Sometimes the words are adapted to the word-formation system in the Macedonian language which also means

modernization of the Macedonian language itself. The already existing vocabulary in the Macedonian language, as well as the system for developing new vocabulary, especially through calque formation, would mean “wasting time” because it requires development of terminological dictionaries, appropriate media placement, or said differently it requires resources, for which none of the systems in the global world is ready, since communication in the same world is reduced to English language as lingua franca.

4. The request to be part of one bigger social group, requires full adaptation of all segments in the social system, that is, it requires to prepare all needed documents and legislation in Macedonian, which would mean development of the translation activities which in its hands have all the potential of the Macedonian language, here primarily referring to word formation potential, in order to form appropriate Macedonian terminology. One of the strategies in this activity is calque formation (стакленички гасови ← green house gasses; одржлив развој ← sustainable development). Experience shows that when there is calque formation, always the already existing word formation models are used, that is the word formation potential of the Macedonian language which is already normed in the language, or in other words those are mainly words of Slavic or Latin origin, as well as some of Turkish origin used mainly depending on the functional style. Still, the easiest strategy is taking over foreign vocabulary (третман; фактор; миграција; адаптација, варијанти: адаптираност, адаптирање). New vocabulary which is directly borrowed due to the fast-technological development and the development of the Internet era is mainly of English origin, that is from Latin but received through English, the language by which the modern man is constantly influenced. In this context, in this article I will mostly refer to terminology, presenting several examples from internally developed terminological glossaries and term bases, which reflect the situation with the Macedonian language from a contemporary aspect in relation to problems occurring due to the influence of globalization and in relation to development and use of appropriate terminology in a specific area.

5. Functional styles and word formation were already mentioned in some of my articles (Arizankovska2013: 135-145). The conclusion from the such analysis is that the contemporary current state of affairs in the Macedonian language, being developed under the influence of the media, as well as in the other linguistic world is also a result of the comprehensive process of globalization, which is a manner of uniting and facilitating the process of mediating information, at which the main role of a intermediate-language is given to English. This tells us about the process of creation of new functional styles, which mainly use the existing word formation models of the language or due to pragmatism use direct borrowing of foreign vocabulary (maybe with their phonetic adaptation, and even slight changes) or creation of hybrid forms through calque formation, or translation of some noun phrases or their combination and maintaining their original (written with Latin alphabet) form. All this is a result of the need to satisfy the main function of a language, which is communication, as well as the needs of speech economy and

above all the need effectively to transfer the message. Word formation and the resources of the Macedonian language are only in service of these objectives. The result of all this are the new functional styles, created as a result of the changes occurred in the already standardized existing styles and the loss of the sharp border between them (Arizankovska 2013:144).

5.1. And as much as on one hand the artistic style is striving to create new words in order to maintain the existing tradition (for e.g. compounds as: *тешкорак* ← *тешка* + *рака* ‘one with a heavy arm’, *долгозаб* ← *долг* + *заб* ‘one with long teeth’, *белобрад* ← *бела* + *брада* ‘one with white beard’, *милолик* ← *мил* + *лик* ‘one with dear face’, *рженокоса* ← (*ржена* + *коса* ‘girl with long hair with the colour of rye’; *мудроумен* ← *мудар* + *умен* ‘the one who is wise and smart’, *словенољубивост* ← *Словен* + *љуби* ‘one who likes the Slavs’, *каменорезец* ← *камен* + *реже* ‘one who carves stone’, *очебол* ← *око* + *боли* ‘pain in the eye; *тресионашка* ← *тресе* + *опашка* ‘woman who flirts with men’ (Janevski Slavko, Tvrdoглави, 1990), on the other hand the non-formal and the media styles go into the opposite direction (Arizankovska 2013).

Conclusion. From the facts stated above, briefly we could conclude that globalization brings new words, but their penetration in the lexical system by using the potential of the word formation models in the Macedonian language means going back to the traditional principles of vocabulary formation, especially by once again activating the forms which are representing the different styles specifically in the Macedonian language. This is largely expressed in the process of suffixation, referring here to the suffixes of Slavic and Turkish origin (*твитерџија*, *теретанџија*, *компјутерџија*, *моторџија*) as part of the non-formal style and also those of Latin origin, especially in relation to expert terminology and standard forms. Globalization means cultural togetherness but also greater domination of pragmatism, since it facilitates direct borrowing of linguistic forms from the language dominating in communication, which is a result specifically of the globalization process.

CHAPTER 4. Word-formation adaptation of new Anglicisms in Czech (Bozděchová Ivana)

Background. The majority of modern languages intensively and dynamically borrow and adapt the lexical resources from English in the last few decades. The paper is therefore focused on word-formation structure of new Anglicisms in contemporary Czech vocabulary, the structure as a result of the word-formation adaptation, which usually occurs with the processes of borrowing due to the typological distance between English and Czech (alongside with the formal and grammatical adaptation). The issue is illustrated on the word-formation realisation of onomasiological category of action, primarily expressed (named) by verbs. Adaptation of English verbs in Czech means necessary morphological adaptation by means of a (domestic) stem-forming suffix; that suffix is also used when deriving Czech verbs from the English names (nouns). As reported by Martinová, p. 132 (Martinová, O.: New verbal naming. In: Neologizmy v dnešní

češtině. Prague 2005, pp. 119–133), borrowing (adaptation) and derivation are intertwined, there is a tension between them, pointing to the tendency of Czech to structured word-formation construction of new words.

Aim. The aim of the paper is the analysis of the verbal neological Anglicisms from the perspective of word-formation adaptation considered in analogy with the formation of Czech (domestic) verbs. The verb as a primary means of naming an action represents the basis of the utterance (sentence); analysing their new creation, we also try to assess the role of word-formation in addressing the new communication needs and to verify up-to-date function of borrowings from English and their use in contemporary Czech communication.

Method. Analysis of the formation of new verbs from English bases was carried out on the neological material, its main sources were the database Neomat (202 340 entries, excerpted mostly from the texts from the field of journalism, partially from fiction and translated literature, during the period of the years 1991–2005) and the syn v6 of the Czech National Corpus (the size of 4 834 739 998 positions). We excerpted all the lexemes labelled as Anglicisms from the database Neomat, and out of them we selected verbs and their related nouns: the verbal nouns and deverbative nouns, denoting a (broadly conceived) action. We also put down the verbal nouns with formant *-ing/-ink* (the original indeterminate verbal forms of the so-called English gerund, e.g. *searching, twisting*), used in a similar function as the domestic verbal nouns ending in *-ní* and *-tí* (i.e., primarily in the sense of onomasiological transposition).

Results. The analysed corpus consists of verbs formed from 112 root morphemes from English. Analysed verbs with aspectual counterparts, including the reflexives were arranged according to those roots (*chipovat – chipnout, skypovat – odskypovat – proskypovat – zaskypovat – zaskypovat si – skajpnout si*); that way, we recorded a total number of 206 verbs with different word-formation structure (the concepts of the lexeme and the verbal form in relation to the verbal sign was deliberately simplified, because we are dealing with word-formation and onomasiological aspects of verbs). Of that number, there are 102 imperfectives and 104 perfectives, and out of them 62 imperfectives and 25 perfectives are without formally different aspectual counterparts.

Due to the typological character of the analytic English, it tends to be difficult or ambiguous to determine in many cases, to which part-of-speech the word on which the adapted verb was based, belongs to, i.e. above all to decide whether it was a noun, or a verb that was adapted in Czech as the first. In our classification of neological verbs of English origin, we proceeded in particular cases from the (not)existence of lexemes belonging to the both word-classes (noun, verb) in English and from the meaning of the Czech verb (we considered both structural and lexical meanings). In our material, we recorded:

1. desubstantives: 33 verbs; motivated by a syntactic common or proper noun, i.e. a one-word lexeme (*brunch, banner, hipster, style, copyright, friendzone, Twitter*), collocation (*high line, fast food, Old Spice*) or abbreviation (*ICQ, IT, NATO*)

2. deverbatives: 61 verbs (*leak, meet, release, search, stand-up*)

3. verbs with a twofold motivation: 18 verbs (*dislike, forecast, hype, request, stream*).

In chapter 3.2, there is a classification and characterization of individual recorded word-formation affixes and their meanings/functions (an overview is given in Table 1). The structural meanings of verbs carried by the relevant affixes often lexicalise in the lexical-semantic shades, or meanings. Our overview, therefore, serves only to document the recorded word-formation processes and means and to illustrate the semantic changes associated with them. In the excerpted material, the following word-formation affixes are applied in particular:

I. stem-forming formants

With neological verbs, it is the stem-forming formant *-ova-* which predominates completely, in lesser extent, are used formants *-izova-*, *-i-*, *-nou-*, *-a-* (*upgrade, fastfoodizovat, spoileřit, sharnout, talkat*). By means of the formant *-ova-*, the vast majority of verbs, both based on nouns and verbs, imperfectives and perfectives are adapted from English in Czech. They express mainly the following word-formation meanings: 1) ‘se as a tool or a method, what indicates the base noun’ (*bookmarkovat, cashbackovat, skypovat, twitterovat*), 2) ‘create, do, perform, operate it, what indicates the base noun, to realize, to manifest activity named the base noun’ (*dumpingovat, branchovat, snackovat*), 3) ‘to equip with what indicates the base noun’ (*hashtagovat, likovat, pricovat, copyrightovat*), 4) ‘be who (what) indicates the base noun’ (*cosplayovat, fangirlovat, spoilerovat*).

II. Prefixes, circumfixes

Word-formation prefixes modify the lexical meaning of the base verbs (adapted in the Czech language), and in most cases, they bring the meaning of perfective aspect at the same time (imperfectives become perfectives). In excerpted material, the following prefixes with the following general meanings occurred: *na-* (the complexity of the action, with an emphasis on its completion; *nabriefovat, nalajnovat*), *za-* (aspectual meaning: *zasejfovát, zasupportovat*), *za-* *si* (a small degree of activity: *satisfaction zashortovat, zaspoilovat*), *o-* (pure completion of an action: *ofejkovat, očekovat*), *vy-* (aspectual counterparts of the base verbs, or a great degree of an activity: *ydriftovat, vytweetovat*), *u-* (end of existence, active and deliberate actions leading to the exhaustion, a high degree of activity: *udriftovat, ulajkovat*), *od-* (move away from something: *odcentrovat, odskypovat*), *pro-*, *pro-* *se* (‘carry out the action thoroughly, completely, in a high degree for a considerable time’: *prosérčovat, proskypovat*), *roz-* *-it* (‘start / make changes related to the base word’: *rozlajnit, roztwitterovat*). A description of the formation of the neological verbs is supplemented by an overview and a characteristic of the word-formation types and variants of the imperfective and perfective verbs (chapters 3.3 and 3.4).

Verbal nouns ending in *-ní/-tí* (*copyrightování, voipování, přebookování, leaknutí, tweetnutí*) are formed paradigmatically in Czech within the framework of the transposition category (chapter 4, an overview in Table 2); with borrowed verbs, they tend to be an indicator of the degree (extent) of their adaptation. Apart from them or sometimes together with them (as variants), there are adapted verbal

nouns ending in *-ing* (*forecasting, uploading, brainstormování – brainstorming, twistování – twisting, uploadování – uploading*). In our neological material, there are less represented deverbative nouns with the word-formation suffix *-(iz)ace* (*youtubizace, twitterizace*; see chapter 5). Just to complete the picture of verbal Anglicisms in Czech, few illustrative examples of semantic formation on the basis of English verbs are shown in chapter 7 (English neosemantisms and calques of multiword collocations with the verb *to be*; *těžít* ‘to mine’, *být čistý* ‘to be clean’).

Verbal neological Anglicisms were finally assessed according to their use in the text and in the communication and according to their aspectual and stylistic validity (chapter 8). In excerpted material, they are documented primarily in the journalistic texts (in Czech newspapers, magazines, social networks), depending on the field, they appear in the wide and closely thematically oriented texts, most often in the articles, reports, columns, reviews, interviews, discussions, surveys, etc. Next to the novelty and foreign-language origin, they are stylistically marked, with slang, professionalism or expressive features.

Conclusion. The analysis of the verbal neological Anglicisms excerpted from the database Neomat and the syn v6 corpus proved the timeliness and frequency of borrowings from English, and their use in contemporary Czech communication. Their neological character is quite significantly reflected in their unstable forms (many of them occur in two or more formal variants); such unstableness of norm reflects their novelty, and distinctness of the English (source) and Czech (target) languages in terms of their particular relation between the written and spoken forms of their means of expression. The variants occur mainly in their word-formation basis (mostly roots), their word-formation formants are analogous with formants used in the formation from domestic bases. According to the mechanisms of adaptation of neological English verbs, the motivation by an English noun was observed in 30 % of the verbs, motivation by an English verb in 54% of the verbs and motivation by both, an English noun and verb, in 16% of the verbs.

The only word-formation analogy with English found in our material is the adaptation and use of the original gerund forms ending in *-ing* parallel to Czech verbal nouns ending in *-ní/-tí*; they can be considered as a manifestation of the equalizing tendencies in the contemporary language (cf. Martinčová, O.: Internationalization, and equalizing tendencies. In: *Internacionalizmy v nové slovní zásobě*. Prague 2003, pp. 17–22). It confirms a quantitative increase of nouns with the formant *-ing* previously observed; Mravinacová refers to them as to a significant adapted structural type (Mravinacová, J.: Adapting foreign lexemes. In: *Neologizmy v dnešní češtině*. Prague 2005, pp. 187–211); in the analysed material, they occur in more than one quarter of imperfectives (27,5 %). While verbal nouns with the formant *-ní/-tí* preserve the dynamic, processual aspects of lexical meaning in a higher degree, nouns with formant *-ing* are used primarily as names of processes, procedures, methods, disciplines, and that is the differentiation between those two types. As a support factor of that differentiation, we can

consider a typological lack of aspect of nouns with the formant *-ing*, respectively the system biaspectuality of their motivating English verbs. That is also reflected in the formation of deverbative nouns with the formant *-(iz)ace*.

CHAPTER 5. The Contribution of Globalisation to the Banalisation of Serbian Lexis (Rajna Dragićević)

Research Goals. Researchers of all contemporary Slavic languages have noted that the public use of language increasingly demonstrates negligence, arrogance and a lowering of language culture in a process of reducing all functional styles to conversational style. It is generally agreed that these processes have been fostered by the chaos of globalisation. Therefore, the paper draws on the conclusions of research on the materials from Russian as the Slavic language with the largest number of speakers (V.V. Khimik), then on the results of comparative analysis of Russian as Eastern Slavic and Polish and Czech as Western Slavic languages (E. Koryakovtseva) and Bulgarian as South Slavic in contrast with Czech as a Western Slavic language (Ts. Avramova). In order to present an overview of the Slavic languages, we also take into account the results of research by other authors – I. Ohnheiser, G. Neshchimenko, S. Kozinets, who reached similar conclusions in their analyses. Later on, we present the general assessments of the state in Serbian and the results of research done by the Serbian linguists P. Piper and T. Prčić.

The general assessment of the state in the Slavic languages determined the research goals:

- 1) to establish in what way the consequences of globalisation reflect on the lexis of contemporary Serbian;
- 2) to ascertain how the new words in Serbian originate and what they mean;
- 3) to determine whether tendencies for the future of lexical changes in Serbian could be codified.

Methods. The lexical material was excerpted mostly from newspaper texts over the May 2017–May 2018 period. Most of the material came from the Serbian daily papers *Danas*, *Politika*, *Blic*, *Kurir*, as well as from the RTS and N1 TV sites. The collected material was first sorted by manner of formation and then by meaning. It was analysed on the basis of formational and semantic classifications.

Research results. The new lexis has demonstrated to belong mostly to the field of occasionalisms and that its expressivity is founded on the need to disparage, pejorate people, phenomena, ideas, etc. An overwhelming majority of occasionalisms in the language of media perform that very role. If it has originated through word-formation, and it usually has, such lexis is motivated by banal phenomena from everyday life, so in itself it is banal. On those grounds, we conclude that, judging by new words, the lexical stock of the Serbian language is increasingly being banalised.

Several types of occasionalisms from the Serbian media have been identified, and the paper analyses each group. Many of these groups overlap, and

so do the semantic-formational criteria on the basis of which the collected lexis was classified.

1. The first group includes the occasionalisms related through being pejorative appellations for persons: *fejsbukovac*, *patkar*, *kliktač*, *kokakoličar*. Some of these appellations also appear in contemporary Serbian as members of increasingly common phrases, e.g. *imači* (mišljenja), *nosači* (kovčega), *duvači* (u pištaljku).

2. We have classified and analysed in detail a special subgroup of the mentioned group, made up of those occasionalisms whose expressivity is achieved with the use of Turkish suffixes, e.g.: *harvardlija* [professor of Harvard University], *fakultetlija* [student], *internetlija* [person who uses the internet]. The -džija suffix has a similar expressive value in some examples, like *novindžija* [journalist].

3. We have selected expressives in a separate group, most of which end in the Turkish suffix *-luk*, where the suffix loses its precise meaning, and the derivative if need be can denote a group of people, characteristics, style, etc.: *komentatorluk* [commentators], *korektluk* [politički korektluk = political correctness], *balegarluk* [ceo taj balegarluk i splečinarstvo oko Đurićevog hapšenja = series of acts], *dokonluk* [agresivni dokonluk = idle people].

4. Disparaging the processes, movements, ideas and their exponents: *ovceizacija* [making dumb], *diznilendizacija* [appellation for a phenomenon when city fathers invest money only in tourist attractions], *orbanizacija* [policy of closing up a country to migrants], *cirkusijada* (Vučićeva cirkusijada), *vučićevićijada* [manifestation in honour of the journalist Vučićević, ironic], *udarijada* (državna udarijada) [poll for the finest coup d'état, ironic].

5. "Onomatopoeic formation" for the purpose of disparaging: *cik-cak politika* [policy of Serbia both inclining to the East and to the West], *tuti-fruti partija*, *ping-pong diplomatija*, *bla-bla-blaovi* (He takes part in Vučić's dialogues on various blah-blah-blahs).

6. Blending for the purpose of pejorisation: the noun *prestitutka* originated from the blend of the verb *prestup(iti)* and the noun *prostitutka*, and it denotes a journalist, medium, blogger that deliberately edits information so as to fawn over a political group. *Trampokalipsa* = Tramp + apokalipsa; *kukupedija* = kukati + enciklopedija; *dnovinarstvo* = dno + novinarstvo; *dnovinari* = dno + novinari; *kukupedija* = kuku + enciklopedija; *daytonarije* = Dayton+ detinjarije; *yutopija* = Jugoslavija + utopija.

7. Pejorisation by means of formations with proper name motivation: *trampoidan* (of a haircut, way of thinking), *palmoidan* (of solving problems). The adjective *alanfordovski* originated in a similar spirit (from the name of the comic book Alan Ford protagonist): *alanfordovski humor*, *apsurd*, *jezik*, *profesija*; *orbanizacija* (orbanizacija Slovenije). Arkan is the nickname of one of the best-known criminals in 1990s Serbia, and his name was used by an intellectual writing about *arkanska praksa*, thus having named a violent way of behaviour and problem solving.

8. Multi-part syntactic units functioning as a modifier with a pejorative meaning: *od tih u-isti-koš utrpanih žena; gospođica „sveznasemdapeva“; to je tako espeesovskobajatovićevski!*

9. Sensationalism, exaggeration and inflating for the purpose of pejorisation: *gigakonferencija, turbo-sega-mega-pink srednja klasa, turbopatriotski* (turbopatriotska opozicija), *turboevropski* (turboevropska opozicija), *veleobrt, hiperstabilan, hipersenzibilan, hiperposmatrač, hiperpokretljivost, hiperbrz, hiperkrički.*

Originality of the research. The research is fully original and belongs in the field of corpus-driven research.

Conclusions. The paper draws several conclusions:

1. The main influence of globalisation on Serbian is the same as its influence on all the other Slavic languages, which is the lowering of language culture and reduction of numerous functional styles to conversational style.

2. The main tendency in motivation for the origin of new lexis is expressivisation.

3. As a rule, neologisms are occasionalisms. They predominate in the language of the media. It can be assumed that little of such lexis will form part of the elementary lexical stock. That is the lexis which belongs to the periphery of the Serbian language system. A major part of that lexis is related only to the current political moment, it will not become frequent and soon it will go out of use.

4. The aim of expressivisation of the new lexis is most often disparagement (pejorisation) of people, ideas, concepts, etc.

5. Pejorisation is most effectively achieved through finding motivation in the words denoting vulgar and banal content. Therefore we may conclude that the basic tendencies of recent Serbian lexis are: expressivisation – pejorisation – banalisation.

CHAPTER 6. The Role of Word formation in Stabilisation of Anglicisms in Polish (Magdalena Pastuch)

In linguistics, not only is it very important to focus on new phenomena in language, but also on these ones that confirm the stable tendencies interpreted as the most important directions of changes. The authors of the book *The Old Polish Syntax. Part I. Context, Methods, Tendencies* write: “the historical description – explanation-oriented – underlines the chronological layering of the language, in a given historical moment, which is the consequence of its evolutionary character and which we can observe in every text” (Krażyńska, Mika, Słoboda 2015,8). Given this approach, we should search for the reason of the stability, also in a lexical stratum. Re-reading lexicographical sources from several years ago gives us an inducement to consider the factors which stabilize loan words in Polish. This paper engages factors anchored in the word formation ground only.

Research Goals. The paper has a diachronic character, which in this case means that I compare two time levels that are about 20 years distant from one another. On the basis of this comparison I try to point out what factors favour the

stabilization of loan words in Polish. I do not make a full statistical analysis. The main research questions are:

1. What word formation factors support the stabilisation of English loan words in Polish?

2. Can the word formation level save an English loan word from becoming ephemeral?

Methods. The lexical material was excerpted mostly from Elżbieta Mańczak-Wohlfeld's book published in 1994 *Angielskie elementy leksykalne w polszczyźnie*, and the second source was the dictionary prepared by the same author in 2010 *Słownik zapożyczeń angielskich w polszczyźnie*. I also used different dictionaries of contemporary and historical Polish. The additional and auxiliary criterion is my language competence as a native speaker.

The difference in years of publications of these dictionaries equals 16 years, and thus we can assume that the studied lexemes are stable. The researchers (Smólkowa, 1998) usually presume that 15-18 years is one language generation. I observed only lexical units which are considered by Mańczak-Wohlfeld as direct loans from English to Polish, and these ones we called "right loans;" I am not interested in semantic loans and loan translations.

Research Results. On the basis of conducted comparison one can say that in common Polish (excluding terminology) only 15% of the loan lexemes reported in 1994 survived. The word formation point of view brings the following results:

1. A lexical unit, which contains roots from classical languages (Latin, Greek), has a bigger chance to remain firm in Polish. In the newest lexicon by Mańczak-Wohlfeld out of approx. 2,000 entries 105 have a Latin or Greek genesis (21%). All of them that are based on international roots are preserved. For example: *aborcja, aktywizować, binarny, bonus, kemping, editor, egoista, export, elastyczny, eskalacja, generatywizm, komiks, kompakt, compost, computer, consulting, lobby, metalik, mobbing, plastic, relaks, seks, sensor, tutor*.

1.1 The presence of secondary morphemes with classical provenience also supports the stabilisation of English loan words. The clearest example is the ending *-cja* (Polish version of Latin *-tia*) that is recognized as typical for Latin loan words. It is meaningful that the Latin borrowings with this ending belong to the oldest and the most numerous ones in Polish. We can already find them in the Old Polish Dictionary (13 entries), and in the Dictionary of the 16th Century Polish Language there are almost 600 substantives endings in *-cja*. The dictionary edited by W. Doroszewski notes almost 2,000 and these numerical data allows to state that this ending (*-cja*) advantages the stabilisation of the lexeme.

1.2 The English borrowings form groups that are connected by the same prefix with well-known, clear semantic value. Again, they originate from Latin, e.g. *detoks, dewaluacja; autokar, autokemping, autostop; interfejs, intercom*. On the grounds of Polish language a lot of them are not word formation constructions, but we interpret them in a proper way either by invoking the same word formation nest (e.g. *dezodorant – odór; detoks – toksyny*) or by analogy with other derivatives created by the same elements (e.g. *interkom vs. interaktywny*,

interdyscyplinarny). As we can see also this time the English borrowings fit in the word formation patterns based on Latin morphemes.

2. An Expanded (Real or Potential) Word Formation Nest. Most of the 15% of lexemes, which stand the test of time, have established a word formation nest. For example: *esej* (*eseistyczny, esejowaty*), *hobby* (*hobbysta, hobbystyczny, hobbystycznie*), *reporter* (*radioreportaż, radioreporter, reportażyk, reportażysta, reporterskość, reportażowy, reportażowo, reporterka, reporterstwo, reporterzyna, reportaż, reporterski*), *test* (*testowy, testować, tester*).

3. Historical Support. An earlier stratum of borrowings can also support a new loan. For example the 20th-century loan word adapter 1. ‘a record player’, 2. ‘something used to connect two pieces of equipment’ was supported by an old (present already in the 17th century) verb *adaptować* and its participle *adaptowany*.

The Polish language has been overtaking English words in different moments of its history and every layer has been assisted by these already present in the language, e.g. *barman, biznesplan, bizneswomen, drenaż, farmerki, miksować, parking*.

4. Composition of Morphemes. The stabilisation of loan word depends also on the morphemes’ composition. If in the loan lexeme there are morphemes which exist also in a language-recipient the chance for the stabilisation is bigger, compare: *serial* and *recital*. In the first case (*serial*) we can motivate *serial* by *seria*, but the second one (*recital*) is unmotivated on the grounds of Polish. It is important for stabilisation that we can extract the same (homonymic) suffix, compare: *nochal, brzydal*, or the chemical terms *chloral, amonal, magnal*. The same mechanism may be observed in the substantives *adwentysta* or *metodysta*. The second and more numerous group is constituted by loan words with the endings *-er* (*bokser, gangster, hacker, partner*). They are perfectly in line with a Polish category “name of agent” (Lat. *Nomina agentis*) that is not motivated in Polish, like *zecer, tapicer, oficer, szofer*. On the other hand, they invoke old borrowings like *aranżer, monter, kolekcjoner*.

Conclusions. 1. We should observe new phenomena in language also from the diachronic perspective, because it allows for verifying our opinion, and gives us the possibility to point out the tendencies in language.

2. The word formation level is a very important factor in stabilisation of loan words in Polish.

3. The conducted research has showed that the following factors are important for stabilisation:

- a. the presence of a classical root,
- b. the presence of other classical morphemes (a suffix or prefix),
- c. real or potential word formation roots,
- d. the presence of an earlier stratum of borrowings in language-recipient,
- e. the fitness (true or only formal) between the morphemes’ composition of the loan words and native words.

CHAPTER 7. International and national affixes for the expression of pseudo-realia in Russian and Czech (Elena Petrukhina, Dmitry Polyakov)

Introduction. The chapter analyses the system of typical markers, which make it possible to record and classify discrepancy with the reality or the vision of the norm in Russian as compared to Czech. Word-formation means play a great role in this semantic sphere in Slavic languages, with a whole range of peculiarities in comparison with lexical indicators.

The XX century marked the development of a new branch in linguistics – so-called “Linguistics of lying”, aimed to study linguistic means for the expression of lies, deception and discrepancy with the reality. In the era of globalization, information society and IT, the given problem, being closely related to media and Internet environment, is becoming even more acute. A number of special research devoted to the concept of deceit analyze a whole range of nominations of lies and falsification: *ложь* (*lež*), *обман* (*klam*, *podvod*), *неправда* (*nepravda*), *фальшь* (*faleš*), *фейк* (*fake*, *fake news*), *фальшивка*, *фальсификат* (*falzifikát*, *falzum*), *контрафакт*, *подделка* (*padělek*, *podvrh*), *имитация* (*narodobenina*), *фикция* (*fikce*), *симулякр* (*simulakrum*) etc. But such works normally do not consider word-formation means signifying discrepancy with the reality (norm or standard) and falsification. While it is the affixes and affixoids that serve as typical markers of the given semantic area. Thus, they present the object of the current research.

Aims and objectives. This research is aimed to reveal the peculiarities of the expression in the compared languages of discrepancy with the reality and the norm by word-formation means, which entails a number of interconnected objectives: 1) to establish the types of identified discrepancies; 2) to define the central (core) and peripheral word-formation means to express semantic types based on the data of National Corpus of Russian and Czech; 3) to compare the frequency of occurrence of core means; 4) to study in each of the languages the proportion of borrowed and original formants; 5) to study the interaction of formants from closely related word-formation categories and derivation mechanisms of their of which are closely regarded convergence in the framework of the given semantic-derivational category etc.

International affixes of Greek and Latin origin (such as prefixes *квази-*, *quasi-/kvazi-*, *псевдо-*, *pseudo-*, *напа-*, *para-*, *суб-*, *sub-* and others, and suffixes *-ουδ*, *-oid*) prevail as means of expression of pseudo-realia in both languages. It goes to show that the problem of fiction as well as inconsistency with the norm have been on the agenda for a long time. Our research has shown that their use has been growing in both Russian and Czech in the past few decades. The actuation of such prefixes has been noticed in the English language as well (Z. Hamavand. *The Semantics of English Negative Prefixes*. London, 2009). The process correlates with the growing trend of globalization of lexis in modern Slavic languages and proves a new stage of “inter-Slavic association”, especially obvious in word-formation (I. Ohnheiser ed.). *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. I. Słowotwórstwo / Nominacja*. Opole? 2003. S. 334). In this semantic sphere alongside with the international formants,

original ones step up (Rus.: *лже-, недо-, вместо-* etc.; Czech.: *lži-, pa-, rádobý-, také-/taky-* etc.), functional and stylistic characteristics of which are closely regarded in the given study.

Methodology and language material. The main bulk of the material for the research has been provided by Russian and Czech National Corpora. The Russian National Corpus (RNC) (over 283 million words) has been used for the analysis of the material of the Russian language. The main source of Czech material was syn2015 representative corpus, comprising over 100 million words (from the texts of 2010-2014). The analysis of frequency was partly based on other subcorpora, which are part of the National Czech corpus as well as the Czech base of neologisms Neomat, which records new lexis from the early 1990-s. Besides, the authors applied Internet search. Correspondingly, in the study of the frequency of formants and words formed by their means we applied the methods of corpus analysis, which make it possible to objectivize the observations made on the activation of some derivation models, their competition and stylistic characteristics.

Research results. A complex of international and original affixes and affixoids provides for the detailed segmentation of marking the discrepancy with the reality or the norm and enables it to express actual denotations concisely by derivational means. The discrepancy can be classified into the following types: 1) falsification, substitution or a qualitative incompliance with the standard, or imitation (*псевдо-, лже-, квази-, вместо-, недо-, фальш-*; *pseudo-, kvazi-, lži-, rádobý-, také-/taky-*); 2) similarity with qualitative differences (*квази-, псевдо-, -oid, эрзац-*; *kvazi-/quasi-, pseudo-, -oid, pa-, skoro-, téměř-*); 3) a lower or neighboring position in the hierarchy (*суб-, под-, пара-, около-*; *sub-, pod-, para-*); 4) nonequivalence and opposition (*не-, анти-, против-* и др.; *ne-, bez-, anti-, proti-, kontra-, vzdoro-, truc-*); 5) a fundamentally different later phase of existence (*мета-, пост-, после-*; *post-, po-*); 6) surpassing the ontological framework of the standard (*гипер-, транс-, сверх-*; *hyper-, nad-, trans-*). The interaction and competition of the given formants is described with the use of the notion of semantic-derivational category (hereinafter SDC), which is formed by a group of formation categories on the basis of semantic entity (E. Kad'kalova. *Semantika kak faktor razvitiya slovoobrazovatel'nyh struktur. V: Sootnoshenie sinhronii i diahronii v yazykovej ehvolucii. Uzhgorod, 1991*).

According to the result of the research, the most universal means to express discrepancy with the reality (standard or the speaker's idea of the norm) in both languages is prefix *псевдо-* (*pseudo-*). Having a stronger stylistic potential, and potential to form collocations, it participates in the formation of both terms and evaluative nominations. This morpheme is used in both corpora twice as often as the next most frequent element (*kvazi-/quasi-* for the Czech language, and *лже-* for Russian). Moreover, it is important to note that out of 543 revealed lexemes with prefix *pseudo-* in Czech corpus, 417 are mentioned only once (77%). The Russian language has a similar picture: prefix *псевдо-* can freely collocate with other words, so among the derivatives with this prefix recorded in Russian corpus words

with frequency 1 prevail. The majority of low-frequency derivatives with the formant *псевдо-* found in the National Russian corpus have not been recorded in Russian dictionaries (ex.: *псевдоулыбка, псевдолюбовь, псевдомолодежный*).

Functional and stylistic differences have been revealed between isostructural Russian and Czech affixes: the impossibility to form terms with affix *lži-* in Czech, while in Russian it is one of the most frequent term-markers (*лжеакция, лжелиственница*). Similarly, prefix *на-* (*нагруздь*), having a more marginal character in Russian, has a wider use in Czech, where it can also form neologisms (*paargument, paslovo*). A number of non-borrowed prefixoids, converted from different other parts of speech and not participating in the formation of terms is characteristic of Czech. The most frequent of them are *rádoby-* and *skoro-*: *rádobyherec* ‘pseudo-actor’, *skoromanžel* ‘nearly husband’, followed by *také-/taky-, téměř-, jako-/jakoby-*, which differ in the degree of expressiveness.

Conclusion. In both languages, formants and models of word-formation can express discrepancy with the reality and the norm of any object or its features, denoted by the motivational base of the derived word, subtly differentiating possible discrepancies. This important trait of derivational means in the analyzed semantics explains their high usage in both compared languages. The core of the corresponding SDC is formed by the derivatives with Greek and Latin affixes *псевдо-, квази-, -оид, pseudo-, kvazi-/quasi-, -oid*, and in addition, *лже-* considered as a core element in Russian. Word-formation inventory of the closer and further periphery of the given SDC reveals both similarities and differences of formants in Russian and Czech in terms of their origin, semantics, functional and stylistic load.

The affixes in question can semantically drift together, forming synonymic derivatives, which can denote the same object and even be used in the framework of the same syntagma (for example, there are numerous cases of such use of lexemes: *псевдонаука, квазинаука, ненаука, лженаука, антинаука* in Russian, and *pseudověda, pavěda, antivěda, nevěda* in Czech). The word-formation study based on semantic footing also reveals the possibility of convergence and overlapping within the analyzed semantic-derivational categories from other SDC. In both languages, the activity of certain models is growing, for instance those with prefix *анти-, anti-* meaning ‘nonequivalence with certain similarity’, often with a positive connotation and further term formation (*антишкола, антикафе, anticirkus, antiromán*).

The study of how and by what means semantics of implausibility and discrepancy with the norm is objectivized is especially important today, when any information can be faked and spread regardless if it is true or not. Our research contributes to the study of a finely differentiated system of marking of such discrepancies in Russian and Czech.

CHAPTER 8. Global and National: Slovene Equivalents for the Unassimilated English Loan Word *Troublemaker* from the Cognitive Perspective (Irena Stramljič)

Research Goals. The paper deals with the relation between the global and the national in the case of the opposition between unassimilated and domestic lexemes. It examines how native speakers evaluate the appropriateness of the Slovene equivalents for the unassimilated English loanword *troublemaker*. The study includes a survey in which respondents evaluated twelve proposed equivalent terms accessible at the online portal *Fran*. The interpretation of the results is based on three criteria which are particularly relevant for word formation from the cognitive perspective, i.e. structural visibility, compatibility, and productivity of the elements of the formed word.

Theoretical and Methodological Framework. The global influence of language has been proved by numerous linguistic studies of individual languages dealing with the influence of English lexis on the changes in national lexical systems. The overviews of the emerging changes at the turn of the millenium in all the Slavic languages (Ohnheiser 2003) or in some of them (Waszakowa 2005, Korjakovceva 2013) indicate a dichotomy between the tendency towards internationalization on one hand and the tendency towards nationalization on the other hand. It appears that linguistic globalization contributes to new word-formational processes in Slavic languages, which, as can be observed through large corpora, are greatly influenced by the English language.

However, a great lexical absorption of the loanwords from a global language by the national language can also activate defence mechanisms which encourage the creation of parallel domestic equivalents for the new unassimilated loanwords. The new unassimilated loanwords are yet untouched by the process of assimilation and are thus more suitable for the replacement by a domestic equivalent, which is ideally created on the basis of “the spirit of the word-formational typology and the experiential world of the national culture and knowledge”.

Taking this into consideration, the paper focuses on the anti-global tendency which emerges as a motivation for the creation of domestic equivalents to replace the use of unassimilated English loanwords. This tendency opens questions about the nature of linguistic processes which are involved in the processing of the new term and which criteria are decisive in the evaluation of the appropriateness of the term by the native speakers. Nowadays, cognitive grammar is used to search for the answers to these and similar questions.

The Slovene online portal *Fran* has a section entitled *Selections*. A subsection of this section with the title *Propose new Slovene equivalents* offers the opportunity for the users to propose Slovene equivalents for the selection of a hundred English loanwords. In this way, the authors of the dictionary encourage speakers to become more aware of their influence on the use of language and their participation in the standardization of the Slovene vocabulary. The unassimilated English loanword *troublemaker* yielded 12 proposals for a Slovene equivalent (*težavar, zdrahar, težavnik, težavodejnejž, težavočitelj, težavotvorec, težavodelnik, problemodajalec, problematik, težavodelnež, zmešnjavec, avšak*).

The appropriateness of the proposed terms was evaluated by two groups of respondents, who were also asked to give argumentations for their decision. The

smaller group consisted of 8 students from the first year of the first cycle of the Bologna program who are not enrolled in the study program of Slovene. The second, bigger group consisted of 15 students from the third year of the first Bologna cycle who are enrolled in the study program of Slovene. Due to its small size, the sample is not representative, so the results of the survey are used more as a guideline for the interpretation of the individual criteria for the appropriateness of the proposed terms.

Research results. The results of the survey have shown that the decision for the most appropriate term involves several criteria. An important criterion is the structural visibility of the formed word. Therefore it is not surprising that the first six most appropriate terms contain three compounds. Although in the Slovene language derivation is more frequent than compounding, the survey shows that a particularly important criterion is the visibility of the elements of the new formations, which is greater in compounds than in derivations.

The second important criterion within compounds is the appropriateness of the semantic-syntactic relation which indicates the meaningfulness of the term. Some respondents rejected the syntactic sequences *dajati probleme* or *tvoriti probleme* as lexically inappropriate although syntactically regular patterns of a VO sequence. According to the survey, the third important criterion is the limited collocability of some elements (e.g. *-delnik*, *-delnež*).

The fourth criterion is the appropriate selection of the derivational morpheme and the base. The derivational morpheme has to express an appropriate profile, in this case the meaning denoting a person. The selection of the appropriate base may even be constrained by the purist principle (the students of Slovene, for example, preferred the domestic word *težava* to the German borrowing *problem*). The respondents also indicated that the lower acceptability of certain base words stemmed from their infrequent use, reflected in their low frequency in the corpus or their low frequency and expressiveness (*avša*).

The survey additionally confirmed that the newly-formed term is also created according to its evaluative meaning. The respondents evaluated the person who makes trouble as negative, so they rejected the pattern which is used for analogical terms with a positive connotation (e.g. the formation *težavodejnež* was considered as inappropriate due to its analogy with the pattern *blagodejnež* (benefactor), which has a positive connotation and is thus not an appropriate pattern).

The originality of the study. The originality of the study consists in its use of the interpretational framework of cognitive grammar and the application of its methodology in word-formation. This framework is widely used in Anglo-American and also Russian linguistics, but in Slovene linguistics, its application in word-formation is still in the initial stages.

CONCLUSION

The influence of the English language on modern Slavic languages and Slavic word-formation systems is only one of the particular aspects of the impact of globalization processes on the systems of national languages and their

functioning in the intra-national areas of communication. In the sphere of word formation, these processes are reflected in active integration of English borrowings into the word formative process, as well as in the increasing of derivational productivity of word building formants, both original and foreign ones. The replenishment of national Slavic word-formation systems with new word-formation means and methods also becomes obvious.

The Slavic language material analyzed in the monograph testifies that the majority of word-formation innovations in modern Slavic languages are within the boundaries of the formed and normatively fixed word-formation methods and means. At the same time, the above-mentioned processes have a significant impact on the replenishment and stylistic differentiation of national lexicons, the culture of public speech and require close attention of specialists.

ЗМЕСТ

УВОДЗІНЫ	3
РАЗДЗЕЛ 1 Праявы моўнай глабалізацыі ў славянскім словаўтварэнні: сутнасць, маштаб і ўплыў на сістэму <i>Аляксандр Лукашанец</i>	4
РАЗДЗЕЛ 2 Язык современных славянских СМИ в эпоху глобализации: инновационные словообразовательные процессы (диахронический аспект) <i>Елена Ивановна Коряковцева/ Elena Koriakowsewa</i>	16
РАЗДЗЕЛ 3 Македонскиот јазик низ процесот на глобализацијата од зборообразувачки аспект <i>Лидија Аризанковска</i>	34
РАЗДЗЕЛ 4 Slovtvorná adaptace nových anglicismů v češtině <i>Ivana Bozděchová</i>	50
РАЗДЗЕЛ 5 Допринос глобализације банализацији лексичког фонда српског језика <i>Рајна Драгићевих</i>	74
РАЗДЗЕЛ 6 Влияние словообразовательных факторов на стабилизацию английских заимствований в польском языке <i>Магдалена Пастух</i>	85
РАЗДЗЕЛ 7 Интернациональные и национальные аффиксы для выражения псевдореалий в русском и чешском языках <i>Елена Васильевна Петрухина, Дмитрий Кириллович Поляков</i>	98
РАЗДЗЕЛ 8 Globalno in nacionalno: slovenske ustreznice za citatno angleško besedo <i>troublemaker</i> s perspektive kognitivnega pristopa <i>Irena Stramljič Breznik</i>	121
ЗАКЛЮЧЭННЕ	131
РЭЗЮМЭ Глабалізацыя і славянскае словаўтварэнне	132
SUMMARY Globalization and Slavic word formation	155

Навуковае выданне

**ГЛАБАЛІЗАЦЫЯ
І СЛАВЯНСКАЕ СЛОВАЎТВАРЭННЕ
XVI Міжнародны з’езд славістаў (Сербія, Бялград, 19–27.08.2018) :
Тэматычны блок**

**GLOBALIZATION
AND SLAVIC WORD FORMATION
XVI International Congress of Slavists (Serbia, Beograd, 19–27. 08. 2018) :
Thematis session**

Тэхнічны рэдактар *В.Р. Гаўрыленка*

Падпісана да друку 04.12.2019 Фармат 60x84 ^{1/8} Папера афсетная
Друк лічбавы Ум.-др.арк 22,2 Ул.-выд.арк. 22,5 Наклад 150 экз. Заказ 3156
ВТАА «Права і эканоміка» 220072 Мінск Сурганава 1, корп. 2

Тэл. 8 029 684 18 66 e-mail: pravo-v@tut.by

Надрукавана на выдавецкай сістэме KONICA MINOLTA
ў ВТАА «Права і эканоміка» Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі ВВРДВ,
выдадзенае Міністэрствам інфармацыі Рэспублікі Беларусь 17 лютага 2014 г.
у якасці выдаўца друкаваных выданняў за № 1/185